

КРЫМСКИЙ АРХИВ

2017
№ 1 (24)

научный рецензируемый
историко-краеведческий
и литературно-философский
журнал

Издается с 1994 года.
Выходит 4 раза в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет
имени В. И. Вернадского».

ISSN: 2415-8283

Журнал включен в
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован Федераль-
ной службой по надзору в сфере
связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство ПИ
№ ФС 77-61818 от 18 мая 2015
года.

ἰά=ὰοαάοἰϋ ἰἰ δάοάίεϕ ἰάο=ἰἰ-
οάοίε=ἀηέἰἰἰ ἰἰάαοά ΕΟΟ,

ἰδἰοἰέἰε ἰ 9 ἰδ 26.09.2017.

Подписан к печати 02.10.2016.

Отпечатан в управлении
редакционно-издательской
деятельности ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского».

**Статьи и материалы
публикуются на русском,**

**Українська мовка не буде не отражать точку зрения редакции. Рукописи не
возвращаются. Любое воспроизведение материалов без письменного согласия
редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР / EDITOR-IN-CHIEF

Курьянов С. О. / *Kuryanov S. O.*,
д-р филол. наук, доц.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Ишин А. В. / *Ishin A. V.*,
д-р ист. наук, доц.
Минчик С. С. / *Minchik S. S.*,
к-т филол. наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ / EXECUTIVE SECRETARY

Башкова И. С. / *Bashkova I. S.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Айбабин А. И. / *Aibabin A. I.*,
д-р ист. наук, проф.
Берестовская Д. С. / *Berestovskaya D. S.*,
д-р филос. наук, проф.
Богданович Г. Ю. / *Bogdanovich G. Yu.*,
д-р филол. наук, проф.
Герцен А. Г. / *Gertsen A. G.*,
к-т ист. наук, доц.
Гуменюк В. И. / *Gumeniuk V. I.*,
д-р филол. наук, проф.
Курьянова В. В. / *Kuryanova V. V.*,
к-т филол. наук
Латышева Е. В. / *Latysheva Ye. V.*,
д-р ист. наук, проф.
Науменко В. Е. / *Naumenko V. Ye.*,
к-т ист. наук, доц.
Непомнящий А. А. / *Nepomniashchiy A. A.*,
д-р ист. наук, проф.
Новикова М. А. / *Novikova M. A.*,
д-р филол. наук, проф.
Петрова Э. Б. / *Petrova E. B.*,
д-р ист. наук, проф.
Усеинов Т. Б. / *Useinov T. B.*,
д-р филол. наук, доц.
Филимонов С. Б. / *Filimonov S. B.*,
д-р ист. наук, проф.

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ:

295007, Республика Крым,
Симферополь, пр. Вернадского, 2, ТА КФУ,
кафедра русской и зарубежной литературы,
редакция журнала, каб. 213.
Тел.: +7 978 798-75-37.
E-mail: krarkh@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

<i>Балаховская Т.Л.</i> Лев Шестов: семья и путь в эмиграцию.....	3
<i>Невзорова И.М.</i> Крымский контекст в творческой судьбе Людвиг Квятковского (1894–1977).....	24
<i>Ябуров С.И.</i> Судьба Софьи Федорченко, друга Максимилиана Волошина.....	60

КРЫМ В МИРЕ КНИГ

<i>Ровенская И.В.</i> Исследовательская работа с изданиями, обладающими признаками книжных памятников, как одна из составляющих научной деятельности в библиотеке.....	69
<i>Санкина Р.Н.</i> Экслибрисы как документальные свидетельства истории (Из фондов Научной библиотеки КФУ).....	79
<i>Старовойтова О.В.</i> История отдела редкой книги в библиотеке Института археологии Крыма РАН.....	89
<i>Юркевич Н.В.</i> Книги знаменитых владельцев в собрании Отдела редкой книги НБ КФУ: опыт киговедческой идентификации.....	95

ИСТОРИЯ КРЫМА

<i>Шестакова Н.Д.</i> Родословная Юрия Терапиано: (по материалам государственного архива Республики Крым).....	105
---	-----

КРЫМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 929.52

ЛЕВ ШЕСТОВ: СЕМЬЯ И ПУТЬ В ЭМИГРАЦИЮ

Татьяна Игоревна Балаховская,

*заведующая кабинетом-музеем П. Л. Капицы при
Институте физических проблем им. П. Л. Капицы РАН,
внучатная племянница философа Льва Шестова
(РФ, г. Москва)
e-mail: tatbal@gmail.com*

Аннотация. В статье по архивным материалам, воспоминаниям, мемуарам и переписке восстанавливаются подробности жизни известного русского философа Л.И. Шестова до эмиграции в Париж. Основным источником сведений о жизни Льва Шестова является книга «Наташ» его младшей дочери Натальи Львовны Барановой, но также автором статьи использована переписка философа с видными деятелями культуры Серебряного века и др.

Ключевые слова: Л.И. Шестов, Н.Л. Баранова, Б. Пастернак, С. Листопалов, Е. Герцык, В. Г. Малахиева-Мирович.

При советской власти имя Льва Шестова было под запретом. Причиной тому, скорее всего, явилась брошюра «Что такое русский большевизм» [9], выпущенная Евгением Лундбергом в Берлине в 1920 году [11] (Лундберг Евгений Германович (1887-1965 гг.) учился в Париже, затем в Женевском и Иенском университетах, прозаик, критик и издатель). Больше Шестов на политические темы не писал, но, видимо, этого оказалось достаточно, чтобы все его книги попали в «спецхран».

В нашей семье о Шестове не говорили, но когда времена стали более вегетарианскими, как-то само собой выяснилось, что прабабушка Софья Исааковна, чей портрет висел на почетном месте, – родная сестра философа Шестова. А потом оказалось, что бабушка была прекрасно знакома с семьей Льва Исааковича задолго до того, как вышла замуж за его племянника. Так постепенно Шестов появился и в нашей жизни.

Основным источником сведений о жизни Льва Шестова является книга его младшей дочери Натальи Львовны Барановой – «Наташ», как называют ее французы, неспособные сделать ударение иначе как на последнем слоге. Кроме того сохранился большой корпус писем, которые, собственно, и легли в основу книги и частично в ней цитируются. Наташ передала их в библиотеку Сорбонны, где их можно почитать, а недавно значительная часть их отсканирована и стала доступна онлайн. Кроме семейных писем в архиве довольно обширная переписка с русскими и иностранными философами, часть которой опубликована, как например переписка со Шпетом и Гершензоном [3, с. 237–312]. Отдельными книгами вышли переписки Шестова с его другом и переводчиком Борисом Шлецером [Переписка Льва Шестова с Борисом Шлецером, УМКА-Press, 2011] – братом второй жены Скрябина, Татьяной Федоровной, и переписка Шестова с Максом Эйтинггоном [5] – психоаналитиком, учеником Фрейда и учителем младшей сестры Шестова Фани.

Эта переписка, в которой фигурируют многие родственники автора статьи, нас заинтересовала, мы многое о них узнали и не теряем надежды подготовить семейную переписку Шестова к публикации. Удивительная особенность этой хранящейся в Сорбонне коллекции состоит в том, что почти все письма написаны самим Шестовым, хотя на первый взгляд казалось бы, что в доме остаются письма полученные, а не написанные хозяином. Однако в случае Шестова все наоборот. В архиве около тысячи писем Шестова к родителям, сестрам и братьям, из которых более половины адресованы сестре Фане и ее муже Герману.

Лев Исаакович Шварцман родился в Киеве в большой еврейской семье. Его отец, Исаак Моисеевич, тридцатилетний торговец мануфактурой, женился на совсем молоденькой Анне Григорьевне Шрайбер. В это время у него уже была дочь от первого брака Дора; ни имя, ни судьба первой жены мне неизвестны. Дочь Соня (1862) родилась, когда матери было 17 лет. Через год на свет явилась еще одна девочка, Маня (1863), а еще через три года, в 1866 – долгожданный первый сын Лев. В 1870 году родился Михаил, в 1873 – девочки-двойняшки Фаня и Лиза, и наконец, в 1882 самый младший – Александр. Таким образом, в семье было 8 детей.

Старшая дочь Дора нанесла семье удар, выйдя замуж за православного. Ее муж, Денис Поддергин, был директором одного из первых в России средних профессиональных училищ, в Запорожье у здания университета, где когда-то располагалось училище, установлен его бюст. Исаак Моисеевич изгнал Дору из своего дома и своего сердца, но братья и сестры, по-видимому, продолжали с ней общаться. По крайней мере, в описи архива Шестова в библиотеке Сорбонны фигурируют два

и еññì à ñàñòù Àí ðù. Í î ñàì èðí èññì à ððèèááí àò àì àñòí í èð – èèñò è ñí àáí èññì : «í ðñòñòáòð ò». Òðàí èèèñì èòà òíí àà ïí ðñòñèé í à ñí àí ðèò èèàà àááèèññì èññì à – í à çí ààò è í àí ñí àáí í í ýèè èí ðàðñòáòññì. Ñí í ý àù ø èà çàì óèçà ñàòáðí çàáí à – èèà Àáí èèèà Àðèñ ðñàáè – à Àè – èòò àññì àí ññì «í èèèèí ù èèí ». Á.Á Àèèòò àññèé (1862–1931) – èí àáí àð, ï ðí ù ø èáí í èè, ï àðáí àò èè àèí àí. Í î ðí ñòááí í ù é ï ï – àòí ù é ððàèááí èí àí ðí àà Èèààà, èààèèèðí ðááí à ï – àòí àí Èááèí – í à. Á 1913 àí àó òñòáèèè èèàáññèè à èí í òáòù Ñèòýàèí à. Àñ èí ýí àèù – èàò à èññì èèè àáññì à «àí à ñ èè àðàí è», ýò ò àí ðááí òù àðè – òáèò ðà Áí ðí àáèè àí àí èáí í àí ï àèè àí ñòðí èòù èí ï ï àðáòí àèè èç ðé è à ðéè. Á èàèí è – òí ï ï àí òíí àú è èòí èáí Ááí èèèí Àðèñ ðñàáè – àí , í í àññì ðà àú è ï àðáí ðí àáí .

Ááí èèè, èèè Ááí èè, èèè àáí í àú – í í à çñì àèèè, èí ðàðáí àèññì àí àò èññì ñàòáðí èí àááèèè ï ñòù. Í í àú èí àèí àí ï è èð àèèèè èññì òñòá, à àáí àí ï àí àèèèèññì àññì èèèèèè èèèèèè àý ýèèè. Ñèòýàèí , àú àáý à Èèààà, àññàà ï ñòáí àèèèèèññì ó Àèèòò àññèé; ðí ýèù, í à èí òí ðí èèèèè èèèèèè èí ï ï çèò ð, ï ï ñàè àáí ù ñòí èò à èèèèèèèè ï àéí àðèèèè è èòç – í ù Áí í ù Èí ðáí (í ï èðáèí àí àðà, ðáè àèèèèè ñàí àéí àý èáááí àà). Áí í à Èí ðáí (Anne Laurent) – í àðááí à – èòà, àí ò – èà ñòáòø àè àí – àðè Ñí ò èè Èñàáèí àí ù ø àáòí àí Ááááí èè Ááí èèí àí ù Àèèòò àññì é. Ø àáòí àí ù òí àáí í à – òááí àú èè ï çñì èá Ñí ò úý Èñàáèí àí à ñ – èòáèññì ðáèðáí í èí èáí è – ñòè é, Èáá Èñàáèí àè – í àí èí òí ï àè è à í èí àí ñòè àááá ï ï àòí ù àáè í à ï ï àðí í é èàòùèè, àí èèèè èè àðàò Àèèèèèí àð ñòáè ï ðí ò àññèí í àèí ù ï ï çñì èáí òí è è èí í òá àèçí è í èèòù è à Çàèù – Àèèèèè çñì èèèèí çð ø èí èó.

Ñàèí í Àèèòò àññèé àú è èí çáðí àèèí í àèí ù ï : ñàí Ááí èè àú è ò ðáí – òççñèè , à ï ï òí àú à è èñí àí ñèè èí ñòèññèè àááí òí à Èèààà, à ñàñòà àá , òí àá Ñí í ý, Ñí ò úý Àðèñ ðñàáí à, àú èà çàì óááí çà ò ðáí òççñì Ýááí ï ï – èèè, èèè çààèè àáí í à ðñòñèèè èáá Ááááí èáí ð èüáèè – àí – Í àòè. Á.Ð . Í àòè (Eugene Petit) (1871–1938) – ò ðáí òççñèèè àááí èàò è áí ñòááðñòááí í ù é àáýòáèù. Èí àñòááí í èè Àèèèèèí àðà Áð ï à, àðòá è, èà – àèòññì, òí àá ðí àñòááí í èè Àèèèèèí àðà Ì èèüááá à ((1859–1941) ò ðáí – òççñèèè ï ï èèèè – àññèè àáýòáèù, ï ðáçèááí ò Òðáí èèè à 1920–1924), à àú òí ñòù èèüáááí àí ðáí ùáð – í èí èñòí ï Òðáí èèè àòè ñòáèí à – àèñì è –

ком его кабинета. В революционные 1917–1918 годы он жил в Петербурге и регулярно посылал французскому правительству донесения о состоянии дел в России. Бывала в доме вся киевская интеллектуальная

элита, душой компании был Константин Прокофьевич Тарасов, отец будущей знаменитой артистки Аллы Константиновны Тарасова (1898–1973,) советской актрисы театра и кино, народной артистки СССР.

Две сестры Льва Шестова, Маня и Лиза были замужем за братьями Львом и Владимиром Мандельбергами – оба, как и Константин Тарасов, были врачами. Фаня вышла замуж за композитора Германа Ловцкого – опять музыка! – с 1897 года они жили за границей и в Киеве почти не бывали. Сама Фаня защитила диссертацию по медицине и стала психоаналитиком, ученицей Фрейда и анализантом Юнга. Как я уже упоминала, большая часть сохранившейся переписки Шестова – это письма к сестре Фане и

Л. И. Шестов, 1927

Герману; из всех родственников они, судя по всему, были самыми близкими друзьями Льва Исааковича.

В двенадцатилетнем возрасте Леля, как звали в семье Льва Исааковича, был похищен «какой-то подпольной политической организацией». История крайне мутная, что там было на самом деле мне совершенно непонятно. В книге Наташ написано, что «отец (т. е. Исаак Моисеевич – Т. Б.) решил не поддаваться политическому шантажу и на требование денежного выкупа ответил твердым отказом. ... Твердость принесла плоды, и через некоторое время друг семьи М. И. Кулишер привел исхудалого 12-летнего мальчика домой со словами: «вот вам ваш Леля» [1]. Больше про Кулишера ни слова, даже в именном указателе нет полного имени-отчества и ссылка только на эту историю. В интернете нашелся Михаил Игнатьевич Кулишер (1847–1919) – этнограф, юрист и историк, большой знаток иврита – как и Исаак Моисеевич. В конце 1860-х гг. он начал журналистскую деятельность в одесской газете «День» и «Санкт-Петербургских ведомостях», в 1880–1886 издавал в Киеве газету «Заря». Перед этим, в 1879, основал в Петер-

бурге газету русских евреев «Рассвет», а в 1880 – редактировал одесскую газету «Правда». 12-летие Лели приходится на 1878 год, в это время Михаил Игнатьевич вполне мог оказаться в Киеве, но какое он отношение имел к «подпольной политической организации» или «группе анархистов», похитивших Лёлю, совершенно непонятно. Трудно верить и в то, что отец по своей воле оказался платить выкуп за старшего сына и целых полгода ждал его возвращения, ничего не предпринимая. Странно еще и то, что сам Лев Исаакович никогда не вспоминал эту историю – а все важные события его жизни в той или иной форме отразились в его сочинениях, ранние из которых были в значительной степени автобиографичными.

В 1884 году будущий Шестов поступил в Московский университет, сначала на математический, а потом на юридический факультет, но в 1889 перевелся в Киев и образование закончил там. Его диссертация о «Фабричном законодательстве в России» утрачена.

«После окончания университета Шестов записался в Петербурге в сословие адвокатов, но дел никогда не вел, а юридической деятельностью занимался только очень короткое время в Москве. В 1889 Шестов поступил на военную службу вольноопределяющимся. Короткое время он работал помощником присяжного поверенного в Москве. Вскоре (1891 или 1892) ему пришлось вернуться в Киев ... спасти семейное предприятие» [1], – пишет Наташ.

Перемещения Льва Исааковича в этот период не вполне ясны, но явно многочисленны. Переписка того времени не сохранилась, документы – тоже, и Наташ основывается на отрывочных сведениях из «автобиографии» и мемуаров друзей отца. Но не вызывает сомнения, что до 1892 года он много времени проводил вне Киева. Видимо в это время и родился внебрачный сын Шестова Сережа.

Наташ пишет об этом более чем кратко:

«К этим же годам относится связь Шестова с горничной семьи Шварцманов, Анютой Листопадовой, и рождение внебрачного сына Сергея (вероятно, 1892). Шестов был очень привязан к мальчику и всю жизнь о нем заботился. Сережа жил в Москве с матерью, а затем в семье одного московского журналиста. В Москве он окончил гимназию. Неизвестно, успел ли он поступить в университет до войны. На войну он пошел вольноопределяющимся и был награжден двумя георгиевскими крестами и произведен в прапорщики. Он был убит на войне, вероятно, весной 1917 года. Во время своих отпусков он бывал у Шестовых в Москве. В один из приездов он встретился с Борисом Пастернаком (Борис Пастернак. Охранная грамота, стр.80)» [1].

Как говорят парижские родственники Шестова, Наташ вообще не хотела упоминать в своей книге о Сереже, ее с трудом убедили, что сделать это необходимо. В результате она ограничилась кратким и, судя по всему, не вполне точным пассажем.

Я сильно сомневаюсь, что Анята Листопадова (кстати, иногда ее фамилию пишут «Листопад», без окончания) действительно была «горничной семьи Шварцманов»: вряд ли Исаак Моисеевич допустил бы такое безобразие у себя под носом, а если бы подобное случилось, отправил бы провинившуюся прислугу подальше и не позволил бы сыну заботиться о ребенке. Скорее всего, история с Анятой произошла в Москве. «Один московский журналист» в семье которого жил Сережа – это Илья Николаевич Игнатов (1858–1921), критик, публицист, театровед, член редакции газеты «Русские ведомости», двоюродный брат Пришвина. У него были две дочери – Таня (1892) и Наташа (1897). Вероятнее всего, Анята Листопадова была прислужкой в доме Игнатовых, и оставалась с этой семьей до самой своей смерти. Подтверждение этому я вижу в одном из писем Гершензона [3, 237–312], который передает Шестову привет от Игнатовых и Аннушки. Впрочем, может быть это совсем другая Анна...

Сережа рос вместе с девочками, особенно дружен был с младшей, Наташей. Моя бабушка, которая хорошо знала Игнатовых, приписала на странице книги Наташ: «... Нат. была сверстницей Сережи и очень с ним дружила». Тут опять некоторая неясность: насколько нам известно, Сережа был ровесником не Наташи, а Тани Игнатовой – оба 1892 года рождения – а Наташа была на 5 лет моложе. Так что сверстницей Сережи была как раз Таня.

В детстве бабушка брала меня в гости к Игнатовым – у меня в памяти сохранилась какая-то вазочка для конфет – вероятно, она стояла не на столе, а на низкой тумбочке, и потому попала в поле моего зрения. Мой папа помнит больше – разговоры бабушки с Натальей Ильиничной, в которых фигурировал «мой Сережа» и «твой Сережа». Сережа Наташи Игнатовой – это Сергей Листопад, который одно время считался ее женихом, второй Сережа – это мой дедушка Сергей Данилович Балаховский.

Наталья Ильинична умерла в 1957, и я ее толком не помню, а Татьяна Ильинична прожила до 1972 года, одинокая, она вынуждена была в последние годы перебраться в дом престарелых. Мы с бабушкой помогали ей с переездом в пансионат Академии Наук, а потом не раз навещали. При переезде Татьяна Ильинична не смогла забрать с собой все свои вещи, и кое-что попало к нам. До сих пор у меня на стене висит пастельный портрет девочки в вышитой блузке – это маленькая Наташа Игнатова.

Еще одна история об этой семье относится к началу тридцатых годов. Моего отца, тогда маленького мальчика, отвезли к Игнатовым ночевать – кто-то из его братьев заболел, и боялись заразы. Атмосфера в доме оказалась такой, что папа почел за лучшее вооружиться луком и стрелами и занять оборонительную позицию под столом, откуда просматривалась входная дверь. Чутье ребенка не обмануло: в 1937 году муж Татьяны Ильиничны Семен Николаевич Коншин был арестован и в начале 38-го расстрелян, а сама она попала в АЛЖИР (Акмолинский Лагерь Жён Изменников Родины – 17-е женское лагерное отделение Карагандинского ИТЛ в Акмолинской области, Казахстан), где, правда, провела немногим более года и чудом освободилась в конце 1939-го. Наталья Ильинична сама репрессирована не была. Она была подругой Густава Шпета, в очередь с Натальей Константиновной Гучковой (1892-1956), второй женой философа Г.Г. Шпета, ездила к нему в Томск, пока его там не расстреляли в 1938. Потом она была замужем за композитором Самуилом Евгеньевичем Фейнбергом, в эвакуацию во Фрунзе сестры Игнатовы ехали с группой членов Союза композиторов, как жена Фейнберга и ее сестра.

Что касается упоминания Сережи Листопадова Борисом Пастернаком, то это тот самый «красавец-прапорщик», который летом 1916 года отговорил Бориса Леонидовича идти в армию. Перед этим Пастернак провел несколько месяцев в поселке Всеволодо-Вильва в 200 километрах от Перми. Его и Евгения Лундберга пригласил туда Борис Ильич Збарский, бывший тогда управляющим заводов Саввы Морозова – пригласил, чтобы они составили компанию его жене Фане, которая сучала в этой забытой богом дыре. Б.И. Збарский (1885–1954) – советский биохимик, директор Лаборатории при мавзолее Ленина. В 1911 году окончил физико-математический факультет Женевского университета. Во время I мировой войны организовал производство формалина для нужд армии. В 1915 году впервые в России разработал и наладил заводской способ производства наркотного хлороформа. В 1952 арестован, освобожден в декабре 1953. В результате брак Збарского распался, а Всеволодо-Вильва стала прообразом пастернаковского Варыкина. Вероятнее всего Лундберг и познакомил Пастернака с Сережей; впрочем, Збарский тоже был хорошо знаком с Шестовым – в 1911 году они встречались в Швейцарии, где Борис Ильич изучал биохимию под руководством отца моей бабушки Алексея Николаевича Баха. А.Н. Бах (1857–1946) – академик АН СССР, основатель и директор Института биохимии им. Баха и Института физической химии им. Карпова. С 1885 по 1917 жил в эмиграции, вернулся в Россию после

Февральской революции. Считается основоположником советской биохимии. Известна фотография, на которой Збарский, Лундберг, Фаня Збарская и Борис Пастернак сидят вокруг стола во Всеволодо-Вильеве. Все четверо были знакомы и с Шестовым, и с Сережей.

Дата гибели Сережи неясна. Он упоминается в нескольких письмах Шестова к Фане и Герману:

«Москва 31 ноября ст. ст. 1914

...Виделся со своим Сережей – теперь его будут свидетельствовать. Я писал вам, что он был на войне в четырех боях, получал 2 Георгиев, производство в унт. офицеры, одну рану и три контузии. ... Теперь он в школе прапорщиков – но оттуда его послали в госпиталь, и может быть ему дадут несколько месяцев на поправку, а потом опять на войну.

Москва, 3 / 16 Марта 1915

...От моего Сережи уже две недели нет никаких писем, Последнее письмо было очень тревожное. Он писал, что бой идет сумасшедший, что ротного командира тяжело ранили и что он остался единственным офицером на всю роту, Я боюсь, не попался ли он в плен. У него есть ваш адрес и, если он в плену, он вам напишет. Постарайтесь послать ему что нужно и кроме того, если вы от него получите письмо, протелеграфируйте одно слово: «получили». Если же еще он не тяжело ранен, прибавьте «здоров». А то я очень тревожусь, не получая известий» [12].

В более поздних письмах упоминаний о Сереже нет, как нет и самих писем почти за целый год. Возможно, они не сохранились по какой-то технической причине, а может быть Наташ уничтожила их до того, как ее уговорили все же написать о Сереже несколько строк. Но точной даты и даже года рождения своего незаконнорожденного брата она и сама не знала – это следует из ее пометок на некоторых письмах.

Гораздо подробнее, чем Наташ о Сереже рассказывает Евгения Герцык. Вообще, ее воспоминания отличаются сердечностью и посвящены Шестову-человеку, остальные мемуаристы, как и Наташ, пишут больше о публикациях и общении с философскими знаменитостями.

Вот что пишет Евгения Казимировна: «Как-то зимою 16–17 года мы снова собрались у него <Льва Шестова> – среди знакомых писательских лиц красивый тонкий юноша в военной форме. Сын Сережа. Весь вечер я только и следила за влюбленными взглядами, которыми обменивались отец с сыном. И этот звонкий, срывающийся юношеский голос среди всех до скуки знакомых. Не знаю, что он говорил. Что-то смелое, прямое. Все равно, что. Дней через десять в нашем кружке телефонная тревога: один звонит другому, третьему, тот опять первому... В трубку невнятно, спотыкающимся от волнения голосом

Гершензон нам: «Вы слышали? Сережа Шестов... Да верно ли?... Кто сказал? Убит... А он – что?» Он – ничего. К нему телефона нет, да разве об этом позвонишь?» [4].

Увы. Мы мало знаем о короткой жизни Сережи, но благодаря Борису Пастернаку его имя сохранилось в истории литературы.

Вернемся к жизни Льва Исааковича. В первой половине 90-х он делил время между отцовской лавкой, литературным трудом и поездками – в Москву и за границу. Изучение юриспруденции и «фабричного законодательства» не прошло даром: Шестов преобразовал семейное предприятие в акционерное общество, членами которого стали родители, братья, сестры и зятья (или шурины? никогда не знаю, как правильно их называть), наладил отчетность и добился процветания бизнеса, или, как тогда это называлось – дела. К этому же времени относятся его первые литературные опыты – повести и рассказы (во многом автобиографические) о пламенных борцах с социальной несправедливостью.

В конце лета 1895 года Лев Исаакович поехал отдохнуть к сестре Соне в Переверзевку – имение Балаховских вблизи сахарного завода. (Сейчас это Курская область, и сахарный завод по-прежнему функционирует). У Сони к тому времени было двое детей: пятилетняя Женечка и трехлетний Жоржик. Воспитательницей к ним была приглашена Варвара Григорьевна Малахьева (1869), подруга Леониллы Тарасовой, через которую, вероятно, она и познакомилась с кланом Шварцманов-Балаховских. Варвара Григорьевна Малахьева-Мирович (1869–1954,) – русская поэтесса, переводчица, мемуаристка. «Мирович» – фамилия героя ранних рассказов Льва Шестова, которое обе сестры Малахиёвы использовали как литературный псевдоним. Вава, как называли Варвару Григорьевну, прошла через увлечение народовольцами – была даже готова умереть за всемирное братство, – попала с запрещенной литературой и была ненадолго арестована. Однако вскоре ее стала тяготить партийная дисциплина; в революцию верилось все меньше, охватывала горечь разочарования. Прежде чем попасть в дом к Балаховским она жила уроками, небольшой литературной работой – писала стихи, статьи. Между Львом и Вавой возникла душевная близость. Разумеется, это не осталось секретом для окружающих, был даже подослан мальчик подслушивать, о чем они разговаривают во время долгих прогулок. Наушник остался недоволен: «когда ни подойдешь к ним, только и слышишь философию да литературу». Это выражение «философия да литература» стала для Вавы и Льва паролем.

В конце лета Лев Исаакович возвращается в Киев. Они переписываются.

«Как грустно смотрит лес и озеро и вся Переверзевка после Вашего отъезда! Я очень привыкла к Вам и поняла Вас лучше и Ваша близость стала мне дорогой. Но «Les joies sont toujours trop courtes, les adieux sont toujours trop longs» (Радости всегда слишком коротки, прощания всегда слишком длинны (пер. с франц.) – Т. Б.). Так сказал Виктор Гюго. А я начала письмо не для того, чтобы сказать это, да как-то само сказало. Впрочем, я уверена, что это будет Вам приятно, – а чего бы я ни сделала, чтобы Вам было приятно, чтобы Вы не имели такого изнеможенного и угнетенного вида, как в последние дни. Вы сделали меня лучше, чем я была раньше... Как жаль, что Вы не могли еще побыть здесь. Я вижу теперь, что каждый день Ваше присутствие доказывало мне убедительней, чем все тома Толстого, что «Царство Божие внутри нас есть». Я во многом еще не разобралась, но в хаос моей души уже внесен свет и предчувствие несомненного рождения из этого хаоса... И когда Вы будете умирать, то Ваша встреча со мной даст мир Вашей совести, хотя бы Вы ничего другого не сделали в жизни. И как хорошо, что Вам дано делать это «другое» почти везде, где Вы ни появитесь. И если бы не Ваши дела с сукнами, Вы создали бы себе путь в жизни, не похожий на другие пути» [12]. Это написано 14 августа 1985.

А вот – 16 августа: «Зачем друг мой столько любви и столько чисто юношеской идеализации? Я не перестану повторять, что это чисто идеализация, и придёт время, когда вы увидите, что я права. И увидите, что я не стоила вашего чувства, и что вы взяли из глубины вашей души, освещённой любовью, то, что считаете взятым у меня» [12].

Все подробности этой истории мы, скорее всего, никогда не узнаем, но ясно, что Вава по каким-то внутренним своим причинам не хотела ответить на пылкую привязанность Льва Исааковича. Вместо этого она уехала с семьей Сони за границу, на Лазурный берег. Там в марте 1896 года родился третий ребенок Софии Исааковны Сережа, который впоследствии стал моим дедом.

Недавно были опубликованы дневники Вавы, в которых она с горечью вспоминает события той осени: «Если бы в молодости я ответила Л. Ш. так, как ему казалось тогда единственно важным для его души, не было бы у него того великого опыта, который привел его к огромной работе духа над загадкой жизни и смерти». И в другом месте: «... Уязвила и пугала этого человека неполнота моего ответа на полноту его чувства. И все это перенеслось для него в философское искание смысла жизни и в тяжелую нервную болезнь, которая привела его в одну из зарубежных лечебниц и потом на целые годы за границу» [6, с. 295].

Вот что об этом периоде жизни Шестова пишет Наташ:

«К концу 1895 г. он заболел (нервное расстройство, сильные мучительные невралгии, полное изнеможение) – вероятно, из-за того, что приходилось так много времени отдавать нелюбимому делу, и вследствие потрясения, вызванного трагическим событием в его личной жизни». Что произошло – Наташ не уточняет. Некоторые из друзей Шестова, вероятно, с его слов знали о трагическом событии, и упоминания о нем встречаются в их работах, но в чем именно заключалась трагедия, они, очевидно, тоже не знали. Евгения Герцык пишет: «Этот такой чистый человек нес на совести сложную, не вполне обычную ответственность, от которой может быть игнулись его плечи, и глубокие морщины так рано состарили его... Это было время глубочайшего отчаяния Льва Исааковича, его внутренней катастрофы» [2, с. 141–145].

А это – из «Дневника мыслей», в записи от 11.05.1920: «В этом году исполняется двадцатипятилетие, как «распалась связь времен» или, вернее, исполнится – ранней осенью, в начале сентября. Записываю, чтобы не забыть: самые крупные события жизни – о них же никто, кроме тебя, ничего не знает – легко забываются» [8]. То есть в начале сентября 1895 года произошло некое событие, которое вызвало нервное и физическое расстройство, расстройство, которое потребовало для лечения не только поездки за границу, но, как выясняется и операции, или даже нескольких операций. Трудно поверить, что занятие нелюбимым делом могло привести к таким результатам.

Из дневников Вавы мы узнаем, что уезжая, она поручила Льва Исааковича своей младшей сестре Анастасии. По-видимому Лев Исаакович перенес на Настю чувство, которое он испытывал к ее сестре.

1 апреля 1896 года он пишет матери: «Жить без Насти я не могу. Этой девушке я обязан своей жизнью. Если бы ее не было, Бог знает, что произошло бы со мной. Она в самую тяжелую минуту жизни, когда я был готов на все, когда я был так же близок к помешательству, как и к смерти, подошла ко мне и спасла своей любовью...» [12].

До этого, зимой, Володя Мандельберг, занимавшийся лечением Шестова в Карлсбаде, пишет длиннейшее письмо родителям, в котором рисует состояние Льва самыми мрачными красками, ссылаясь на врачей, которым он представил его не как своего родственника, а как пациента (мы помним, что Владимир – врач), и заодно объясняет, что спасти его может только женитьба, и лучше невесты, чем Настя не найти. При этом он подчеркивает, что Лев ни в коем случае не намерен креститься. «Он не крестится ни теперь, ни через год, ни через два, а вероятнее всего и никогда этого не сделает. Ему так же трудно на это решиться, как и нам согласиться. Он даёт честное слово, что не сдела-

ет этого, и вы можете ему поверить, вы достаточно хорошо знаете его характер. И я могу Вам дать своё честное слово, что это чистая правда, что это не делается только для того чтобы вас успокоить, но что это его твёрдое решение. <...> Не мучьте же только папашу и себя и его не делайте так, как многие горячо любящие но неразумные матери поступают, что сначала все противятся, надеясь на что-то неопределённое, а потом наконец дают свое согласие, когда уже поздно и когда оно уже не нужно. ...<...> У вас другое утешение есть: девушка, которую Лёля полюбил, бесспорно лучше всех наших знакомых барышень, она несравненно выше всех их стоит и кроме того она очень добрая и совершенно бескорыстно полюбила Лёлю. Лёля с ней наверняка будет счастлив. Лучшей невесты в этом смысле Вы и сами ему не могли приискать. Я от всей души желаю, чтобы мои братья сделали такой же удачный выбор. Вам, наверное, тяжело будет писать ему письмо и потому лучше всего было бы если бы вы телеграммой одним словом “согласна” избавили бы его и себя от излишних мочений. Я уверен, что он сразу бы ожил и выздоровел» [12].

Увы, согласие не приходит.

Сам Лев пишет матери (точной даты на письме нет, карандашная пометка рукою Наташ – 1896): «Разве я не чувствую, как тебе тяжело и что тебе тяжело именно потому, что ты так же не можешь дать мне свое благословение, как я теперь, несмотря на все свое желание, не могу ехать в Киев. И мне теперь еще тяжелее. У меня два горя: твое и свое. Я стал несчастным с тех пор, как понял, какая у меня болезнь, что значит она. И теперь, когда увидел, что ты так поражена моим поступком, я вдвойне несчастен. У меня на сердце вечно, непрерывно сидит какой-то червяк и сосет, сосет без конца. Я хожу, разговариваю, ем, пью – но червяк грызет и не перестает. Мне всегда казалось, что ты сумеешь примириться с моим поступком, если узнаешь, что привело меня к нему, в каком безвыходном положении я был. Теперь я вижу, что ты тоже не можешь, хотя может быть и хочешь – и мне невыносимо тяжело. Мне кажется, что я уничтожаю всю семью, что я отнимаю последнюю опору у тебя и папаши. Прежде семья держалась, как одно. Теперь начинается рознь. Ты уже не веришь Володе – и я один тому виной. И Лев у тебя на подозрении – опять я виноват. Ты мучаешься за меня и за всех наших, и я один виноват» [12].

Что за поступок, который стал причиной – или следствием? – болезни и душевного расстройства – неясно. Вроде получается, что событие сентября 1895, когда «распалась связь времен» и «поступок», с которым семья не могла примириться, и который привел к необходимо-

сти делать операцию, – связаны не с Настей, напротив, Настя «пришла и спасла» когда что-то роковое уже свершилось.

Тем временем продолжается переписка Шестова с Вавой. «Распад связи времен» не помешал продолжению их дружбы, но она перешла в область литературно-философскую (что неудивительно): «Хорошо было бы вам Данте прочесть, Гюго, Дюма сына и русских – Толстого, Достоевского, Писемского, Гоголя, Тургенева, Белинского, Добролюбова. И затем – историю. Полезно – историю литературы, искусства и общественных движений. Видите, как много! Когда вы будете опять с нами, я все свое влияние употреблю, чтоб направить вас именно по этому пути. Но напишите все-таки, что вы сами намерены читать: вы говорите, что у вас есть уже программа. Да – еще: непременно пишите. Я знаю, что у вас есть планы. Старайтесь их осуществить. Вам это необходимо, чтоб давать себе отчет в своих настроениях. И затем – не бойтесь бездны премудрости. Она не так страшна. И мне много недостаёт в знаниях: больше, чем вам, если принять в соображение, что от меня требуется. А я не робею. Не робейте и вы. Бывают грустные настроения – но они относятся к тому проклятому случаю, который наделал столько бед в моей жизни. А помимо этого, я убежден, что еще добьюсь своего, и выведу и вас, и Настю а путь. Но вы, Вава, вы не бегите моих указаний и не вздумайте подчиниться влиянию того круга, который встретится вам в Париже» [12].

Удивительный человек Лев Исаакович! Только что женщина его бросила, он в свою очередь бросил ее сестру, не посмев преодолеть семейные предрассудки, причем сестры, бесконечно любившие друг друга, поссорились – а теперь он собирается «выводить их на путь»! Надо заметить, что для Насти история с Шестовым не прошла даром, у нее началось нервное расстройство, которое, в конце концов, привело ее в сумасшедший дом и стало причиной преждевременной смерти. А он пишет дальше: «В последующих письмах, по мере того как я буду знакомиться с Нитше (он ужасно трудно читается и я с ним много хлопоту), я буду, если вы хотите, и вас знакомить с ним на тот случай, если его сочинения попадутся в ваши руки. А пока – прощайте. Поклонитесь С. Г. и г-ну Пети» [12]. То есть в апреле 1896 Вава живет в Париже у Софьи Григорьевны и Евгения Юльевича.

Так или иначе, Лев Исаакович живет за границей. Снимает пансион в маленьких городках, принимает ванны, гуляет, потихоньку выздоравливает. И пишет.

В марте 1897 года он закончил свою первую большую книгу – «Шекспир и его критик Брандес». О своей работе он пишет Софии

Григорьевне Балаховской: «Болезнь не проходит, и полдня я провожу на диване — и это при соблюдении всех предосторожностей, при ваннах... при лекарствах. Вот Вы все жаловались, что я не жалуясь. Право, если бы не стыдно было, я б волком завыл. Надоело мне это без конца. Главное, я чувствую, что болезнь наложит свою печать на работу. Я пишу и уже два важных отдела кончил» (ноябрь 1896). «Пишу и написал уже очень много» (декабрь 1896) [12].

Он лечится у разных докторов — то в Вене, то в Карлсбаде, то в Берлине, где делают ему операцию — что оперировали, непонятно. Вот он в Париже, где живет у Балаховских и — возможно — едва не пересекается с Вавой; потом — Мюнхен, опять Париж и Берлин — и, наконец, в начале 1897 года, он оказывается в Италии, где в Риме встречается «студентку-медичку» Анну Елеазаровну Березовскую.

В это время Анне 27 лет. Вряд ли она соответствует песенке о медичках, которые «тоненьки как спички, зато резвы, как птички». Аделаида Герцык, познакомившаяся с Анной в 1909 году, так описывает ее в письме к сестре: «лет 38, русское акушерское лицо, молчащая, но все знающая, что интересно ему (и о Мережковских, и о декадентах), гладко причесанная, с затвердело-розовым лицом». «Сам он мне показался каким-то стоячим» — добавляет Аделаида Казимировна [2, с. 145]. Вава, Варвара Григорьевна, более жестока в описании Анны. Вот как она вспоминает бегство из Киева осенью 1919 в теплушке: «...с другой стороны, комфортабельно завешанной коврами, поместился писатель Шестов, с двумя дочерьми и женой, которую в Киеве в Скрыбинском кругу прозвали Елеазаров, (она была Анна Елеазаровна). Было в броненосной толщине ее душевной, физической и духовной угловатости, в примитивности ума и какой-то костяной силе, разлитой во всем ее существе — нечто напоминающее динозавров, ихтиозавров, плезиозавров. Неврастеничного, слабохарактерного философа Шестова, она прикрепила к себе неразрывными узами, родив ему двух дочерей и создав очаг, где у него был кабинет, в который никто не мешал ему размышлять и писать» [6, с. 295].

О встрече своих родителей Наташ скупко сообщает: «Еще будучи в гимназии, А. Е. решила, что поедет в Швейцарию изучать медицину, чтобы стать доктором и лечить русских крестьян. Ей пришлось преодолеть много препятствий, чтобы осуществить этот план. В 1897 году она училась в Цюрихе. В феврале поехала с двумя подругами осматривать Рим, там познакомилась с Шестовым и вышла за него замуж» [1]. И в другом месте: «... встретил студентку-медичку Анну Елеазаровну Березовскую, которая стала его женой (вероятно, февраль 1897), но, по тогдашним законам, он не мог узаконить брак» [1].

Анна Елеазаровна была родом из дворянской семьи. Отец ее умер, когда ей было 16 лет, а мать она потеряла еще раньше и осталась одна с пятью братьями. Видимо, ближе всех был брат Александр, унаследовавший родовое имение, где впоследствии не раз отдыхали Лев Исаакович и его дети. В конце жизни, вероятно по просьбе дочери, Анна Елеазаровна записала историю своего знакомства со Львом Исааковичем — три странички, написанные аккуратным школьным почерком. Ничего личного там нет, только короткое изложение фактов, попавших практически без изменения в книгу Наташ. Вообще, похоже, Анна Елеазаровна и самом деле была «молчащей», как получилось у нее стать женой и опорой «неврастеничного, слабохарактерного философа» — совершенно непонятно. Была ли там любовь? Несомненно — со стороны Анны. А что чувствовал и что думал тогда Лев Исаакович?

«Весной 1897 г. Шестовы поехали из Рима осмотреть Неаполь, Сорренто и Капри, а потом, в апреле, поселились на все лето в прелестном местечке Вико около Неаполя, на берегу моря. Воспоминания об этом чудесном путешествии у А. Е. остались на всю жизнь. У нее на столе всегда стояла небольшая фотография голубого грота, который они тогда посетили» [1]. Это из книги Наташ. А 31 декабря родилась Таня.

Думаю, что летом, еще не зная о беременности Анны, Шестов не было-то собирался продолжать отношения с «курсисткой-медичкой». Об этом можно судить по письму брата Анны, в котором он обещает не оставить сестру ни при каких обстоятельствах и обсуждает возможность усыновить ее ребенка. Но узнав о ребенке, Лев Исаакович не мог, конечно, его бросить. Можно представить себе его чувства: снова внебрачный ребенок, и мать снова зовут Анной... Судьба, кажется, ополчилась на будущего философа: он все время попадает в одну и ту же ситуацию, снова и снова оказывается перед одним и тем же выбором. Переживания Шестова по поводу рождения сына Сережи известны из неоконченного рассказа, в котором он описывает связь героя с молодой горничной и муки совести из-за брошенного ребенка (рукопись рассказа хранится в семейном архиве внучки Шестова). Конечно, в свое время о женитьбе на Анноте Листопадовой речи не шло, но сейчас — другое дело, только что «распалась связь времен», из-за семейных предрассудков брошена Настя — и вот, опять связь с православной девушкой... Бросить ее, бросить еще одного ребенка — невозможно. Оформить брак — тоже невозможно, для этого нужно креститься, а это было бы предательством семьи.

Решение — половинчатое. Лев Исаакович проводит конец 1897 года в Риме с Анной. В это время одна из его младших сестер — Фаня — решает уехать из родительского дома и учиться за границей. Родители,

конечно, против, Лев Исаакович просит их отпустить Фаню к нему в Рим. В марте 1898-го она приезжает и 13 декабря того же года выходит замуж за друга Льва Исааковича Германа Ловцкого; эта пара на всю жизнь станет для Шестова самыми близкими людьми. С этого времени письма Шестова, начинаются словами: «Дорогие Герман и Фаня!»

После рождения Тани Лев Исаакович по-прежнему живет за границей, но по большей части вдали от Анны и ребенка. Он продолжает упорно работать, читает Ницше и пишет новую книгу «Добро в учении Толстого и Ницше». Иногда ездит в Россию, участвует в работе семейного предприятия. В августе 1898 по просьбе отца едет на второй конгресс сионистов в Базель и пишет о нем подробный отчет.

В 1898 году молодожены Ловцкие поселяются в Петербурге, и Шестов некоторое время живет с ними (Анна Елеазаровна с маленькой Таней – в Швеции). Там он знакомится с литераторами, философами и поэтами, которые составляют – или вскоре составят цвет «Серебряного века». Дружба со многими из них продлится всю жизнь. Вот некоторые имена: Вл. Соловьев, М. Стасюлевич, С. Дягилев, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов, Р. Иванов-Разумник, А. Белый, В. Розанов и др. Шестов знакомится с Зинаидой и Изабеллой Венгеровыми, Л. А. Севом, Н. М. Минским, П. Б. Струве, Шпетом, Гершензоном... Выходит первая большая книга – «Шекспир и его критик Брандес» и появляется псевдоним «Лев Шестов». В 1900 в типографии Стасюлевича печатается вторая книга – «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше».

Иногда Шестов появляется в Киеве – продолжает следить за семейным «делом». Но большую часть времени он проводит за границей – живет один, работает, но иногда встречается с Анной и дочерью. Переводит им деньги и обещает начать всерьез зарабатывать литературным трудом. В результате 26 ноября 1900 года рождается вторая дочь Шестова – Наталья, та самая Наташ, которая в будущем напишет об отце книгу. Дочек отдают на воспитание в крестьянскую семью в Швейцарии, Анна продолжает учебу в Берне, Лев Исаакович много путешествует, то за границей, то в Киеве, то в Петербурге. Когда в 1903 году тяжело заболевает отец, он, конечно, приезжает в Киев и остается до тех пор, пока не наступает явное улучшение. Но выздоровление временное, тех пор Исаак Моисеевич хворает, ездит лечиться в Германию и с конца 1900-х оседает в вместе с женой в Берлине.

Постепенно все сестры и братья узнают о жене и дочерях Льва и дружно скрывают это от родителей. Мать, видимо, догадывается, но насколько известно, отец до самой смерти так ничего и не узнал.

Н. Баранова-Шестова

В 1908 году Шестов предпринимает попытку узаконить свои отношения с Анной Елеазаровной. Они едут в Лондон, где получают свидетельство о браке. Теперь кажется, появилась возможность жить одной семьей, и они поселяются во Фрайбурге. Лев Исаакович становится известным литератором, его статьи появляются в различных журналах. Он читает публичные лекции о философии, начинаются разговоры о собрании сочинений.

В марте 1910 года Шестов посещает в Ясной Поляне Льва Толстого. В организации этой встречи участвовала Варвара Григорьевна. Толстой не много внимания уделил гостю, записал в дневнике: «Приехал Шестов. Мало интересен: «литератор» и никак не философ». Однако в жизни Шестова это стало важным событием.

Вскоре после визита к великому писателю Шестов с семьей поселяется в Коппе, небольшом городке на берегу Женевского озера. Там, на просторной вилле с садом, они проживут четыре года – самое спокойное и плодотворное время в жизни философа. В Коппе к Шестову приезжают друзья – Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович, Аделаида Герцк, Семен Лурье, Ремизов, Лундберг, Густав Шпет, Вера Фигнер и другие. Неподалеку живет сестра Фаня с мужем. Тогда же Лев Исаакович знакомится с Алексеем Николаевичем Бахом – народовольцем, ученым, эмигрантом с 1885 года. У Алексея Николаевича три дочери – Лида, Наташа и младшая Ирочка – сверстница Наташ, моя будущая бабушка.

Среди старых фотографий я нашла одну, которая мне не нравилась тем, что на переднем плане мальчишки задрав ноги катаются по земле. В глубине – дом и группа людей, не очень четко видны. Все же фото я отсканировала и как-то показала – среди других – французским родственникам. «Это же Коппе!» – сказала одна из них. И правда, если присмотреться, у стены стоит высокий сутуловатый Лев Исаакович, а рядом мерещится характерная косая челка Вавы. Так нашлась фотография дома в Коппе – единственная того времени.

В Коппе Лев Исаакович много и плодотворно работает. В 1911 году издательство «Шиповник» начинает выпуск шеститомного собрания его сочинений.

Но, как пишет Наташ, душа Шестовых рвалась в Россию. И вот в июле 1914 они отправляются на родину – разными маршрутами. Лев Исаакович по дороге заезжает в Берлин, где навещает родителей. Отец уже парализован, через две недели после отъезда сына он скончается. Анна Елеазаровна с дочерьми едет другим путем. И в те же дни начинается мировая война. Самое время ехать в Россию через Германию!

Добраться до России им все же, кружным путем, удалось, но библиотека и рукописи Шестова, отправленные малой скоростью, вернулись в Жене-

ву. Из-за этого новую книгу – «Sola Fide» – которую Шестов готовил до отъезда из Коппе, удалось закончить только в 1920 году. Овдовевшая Анна Григорьевна сумела добраться через воюющую Германию к Фане в Женеву. Там же дожидалась возможности вернуться в Россию Соня с детьми.

Несмотря на военное время, жизнь Шестовых в Москве налаживалась. С помощью Гершензона нашлась удобная квартира в двухэтажном деревянном доме в Новоконюшенном переулке. Эту квартиру, уезжая в 1918 году в Киев, Шестовы оставят Игнатовым, и те проживут в ней до тех пор, пока в начале 60-х дом не снесут и его жителям дадут по комнате в коммуналках построенного на том же месте здания. Из этой комнаты Татьяна Ильинична Игнатова переберется в дом престарелых.

Девочки поступили в гимназию, Анна нашла работу в клинике. Летом ездят на юг или гостят у брата Анны Елезаровны в Симбирской губернии. Анна делает все, чтобы обеспечить мужу покой и возможность работать, к этому же приучает дочерей. Позже Лев Исаакович даже жалуется, что домочадцы делают из него чуть не царя. Но пользуется – и работает, пишет, читает лекции. Много общается с друзьями – философами и литераторами, зарабатывает любовь и звание чудака.

В письме к Наталье Константиновне Гучковой Шпет описывает одну из встреч:

«4 июля 1915. ... Был вчера у Вячеслава, там был еще Балтрушайтис и Бальмонт. Так как все читали стихи, то было интересно. Чудак Лев Исаакович! Он с Ремизовым пришел часов в 7, потому что Ремизову в S 10 нужно было уходить. Я пришел в 9: Лев Исаакович таинственно сообщает, что мы – некстати, потому что у Иванова «званный обед», что он уходит и берет Ремизова, что очень хорошо, что он «сразу» сказал об этом Иванову, и т. д. Потом, когда начался обед, он заявил, что «так посидит», а, вот, Ремизов и я можем обедать, потому что и т. д. В результате *один он и обедал!* Потому что Ремизов, «который может 2 раза обедать» был сыт, а я, «который очень рано обедаю», – тоже! Наконец, когда *он* пообедал, Ремизов встает идти, но тут подают малину, Ремизов говорит, что он еще 5 минут подождет, пока Лев Исаакович съест свою малину, но Лев Исаакович недоволен встает и говорит, это он (т. е. Ремизов) всегда так, – когда сам чего хочет, другим приписывает! Чудак! И как он этого не замечает! Буду дразнить теперь!» [10, с. 248].

Февральскую революцию Шестов встречает в Москве. Он не разделяет энтузиазма многих по поводу происходящих событий, пишет сестре в Женеву: «О наших русских делах лучше не говорить. Я надеюсь, что перемелется – мука будет. ... Все надеялись, что революция не так пройдет. Хотя почему надеялись? Непонятно» [12].

Пережив трудную зиму 1917–1918 года, Шестовы покинули Москву и переехали в Киев, где жизнь была легче. Там они устроились в доме Балаховских, который был построен перед самой войной. Большой многоквартирный дом стоял – и стоит по сей день – на высоком берегу Днепра, около Андреевской церкви. Даниил Григорьевич и Софья Исааковна осенью 1918-го уехали в Париж; кроме Шестовых в их квартире поселились – чтобы избежать «уплотнения» чужими – брат мужа Аллы Тарасовой, вдова Скрябина Татьяна Федоровна Шлецер с тремя детьми, ее брат Борис Федорович, друг и будущий переводчик Льва Исааковича. Таня поступила в Университет св. Владимира, Шестов там же прочел курс лекций по истории философии.

Летом 1919 года произошла трагедия: сын Скрябина 11-летний Юлиан пошел с группой детей, возглавляемой школьной учительницей, на пикник на Днепре и утонул. Считалось, что Юлиан унаследовал талант отца. Потрясенная этой потерей Татьяна Федоровна уехала с семьей в Новочеркасск, потом перебралась в Москву, где подружилась с Мариной Цветаевой.

Осенью стало ясно, что жить в Киеве тоже нельзя и надо ехать за границу. Лев Исаакович получил звание приват-доцента Таврического университета, которое помогло ему добраться до Крыма и впоследствии пригодилось для устройства в Парижский университет.

Поездка в Ялту – мучительная, в теплушках, через Харьков, потом Ростов... Ехало около 15 человек – родственников и друзей. В том же вагоне выбиралась из Киева Вава. До Харькова они ехали вместе, и там расстались – уже навсегда.

В Ялте благодаря хлопотам Даниила Балаховского удалось получить разрешение на выезд. Сохранилось письмо французского чиновника, выдававшего визы в Константинополь, со списком выезжающих:

Иосиф Пресс, его жена Жени Пресс урожденная Балаховская, мадам Либа Гавронская – 3 человека.

Доктор В. Мандельберг, его жена Мария, Дочь Сильвия, племянница Лия – 4 человека.

Михаил Шварцман, его жена Мария, сын Борис 14 лет, Жорж 8 лет – 4 человека.

Анна Березовская, ее дочери Татьяна и Наталья – 3 человека.

Клелия Паперно урожденная Боннэ, француженка, ее муж Родольф, сын Марсель 8 лет – 3 человека.

Г-н Лев Шварцман, доктор Лев Мендельберг, его жена Елизавета, дочери Ада и Александра – 5 человек.

Всего выходит 22 человека. На самом деле Лиза с мужем осталась в Киеве, т. к. недавно перенесла операцию, они выбрались из России

позднее, зато с Шестовыми уезжала из России семья Татьяны Григорьевны Балаховской, сестры Даниила и Софьи.

Добрались до Константинополя, там удалось достать билеты на американский пароход, который шел в Геную. В Генуе Жени Пресс родила свою старшую дочь Марианну. Помочь дочери приехала из Парижа София Исааковна. Анна с дочерьми поехала в Женеву к Ловцким, а Лев Исаакович – в Париж, искать возможность устроиться.

Больше в России никто из них не бывал.

Список литературы

1. Баранова-Шестова, Н. Жизнь Льва Шестова / Н. Баранова-Шестова. – Paris, 1983.
2. Герцык, Е. Воспоминания / Е. Герцык. – М., 1996. – С. 141–145.
3. Гершензон, М. О. Письма к Льву Шестову (1920–1925) / Публ. А. д'Амелиа и В. Алая // Минувшее. Вып. 6. – Париж : Atheneum, Феникс, 1988. – С. 237–312.
4. Евгения Герцык. Лики и образы / предисл., сост., коммент., имен. указ. Т.Н. Жуковской. - М.: Молодая гвардия, 2007.
5. Исцеление для неизлечимых : Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйттингона / сост., подг. текста В. Хазана и Е. Ильиной, вст. статья и комм. В. Хазана. – Москва : Водолей, 2014.
6. Малахьева-Мирович, В. Г. Маятник жизни моей / В. Г. Малахьева-Мирович. – М. : АСТ, 2014. – С. 295.
7. Переписка Льва Шестова с Борисом Шлецером / сост. О.М.Табачникова. - Париж, YMKA-Press, 2011.
8. Шестов, Л.И. Дневник мыслей / Л.И. Шестов [Электронный ресурс] // LEV SHESTOV. - Режим доступа : <http://shestov.phonoarchive.org/dnevnik.html>. (дата обращения: 01.2018).
9. Шестов, Л. И. Что такое большевизм / Л. И. Шестов. – Берлин : «Скифы», 1920.
10. Шпет, Г. Жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Г.Шпет. – М. : РОССПЭН, 2005. С. 248.
11. Яненагорский О. Лев Шестов и Евгений Лундберг [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://zhurnal.ape.relarn.ru/2005/241.pdf>. (дата обращения: 01.2018).
12. «Correspondance de et adressie a Lyon Chestov»: MS 2111-2123.

LEV SHESTOV: FAMILY AND THE WAY TO EMIGRATION

Balakhovskaya Tatyana Igorevna,

Head of the P. P Kapitsa cabinet-museum at

*Institute of Physical Problems. P. L. Kapitza RAS,
The grand-niece of the philosopher Leo Shestov
(Russian Federation, Moscow)*

Abstract. *The article on archival materials, memoirs, memoirs and correspondence restored details of life of the famous Russian philosopher L.I. Shestov before emigrating to Paris. The main source of information about the life of Lev Shestov is the book “Natash” of his younger daughter Natalia Lvovna Baranova, but also the author of the article used the correspondence of the philosopher with prominent cultural figures of the Silver Age.*

Keywords: *L.I. Shestov, N.L. Baranova, B. Pasternak, S. Listopadov, Ye. Gertsyuk, V.G. Malakhiyeva-Mirovich.*

References

1. Baranova-Shestova, N. Zhizn' L'va Shestova / N. Baranova-Shestova. – Paris, 1983.
2. Gertsyuk, Ye. Vospominaniya / Ye. Gertsyuk. – M., 1996. – S. 141–145.
3. Gershenzon, M. O. Pis'ma k L'vu Shestovu (1920–1925) / Publ. A. d'Amelia i V. Aloya // Minuvshyeye. Vyp. 6. – Parizh : Atheneum, Feniks, 1988. – S. 237–312.
4. Yevgeniya Gertsyuk. Liki i Obrazy / predisl., sost., komment., imen. ukaz. T.N. Zhukovskoy. ? M.: Molodaya gvardiya, 2007.
5. Istseleniye dlya Neistsselimykhh : Epistol'yarnyy Dialog L'va Shestova i Maksa Eytingona / sost., podg. teksta V. Khazana i Ye. Il'inoy, vst. stat'ya i komm. V. Khazana. – Moskva : Vodoley, 2014.
6. Malakhiyeva-Mirovich, V. G. Mayatnik Zhizni Moyey / V. G. Malakhiyeva-Mirovich. – M. : AST, 2014. – S. 295.
7. Perepiska L'va Shestova s Borisom Shletserom / sost. O.M.Tabachnikova. ? Parizh, YMKA-Press, 2011.
8. Shestov, L.I. Dnevnik Mysley / L.I. Shestov [Elektronnyy resurs] / / LEV SHESTOV. ? Rezhim dostupa : <http://shestov.phonoarchive.org/dnevnik.html>. (data obrashcheniya: 01.2018).
9. Shestov, L. I. Chto Takoye Bol'shevizm / L. I. Shestov. – Berlin : «Skify», 1920.
10. Shpet, G. Zhizn' v Pis'makh. Epistol'yarnoye Naslediye / G.Shpet. – M. : ROSSPEN, 2005. S. 248.
11. Yanenagorskiy O. Lev Shestov i Yevgeniy Lundberg [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa : <http://zhurnal.ape.relarn.ru/2005/241.pdf>. (data obrashcheniya: 01.2018).
12. «Correspondance de et adressie a Lyon Chestov»: MS 2111-2123.

УДК 929

КРЫМСКИЙ КОНТЕКСТ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ЛЮДВИГА КВЯТКОВСКОГО (1894–1977)

Невзорова Ирина Михайловна,

член Союза писателей Москвы
e-mail: irinanev@mail.ru

Аннотация. Статья содержит уникальные документы из «Архива Л. Квятковского», хранящегося в московском Культурном центре «Дом-музей Марины Цветаевой». Художник был близко знаком с сестрами Аделаидой и Евгенией Герцык, Мариной и Анастасией Цветаевыми, Софией Парнок, Маргаритой и Максимилианом Волошиным и многими других представителями Серебряного века. Свои встречи и впечатления Л. Квятковский записывает в дневнике, снабжает рисунками. Автор статьи воссоздает эпизоды жизни художника по дневникам, воспоминаниям, письмам участников.

Ключевые слова: Л. Квятковский, изобразительное искусство, Серебряный век, А. Герцык, Е. Герцык, М. Цветаева, А. Цветаева, С. Парнок, М. Волошин, М. Сабашникова.

На исследование данной темы автора статьи подвигла хранитель и публикатор архива семьи Герцык-Жуковских Т. Н. Жуковская, в семье которой, как и в самом Судаке, имя «художника Людвиг Квятковский» хорошо известно. Но таинственно-малоизвестно, что стоит за этим именем [см. 12]. Большая часть его творческого наследия утрачена; статей, посвященных творческой биографии Квятковского, также не было обнаружено.

Таинственный «Людвиг» упоминается в письмах сестер Аделаиды и Евгении Герцык, Марины и Анастасии Цветаевых, Софии Парнок, Маргариты и Максимилиана Волошиных и других представителей Серебряного века. Учителями Людвиг Квятковский были видные деяте-

лями русской культуры. На поколение Людвиг Квятковского выпала участь «жить в эпоху перемен»: краха Российской (православной) империи, подразумевающего и крах мировоззрения ее верноподданных или их «перевоспитание».

Написание данной статьи стало возможным благодаря доступу к материалам «Архива Л.Л. Квятковского», хранящегося в московском Культурном центре «Дом-музей Марины Цветаевой», за что автор статьи выражает благодарность директору Дома-музея Елене Ивановне Жук и его сотрудникам – главному хранителю Татьяне Александровне Тепляковой и начальнику Отдела фондов Евгении Михайловне Петлинской; а также, за разностороннюю помощь – Оксане Анатольевне Каушнях.

Благодаря тому, что много лет Людвиг вел Дневник¹, мы имеем возможность проследить его биографию, духовное взросление и творческий рост. Дневник Людвиг снабжен рисунками (сделаны пером), что делает зримыми тексты художника; и одновременно, дает толкование к рисункам. Несомненно, герой статьи предан изобразительному искусству, педант. Реальность для Людвиг, как художника – красота природы, женщин, милых людей, в том числе *внутренняя* красота – лишь веский повод и сюжет для будущих полотен. Даже после романтических свиданий, приходя домой, он записывает детали события (вплоть до цвета и кроя платья возлюбленной), будто пунктирно, стенографически набрасывая эскиз будущей картины, ее сюжет, общий план и цветовую гамму. Временами Дневник заполняют воспоминания, написанные на его же основе. Дневник скрывает и множество тайн. Так, в нем ни разу не назван по имени «скрывшийся» старший брат Людвиг, и судьбу его проследить не удалось.

Расскажем о личности и творческой судьбе Людвиг Лукича Квятковского – художника и *литератора* – теоретика искусства, переводчика (он владел немецким языком и грузинским), поэта, эссеиста, мемуариста. В статье будет сделан акцент на крымский и судакский периоды жизни Л. Квятковского, на отголоски «Серебряного века» в Крыму. Проследим также духовную преемственность Квятковского как плод дружбы с главными героями Герцыковских чтений – семьей Герцык-Жуковских.

Людвиг Лукич Квятковский. 1922

Л. Л. Квятковский происходит из польских шляхетских родов: мать, Марфа Ивановна (1865–1943), из рода Кухарских Лидского уезда Виленской губернии; отец, Лука Мартынович Квятковский (1849–1920), унтер-офицер Российской императорской армии, происходил из г. Владова Седлецкой губернии одноименного уезда. Л. Л. Квятковский родился 6 июля 1894г. в г. Керчь Таврической губернии, где в то время служил его отец, и был крещен в Керченской Римско-Католической приходской церкви.² Детство Людвигу прошло в Феодосии. В семье было два сына и две дочери – Магдалина и Валентина.

Из Дневника Л. Л. Квятковского:

«Феодосию детства я помню солнечную, дома с колонноидальными коридорами, которые сохранились во многих домах и теперь... Как-кие чудные бывали наши традиционные ужины под Рождество: сестры были еще не взрослые, мы дружно – всей семьей – молились, сидели за стол, где было наготовлено много вкусного мамой. Папа обыкновенно произносил речь и желал всем успеха в его делах. Потом начинались тихие разговоры между родителями, а мы, дети, ели и болтали. На следующий день зажигали елку... Летом с братом или отцом ходили в ближайший лес в горах... Было большое горе в семье, когда мой старший брат (†) скрылся и не писал родным около года... В том доме, где я провел свое раннее детство, случился пожар... С тех пор родители мои стали беднеть, в семье чувствовался недостаток».

Страсть и способность к рисованию у Людвигу проявилась в гимназические годы.

«Наш учитель рисования (Лаврентьев – И. Н.) устроил воскресные классы и рассказывал о живописи. Тогда я стал писать больше с натуры».

В становлении Людвигу Квятковского, как художника и гражданина, весомую роль сыграл И. К. Айвазовский – его творческое наследие (картинную галерею он завещал городу), его школа (в свое время он был почетным попечителем Феодосийской губернской мужской гимназии, вносил денежную сумму в кассу Общества помощи нуждающимся гимназистам и выдавал лично пособия некоторым из них).

Весной 1909 года состоялось знакомство Людвигу с М. Волошиным и его окружением. Хочется выделить имена трех женщин – А. М. Петрова, М. В. Сабашникова и А. К. Герцык – проявивших воистину материнскую заботу о юном даровании. С А.М. Петровой Людвиг познакомился в конце 1908 г. (позднее она подружилась с его матерью и очень ее полюбила). Петрова Александра Михайловна (1871–1921) – дочь полковника, начальника пограничной стражи в Феодосии, деятельница культуры, собиратель и исследователь татарских вышивок (труд закончен и опубликован Е.Ю. Спасской).

«Ей мои работы понравились, и она предложила мне бывать у нее... Первый раз, когда я пришел, у нее была Пра.³ Они о чем-то спорили мужественными голосами. А.М. начала смотреть мои рисунки и некоторые хвалила. Их видел Латри,⁴ и позже, весной <1909г.>, М.А. Волошин – им нравился портрет сестры».

Людвиг вспоминает, как постепенно расширялся круг его художественных интересов и возможностей:

«Летом <1909г.> я поехал в деревню к брату, под Харьков. Там начал писать пейзажи. В августе 1909 г. вернулся в Феодосию и первый раз начал ходить далеко в горы, много писал. Сначала я рисовал землю и камни, а скалы было трудно. Писал море, но мало. Позже в Коктебель приехал К. Ф. Богаевский, и мы иногда с ним ходили на этюды. Осенью я продолжал работать дома и в мастерской К.Ф.Богаевского».

В январе 1910 г. Людвиг приезжает в Петербург, живет у М. В. Сабашниковой. Вот распорядок дня юного художника, имена его наставников и духовных «вождей»:

«Утром у богомаза Тюлина⁵, вечером рисовал в классах, к 8 часам вечера в Мариинском театре у Александра Яковлевича Головина⁶. Там же слушал музыку, балерины... Дома первый раз начал рисовать натурщика. С Марг<аритой> Васил<ьевной> написали мой портрет. Писали Эм. К. Метнера⁷.

Андрей Белый, Кудрявцев⁸, Елизавета Ивановна Дмитриева⁹, Борис Алекс<еевич> Леман¹⁰...

С Вяч<еславом> Ив<ановичем> Ивановым меня познакомила Анна Рудольфовна Минцлова¹¹. Вяч<еслав> Ив<анович> спрашивал меня – люблю ли я итальянских примитив<истов>; говорил, что у меня два выражения в лице – то мужественное, то детское. Он видел мои работы, сказал, чтобы я прочел Гете об облаках...

С Пришвиным мы ездили на Волково кладбище – старообрядческая служба...

К Пасхе я был в Феодосии».

Под руководством Тюлина Л. Квятковский писал и золотил икону «Трех Личная Богородица Луганская»¹². На обучение к знаменитому иконописцу поступила и М.В. Сабашникова. В ее воспоминаниях можно найти отражение событий 1910г.: поездка с Пришвиным в староверческие молельни, где паломники впервые увидели «действительно великие, космически величественные иконы»; приезд из Москвы братьев Николая¹³ и Эмилия Метнеров, а также Андрея Белого – «на метнеровский концерт» [5, с. 359]. Имена персонажей, проживающих за железным занавесом, автор не называет. Среди них сестры Герцык, Л.Квятковский и др.

Рисунок Л.Квятковского
Волошин, 1910 г. (каварель)

Далее Л. Квятковский перечисляет тех, с кем встречался на Башне у В. И. Иванова и Л. Н. Зиновьевой-Аннибал. Его знакомство с В. Ивановым произошло, видимо, тоже на Башне (куда Минцлова, по словам Е. К. Герцык, «незваная пришла... и уж не ушла с башни»), во время бесед с музицированием и сеансами оккультизма («столоверчения»). Позади были драматические события в судьбах М. В. Сабашниковой и Е. К. Герцык, связанные с «властью магических чар хищной четы владельцев Башни». Однако, эти чистые женщины, полные воистину христианской любви и милосердия к «поэту-провидцу», находили в себе мужество поддерживать с ним «сестринские» отношения. Возможно, М. В.

Сабашникова показывала Людвигу, ученику и рыцарю, свою неоконченную композицию 1907-го года, где в образах Диониса и двух его жен выступали В. Иванов, Е. Герцык и она. Во время работы «сестры» рассуждали о религиозной основе стихов В.Иванова и решали «многоумно, куда он должен вести, чему учить». «Все было возвышенно, но все – мимо жизни», – писала Е. Герцык.

Не «мимо жизни», а в ее «десятку» метил Л. Квятковский, уходя от неразрешимых философских проблем в проблему изобразительного творчества. М. В. Сабашникова отмечала, что В. И. Иванов «усиливал творчество других людей». Так, Л.Квятковскому он дал совет почитать «Гёте об облаках». Возможно, вся беседа была посвящена Гёте и его теории познания, легшей в основу антропософии Р. Штейнера («гётеанства XX века», по обозначению ее основателя). А. Р. Минцлова же выступала в ту пору в роли «рупора идей Штейнера».

Из Дневника Л. Квятковского видно, какие истоки питали разум и сердце юноши, сколь широк был спектр материала (и мировоззрения), преподаваемого ему «вожатыми» – от основ древнерусского искусство до плодов религиозной мистики и антропософии. Мировоззренческое же блуждание Л. Квятковского неразрывно переплеталось с выбором своего пути и цели в искусстве.

Благодаря тому, что у Л. Квятковского сложились доверительные отношения с *Аделью* Герцык (обоснование написания имени Адель

(именно так подписывала она свои стихи и письма, поворачивалась к собеседнику своей поэтической, «игровой» стороной, – в отличие от салонного Аделаиды и домашнего Адя [см. 1, с. 10-38]), та тревожилась за судьбу юного художника:

«Мой милый Людвиг, как меня радуют Ваши письма! Пишите мне больше, как можно больше, мне надо еще остаться в Москве. Не скучаете ли Вы, голубчик? Я с Вами душой. И так хотела бы провести с Вами в Петербурге эту весну. Сегодня иду к Кандауровым¹⁴, подумаем вместе, как Вас устроить на будущий год в Москве. Была в деревне и всё думала о Вас, – как бы Вы передали этот блестящий покров с фиалковыми тенями под изумрудным небом. Возьмите всё, что можно, от Эрмитажа, а будущую зиму будем работать в Москве... Понравилось ли Вам “Золото Рейна”? Мне не приходится здесь работать, зато я поправляюсь. Пишите мне, моя радость»¹⁵, – из письма А. Герцык от 14 марта 1910 г. из усадьбы Канашово в Петербург.

Лето 1910 г. Людвиг проводит в отчем доме в Феодосии, непрерывно работая, часто появляясь с этюдником в Коктебеле. 1910 год знаменателен для него тем, что Л. Квятковский «сжег свои работы». Это произошло после очередной выволочки громовержца – «за страх перед жизнью, перед выходом в открытое море» (об этом он поведает своему Дневнику лишь в 1924 г.).

Осенью Л. Квятковский уезжает в Москву и поступает в частную школу-студию живописи И.Ф. Рерберга. «Науками занимается» с Петром Ивановичем Даниловым (личность не установлена), позднее – с Павлом Николаевичем Батюшковым (1864–1930?), математик, переводчик, теософ, участник кружка «Аргонавтов». Сотрудник Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина). В Москве он живет у тетки М.В. Сабашниковой – переводчик, литературного критика Александры Алексеевны Андреевой (1853–1926), она же впоследствии будет помогать ему в решении учебных и бытовых вопросов.

В предвоенные годы Л. Квятковский кочует между Крымом, Москвой и Петербургом. Летом – он постоянный член коктебельского, судакского, феодосийского обществ, центром которых был в те годы М. А. Волошин, а Л. Квятковский – лишь неброский, но своеобразный персонаж в жизни знаковых завсегдаев этих мест:

«...Людвиг Квятковский, поляк по отцу, сын простой, умной и доброй женщины. Он был художник. Ему было шестнадцать лет, как мне. Он писал изумительные пейзажи. О нем сказал Богаевский: “Я отдал бы полжизни, чтобы обладать таким чувством цвета, как у этого маль-

чика. Его владение цветом – поразительно!” Эти слова шли за Людвигом – славой. Лицо его было лицом Вергилия: узкие смуглые щеки, огромные, длинного разреза синие глаза. Орлиность в линии длинного носа. Суховатый уклончивый рот. Но в смехе его была безудержность блаженства» [18, т. 1, с. 638], – из воспоминаний А. И. Цветаевой (лишь у нее дан словесный портрет юного художника).

«Коктебель прекрасен!.. Пра осталась одна, усталая от всех летних неприятностей, слабая, ласковая и трогательная. *Людвиг* очутился здесь и его невероятная фигура, покрытая от дождя полосатым пледом, то и дело показывается на берегу с Лизой. Завтра по обыкновению он куда-то уходит, *куда выяснить не удалось*», – из письма Сергея Эфрона к сестре, Вере Эфрон от 2 августа 1913 г. из Коктебеля в Москву.

Куда же ходил с этюдником Л. Квятковский?

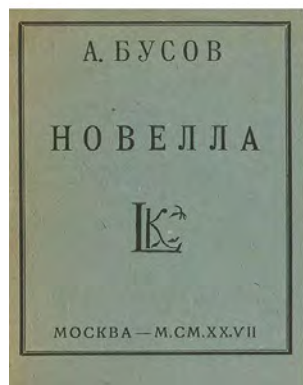
«Живописные окрестности Солнечной Долины не раз привлекали к себе внимание художников. Так, в 1913 г. здесь одновременно работали Богаевский, Волошин, Кандауров, Оболенская, Рогозинский, Хрустачев и совсем молодой живописец *Людвиг Квятковский*. Как рассказывали участники поездки в шуточной рукописной газете “Коктебельское эхо”, в Козах их ждали “дни работы и зноя, ночи бездумного сна и неожиданных пробуждений из-за сколопендр, пауков и фаланг”» [13].

На даче Волошиных в эти годы было шумно, много народу и «обормотствовали». Осенью жизнь «обормотника» перемещалась из Крыма в Москву, на Малую Молчановку, где жили Цветаевы-Эфрон.

«У нас всё по-старому. Приходят и уходят: *Людвиг*... точки идут в бесконечность» [19, с. 120–121], – из письма С.Эфрона к В.Эфрон из Москвы в Париж,

декабрь 1911 г.

Весной 1912 г. перед Людвигом снова встает вопрос о продолжении художественного образования и работы, его манит «свободный Париж». За советом он обращается к М. В. Сабашниковой, пребывающей в Мюнхене и находящейся к тому времени всецело под властью Р. Штейнера. В своем ответном письме¹⁶ та отго-

1927 г.

Контрольная работа студ. Вкутемаса Л. Л. КВЯТКОВСКОГО
Макет, клише, набор, печать. Фронтиспис, иллюстр. 7 и 13 стр. — ксилографий. Заставки 5 и 9 стр. — шпалеры. Рукопись работы проф. Н. И. ПИСКАРЕВА. Фронтиспис выполнен под руководством проф. В. А. ФАВОРСКОГО
Напечатано в количестве 50 экземпляров в Академии типографии. Рождественский 11.
Главный № 82560

варивает от Парижа, призывая примкнуть к строительству храма «новой веры» – Гётеанума в Дорнахе, обещает обеспечить его жильем и оплатить обучение. «Письма Марг<ариты> Вас<ильевны> всегда меня волнуют и радуют», – признается Людвиг в 1913 г. Добавим, что книгу воспоминаний М. В. Сабашниковой «Зеленая змея» [20], отразившую любовь и преданность автора Р. Штейнеру, Л. Квятковский прочтет в оригинале в 1963 г., когда Сабашникова приедет в СССР (в специальной тетради¹⁷ он делает выписки на немецком языке, открывает ее фотография молодой музы).

Поехать в Германию и прослушать цикл лекций Р. Штейнера предлагает Л. Квятковскому и египтолог В. М. Викентьев¹⁸ (друг детства М. В. Сабашниковой [подробнее см. 5, с. 93, 335]). С ним Людвиг встречается в доме Полиэвтковых¹⁹, где проходят собрания антропософского кружка. Но молодого художника увлекает вовсе не Штейнер:

«Москва. 30 апреля 1912 г. По воскресеньям бываю у Полиэвтковых. Мне очень нравится Анна Полиэвктова и Оля. Оля даже больше, – я нарисовал ее в композиции “Благовещение”».

Осенью 1912 г. Л. Квятковский поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, размещавшееся на Мясницкой улице, в Доме Юшкова.

«... Вспоминаю галерею Щукина²⁰. Особенно мне памятна встреча в галерее с Суриковым. Мы остановились перед “Цыганкою” Матисса, и Суриков сказал: “Как славно нарисована эта вещь – многим ученикам следовало бы так рисовать”. Была удивительна эта гибкость и терпимость к новой французской школе – редкая среди стариков».

Подобную реакцию Сурикова на новаторские течения в живописи отметил и М. А. Волошин, находясь в той же галерее: «Одна из дам возмущалась живописью Пикассо. Василий Иванович выступил на его защиту: “Вовсе это не так страшно. Настоящий художник именно так всякую композицию и должен начинать: прямыми углами и общими массами. А Пикассо только на этом остановиться хочет, чтобы сильнее сила выражения была. Это для большой публики страшно, а для художника очень понятно”» [4, с. 200–209]. Заметим, что именно в доме С. И. Щукина в Большом Знаменском переулке 11 февраля 1903 г. произошло знакомство М. В. Сабашниковой и М. А. Волошина [5, с. 340].

Летом 1913 г. Л. Квятковский отправляется в Германию, где обучается в *Мюнхенской художественной прикладной школе* – К. Kunstgewerbeschule²¹. В Мюнхене он встречается с Евгенией Герцкык, приехавшей 25 июля / 7 августа 1913 г. и пробывшей в Мюнхене около двух недель:

«Евгения Антоновна²² в Лозанне... Теперь мы съедемся с нею в Мюнхене, куда меня ласковым письмом звала Маргарита (М. С. Сабашникова – И. Н.) – она танцует в готовящихся мистериях Штейнера... Мне интересно повидаться с разными штейнерианцами и, кроме того, услышать музыку... Людвиг ищет нам дешевый пансион и встретит» [10, с. 531, 686], – из письма Е. К. Герцык к В. С. Гриневич от 23 июля / 5 августа 1913 г. из Швейцарии в имение «Ольховый рог» под Полтавой (Гриневич (урожд. Романовская) Вера Степановна (?–после 1939), дочь коменданта Судакской крепости, старшая подруга сестер А. и Е. Герцык).

«27 июля / 9 августа ... Три дня уж живу в этой белой комнате странной жизнью, стучащейся. Людвиг водит меня обедать в вегетарианскую столовую, через переулочек к Маргарите, приводит Петровского²³. И он, и она бережно принимают меня, как рождающуюся к ним, не торопя, не зовя, а только безлично-ласково отстраняя помехи, возражения, как-то медицински...»

«4 / 17 августа. Ездил с Людвигом в Версальский сад²⁴ с квадратными водоемами, в кот<орых> тускло алела заря и лужайки, казавшиеся черно-багряными от заката. Такая пронзительная красота...» [6, с. 372–376].

Добавим, что М. В. Сабашникова, в период пребывания в Мюнхене нашего героя, в сентябре 1913 г. ездила в Москву на открытие Русского антропософского общества. Открытие Русского антропософского общества состоялось в Москве 7 / 20 сентября 1913 г. [18, т. 2, с. 229]. Записей Л. Квятковского, пробывшего в Мюнхене меньше года, не сохранилось. Известно, что он вернулся в Россию «из-за странной истории», по выражению А. И. Цветаевой. М. А. Волошин думает иначе: «Ты называешь странной – любовную историю? Твое *определение* – странное. Если молодой человек в шестнадцать лет увлекается молодой немкой, живя в Германии, – это совсем не странно. Было бы гораздо более странно, если бы он ею не увлекся!» [9, с. 263].

Конечные же впечатления Е. Герцык, бродившей некоторое время, как и ее духовный учитель тех лет Н. А. Бердяев, тропами антропософии, она

Квятковский Л.Л.
Ex libris A.Petrowski 1934 ксилография

изложила в письмах и дневниках. По мнению Е. Герцык: в Штейнере нет «антихристового начала», как утверждают многие; антропософия – «не христианская практика, склеенная, пусть добросовестно, с христианской философией», «гибридное явление, неорганическое соединение христианства с востоком, с каббалой, со средневековыми вырождающимися учениями тамплиеров»; «внутренняя напряженность» – вот основное чувство, сопутствующее общению со штейнерианцами; «через Штейнера» можно заглянуть «в конец чего-то, в ужас чего-то – и никогда не забыть»; «от Штейнера спасают Сын и Мать» [подробнее см.: 6, с. 372–378, 413, 692–693]. Главное они поняли: *благодатной веры*, ведущей к спасению, в штейнеровской антропософии нет. Но оттолкнувшись от нее, как от незабываемого «ужаса», можно прийти к Богу. «Судьба Евгении Герцык соприкоснулась с самыми, быть может, дерзкими, реформаторскими попытками, предпринятыми Серебряным Веком – с проектом Башни, “нашей церкви” <Мережковского>...» [подробнее см.: 3, с. 312–325].

Не помышляя о том, духовную крепость Евгении Герцык на ее пути придавал Л. Квятковский. Напомним, что Е. Герцык, при рождении крещеная, как и ее сестра, по протестантскому обряду, перешла в православие в 1911 г.: она была крещена в субботу 29 апреля 1911 г. в Марфо-Мариинской обители, обряд совершил по просьбе Н. Бердяева протоиерей, второй священник Марфо-Мариинской обители, ученик П. Флоренского о. Евгений (Синадский).

Вскоре после крещения, после благодатных дней «обители» Евгения Герцык ощутила тяжесть и пустоту, как и предостерегал о. Евгений: «После будет одиночество» [о пути Е. Герцык в православие см.: 6, с. 670–671; 3, с. 183–184]: крещением очищена от нечисти горница души, но пуста и нуждается в наполнении святым духом, благодатью. И вот – труждающийся, рисующий Людвиг, одаривает Евгению Герцык *детской, бездумной* радостью:

«6 ноября. Москва. Был Людвиг, и ближе всех мне теперь своими горящими замыслами художественными» [6, с. 352], – запись от 6 ноября 1911 г.

О том же освежающем, *опрощающем* действии Людвига – в более поздних записях Е. Герцык:

«...Людвиг пришел с вершины Чатырдага и сидит за этюдами» [10, с. 536], – из письма Е. К. Герцык к В. С. Гриневич от 3 июля 1914 г. из Судака в имение «Ольховый рог».

«...Вдруг опять каждый миг станет полноценным, густым... Умом поглупела – чувствую, разговаривая с Людвигом» – запись от 9 июля 1914 г. [6, с. 389].

Людвиг идет «своим путем», перенося на холст явление Творцом величие земли, приводя человека в гармонию с тайнами *горнего* мира, открывающего своей *нерукотворной* красотой внутреннее зрение и слух. Это помогло ему остаться в стороне от «страшного, искаженного, “алмазного” взгляда [2, с. 312] Минцловой и всех «реформаторских учений».

Вернувшись из Мюнхена к концу марта 1914 г., Л. Квятковский едет в Феодосию. В это время здесь живут сестры Марина и Анастасия Цветаевы, к ним Людвиг часто навещается.

«Около 10-ти дней я пролежала в постели: болела нога... Раздался грохот разбиваемых бутылок... Вошли Макс и *Людвиг*, за ними – робей – великолепный Лапко, суегливый Одноглаз и мой крестник Шоколад, похожий на лисицу (Коктебельские собаки – *И. Н.*). Это он за дверью перебил все бутылки...» [18, т. 1, с. 46–47], – запись М. Цветаевой от 24 марта 1914 г.

«Вчера за ужином она (Аля, Эфрон Ариадна Сергеевна (1912–1975), художница, переводчик, литератор, дочь М.И. Цветаевой – *И. Н.*) сидела у *Людвиг*а на коленях – это при ее дикости! Вообще он ее приручил» [18, т. 1, с. 52], – запись М. Цветаевой от 17 апреля 1914 г.

Добавим запись о Людвиге уже *пятилетней* Али:

«Пра! Я больше всего на свете люблю море, горы... Большие хорошие деревья... И больше всего елку, на которой Вы были. И помнишь, какой *Людвиг* был хитрый? М<арина> мне дала шоколад и сказала, чтобы я всех угостила. Я пошла, всем дала, а *Людвиг* от хитрости своей сказал: “Давай мне весь, или оставь это”. Тогда я сказала: “Бери весь!”, а он сказал: “Не надо”...» [18, т. 1, с. 229], – из письма от 11 августа 1917 г. из Москвы в Коктебель.

Последнее мирное лето Л. Квятковский проводит в родном Крыму. Вместе с М. Волошиным, А. Н. Толстым и художницей Ю. Оболенской он расписывает – рисунками и стихами – знаменитое кафе «Бубны» в Коктебеле; с радостью встречается со старыми друзьями-единомышленниками.

Из воспоминаний А. И. Цветаевой (июнь 1914 г.):

«Друзей у Богаевских – весь цвет Феодосии, Крыма и обеих столиц... Мы с Мариной приглашены... <Стук в дверь> Перед распахнутой мною дверью на фоне желтого неба стоял молодой Вергилий. “– *Людвиг!*” “Здравствуйте, Ася. Я зашел напомнить – сегодня вечер у Богаевских. Вы могли позабыть. Я встретил на Итальянской Сережу (Эфрона – *И. Н.*), они с Мариной придут”... Голубые длинные глаза Людвига лиловатые, чуть сгорбленный нос и чистый юношеский рот. Удивительное у него лицо. Он похож на мраморные и чугунные бюсты Данте» [18, т. 2, с. 257].

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война, получившая название *Великой*. Она подойдет совсем близко к Л. Квятковскому только через год. А пока, находясь в Петербурге (с 1 сентября 1914 г. – Петрограде), где он проводит зиму 1914 / 1915 гг., Квятковский начинает публиковать свои работы (рисунки тушью) в журнале «Голос жизни». И знает о войне лишь понаслышке.

«Декабрь 1914. Здесь была мама, рассказывала о бомбардировке Феодосии...»

В феврале 1915 г. Л. Квятковский впервые официально «выставлялся» в Москве, а в апреле был призван на военную службу.

«Февраль 1915. Эфроны очень милы. Виделся с Мариной Цветаевой у сестер Парнок... За весь февраль сделал альбом рисунков. Румянцевский музей хотел купить мои акварели, но слишком дешево давал... В мае вступаю в военную службу... Вчера видел Олю Полиэвктову, она та же – печальная, жених на войне».

«30 апреля 1915. Первые дни <военной> службы трудны».

Лето 1915 г. Л. Квятковский, получивший отпуск, проводит в Судаче, живет в доме Лубны-Герцык.

«В 1915 г. начало большой дружбы и привязанности к Жуковским. Они мне очень много помогли легко и просто в тех затруднениях, которые я сам себе создал... Моей наперсницей была поэтесса А. К. (Герцык) Жуковская. Она же научила меня писать стихи, и хоть я не поэт, всё же стихи некоторое время писать было интересно...»

С Жуковскими и Герцык у меня связаны самые светлые минуты моей жизни. Особенно хорошим моим другом была Аделаида Казимировна: моим советчиком, критиком и неизменным вдохновителем на самые лучшие дела. Мне нравилась она своей женственностью и человечностью. Будучи связана семьей, она находила возможность отдавать себя творчеству и уделять себя друзьям.

Как хорошо у них в доме, что над садом – в *старом* доме. Мне всегда предоставлялась крайняя маленькая уютная комната с окном на Ай-Георгий. Там я написал свое первое четверостишие под указаниями Аделаиды Казимировны, с которого начались мои сонеты. Мы их писали на общую тему: Аделаида Казимировна, Евгения Казимировна, Городецкая, Парнок, Евгения Антоновна, я. Был у нас альбом “Таракан Судакский”. Его стянуло ЧК. В этом альбоме я сделал несколько графических рисунков.

По дороге от дома к морю весной зацветают необыкновенно пышные кусты сиреней. Все вместе – Аделаида Казимировна, Любовь Александровна²⁵, Владимир Казимирович²⁶, Евгении Антоновна и Казими-

ровна, Дмитрий Евгеньевич²⁷, – старый дом, прекрасный сад, бассейн с ключевой водой придавали необыкновенный *charme* всему существованию вплоть до 1919 года, когда суровые события заставили *перейти к другому мировоззрению*».

Путь, пройденный душой Аделаиды Герцык, «советчиком, критиком и вдохновителем на самые лучшие дела», также не избег искусительных влияний Серебряного века. А. Герцык, «обладая от природы богатой – дионисийской душой, мощной – в шопенгауэровом смысле – волей... но лишенная измлада благодатной помощи... инстинктивно, дабы не испытывать меланхолических состояний, подавляла в себе “волевое”, страстное начало; боролась с самостью на пути служения ближним, деятельного преодоления эгоизма»; только «вмешательство в человеческое существование Божественной благодати, спасающей душу от покинутости и пленения судьбой, в корне меняет полюса страдания»; «но когда еще Аделаида не осознала своей нужды в личном Боге, в Христе, и не стала на путь собственно-религиозных исканий, ей – уже от природы – была присуща та “безрелигиозная святость”, которая и представляла собой Шопенгауэров идеал. Это пронизательно подметил в ней С.Н. Булгаков: «Она не знает греха, стоит не выше его, но как-то вне» [2, с. 150–182]. (Заметим, что именно в неумении «служить ближним», в нежелании «преодолеть самость», в утрате воли упрекал М. А. Волошин молодого Л. Квятковского).

Изучая творческий портрет Аделаиды Герцык и дневники Л. Квятковского 1910–1920 гг., можно разглядеть перекликающиеся темы у поэта и художника: о схожести символического и сновидческого мира [2, с. 183–214], об имяславии (особое внимание к имени поможет Л.Квятковскому в создании экслибрисов) и пр. Детей одной эпохи, их питали одни истоки – книги, люди. Так, летом 1914 г. в Судаке А. Герцык, как и Л. Квятковский, зачитывалась только что вышедшей в свет книгой Павла Флоренского “Столп и утверждение истины”», чувствуя «родственность души»: Флоренский помог ей поверить в существование ада (о роли же П. А. Флоренского в судьбе Л. Квятковского чуть ниже).

Эхо бесед с А. Герцык, влекомой философией ее духовного наставника С.Н. Булгакова о «Софии Премудрости Божией», можно обнаружить в выписках Л. Квятковского, сделанных в 1950-х годах:

«Непроницаемость, смерть и нравственное зло в *мире* <создали> великое расстояние между *миром* и Софией. Уничтожение этого расстояния, субстанциональное соединение между *миром* и “Софией” означает окончательное преодоление греха и смерти. Через Крест Христов – Воскресение. Всеобщее преображение. *От зверочеловека к Бо-*

гочеловеку» [15].

Воспринимая слово «как инструмент преображения» человека (а поэзию и живопись – лишь как *пути* преображения, символические игровые *пути*), А. Герцык вовлекла Людвигу в свое исследования «о тайне человеческого языка» и «тайне слов». Позднее, посещая лекции П. Флоренского, читая его труды в рукописях, он познакомится с его «учением о языке», составившим впоследствии работы «Строение слова» и «Магичность слов». Напомним, что Аделаида Жуковская (Герцык) приняла православие весной 1915 г. Ее крестили в Церкви Николая Чудотворца, что на Курьих ножках (уничтоженная в 1934 г., она располагалась недалеко от дома Жуковских, угол Большой Молчановки и Большого Ржевского переулка). Там не раз бывал Л. Квятковский, навещая сестер Герцык. Новое имя, данное Аделаиде при крещении – София.

Сохранилась тетрадь, подаренная Людвигу в то лето Евгенией Герцык. На титульном листе – ее автограф: «Судак. 18 сентября 1915. Е.Г.» В тетради стихи Аделаиды и Евгении Герцык, стихи самого Л. Квятковского, посвященные членам семьи Герцык, а также Судак (см. *Приложение*). На задней стороне обложки его рукой была сделана надпись: «Прошу передать или переслать в Москву в Кречетниковский пер., дом 13, кв. 4 Адель Казимировне г-же Жуковской». Видимо, эта тетрадь, побывавшая в лагерях с узником ГУЛАГа Л.Квятковским, была очень дорога ему, не ведающему, что ждет его завтра.

В декабре 1915 Людвиг был отправлен на фронт «вольноопределяющимся».

«Вслед за счастливыми светлыми днями Судака наступают тревожные дни переезда в Москву... Последнее прощание с семьей Жуковских и потом фронт», – запишет Людвиг.

О письмах с фронта Л. Квятковского, сопровождающихся рисунками, помнит А. А. Жуковский (племянник Д.Е. Жуковского), провожавший его на фронт [8]. Сохранились строки «окопных» стихов Л. Квятковского:

Седые сучья догорели

И стали лепестками роз.

Ложится снег на ворс шинели;

В полете пух – напев стрелоз.

1916 год. Действующая Армия²⁸

Осенью 1916 г. Л. Квятковский был ранен и находился на излечении в Москве, в Госпитале, организованном при Елизаветинской гимназии в Большом Афанасьевском переулке.

«11 сентября 1916. Чувствую себя сейчас довольно хорошо. Лежу

в уютной маленькой комнате с другим вольноопределяющимся, гусаром... Держат меня на молочной диете, что очень надоело. В эти радостные дни после тяжелого фронта я, как никогда, познал человеческую дружбу и дружбу предметов, рассказать это невозможно».

«Будучи в лазарете я очень любил посещать семью Жуковских в Кречетниковском переулке, д. 13. Было даже так, что мне предоставлялась крайняя комната, в которой я рисовал, курил... Посещал театр и лекции».

Е. Герцык вспоминала, что в военные годы у сестер Герцык в Кречетниковском переулке образовался «маленький кружок друзей», в который входили Вяч. Иванов, Н. Бердяев, С. Булгаков и др. «Мы с сестрой были дружески связаны с каждым в отдельности. Маленький островок среди тревожно катившихся волн народного бедствия» [6, с. 229–250]. В Дневник Л. Квятковского вклеена увольнительная в город, выданная «вольноопределяющемуся III Донского полка Людвигу Квятковскому до 7 часов вечера 17 октября 1916 г.», подписанная врачом госпиталя.

В феврале 1917 г. Л. Квятковский получил месячный отпуск и уехал в Феодосию, где и застали его революционные события. Страшное, голодное, смутное время революции и Гражданской войны Людвиг Квятковский провел в Крыму – в Феодосии в отчем доме, в Судаке в доме Герцык, в Басалаке в семье Зелинских. В Крыму жили, преодолевая тяжесть дней, его друзья. Они давали ему приют, он помогал им, с охотой выполнял обязанности пастуха, паж, курьера и пр. Зелинский Иосиф Викторович (ок. 1857–?), происходил из дворянской семье; революционер, побывавший в ссылке и в эмиграции, как и его жена, Екатерина Борисовна (урожд. Туманова). Вернувшись в Россию, супруги находились под надзором полиции. Имение «Басалак» («Бусалак», ныне с. Красносельское) – наследство Е.Б. Зелинской.

«Дорогой М<аксимилиан> А<лександрович>. Посылаю с *Людвигом* “Gerard de Nerval”. Еще есть у нас Ваши *Regnier* “*Mariage de Minuit*”, «Пепел» Белого...» [Сестры Герцык: Письма, с. 543], – из письма Евгении Герцык к М. А. Волошину из Судака в Коктебель (1918 г.). Речь идет о книгах из библиотеки Волошина: Жерер Нерваль (фр. поэт); рассказ А. Ренье «Жениться в полночь»; сборник стихов Андрея Белого «Пепел» (СПб, 1909)

«Дорогой Максимилиан Александрович, пишу наскоро, т.к. *Людвиг* неожиданно ускорил отъезд. Посылаем Вам 85 р<ублей>, вырученные за продажу трех акварелей...» [Сестры Герцык: Письма, с. 170], – из письма Аделаиды Герцык к М. А. Волошину из Судака в Кокте-

бель (октябрь 1918 г.).

Из дневника Л. Квятковского времен Гражданской войны:

«18 ноября 1918 г. Феодосия. Перечитал дневник Аделаиды Казимировны. Какое безмятежное существование в прежние годы, какая чудесная душа! Вместе с тем ее чувства не сравнимы с переживаниями нынешних душ, воспринимающих жизнь мучительно и остро. “Уже бо вновь, братии, печаль жирна тече среди земли русской... Русская земля разделишася на многи страны”²⁹».

«11 февраля <1919 г.> Умер Борис Сергеевич Трухачев³⁰ в Старом Крыму от сыпного тифа. Был сегодня у Зелинских – они ничего не знают... Мария Ивановна <Кузнецова>³¹ пробуждает во мне ту же радость, что церковные фрески, светлые русские леса».

«4 марта <1919 г.> Второй день работаю <с куклами> в театре Зелинского... Система блоков для главного занавеса, блок для кулис на решетке (В тексте дан рисунок. – *И.Н.*). Условия: 2000 р<ублей> в месяц».

В период Гражданской войны в Судак, как и в других городах Крыма, получили развитие театральное, концертное, хоровое творчества. В Судак была поставлена опера «Алмаст» (музыка А. Спендиарова, либретто С. Парнок), на которой присутствовал Л. Квятковский [подробнее см.: Тимиргазин А.Д. Судак. Хроника российского периода. (1783–1917). – Симферополь: СГТ, 2015, с. 463–468]. Заметим, что работу с куклами – создание эскизов декораций и самих кукол, разработка технического оснащения для постановки марионеточного спектакля – он продолжит по возвращении в Москву в 1922 г. в Камерном театре под руководством Таирова.

«11 апреля нов<ого> ст<илия> <1919 г.> Вся Феодосия эвакуируется. Улицы ночью черны. Целые кварталы в центре опустели. Грустно – не работает. Много драматизма, много горя. Никогда не забуду переполненный пароход: “Анатолий Молчанов”».

«20 апреля <1919 г.> Фронт всё на прежнем месте. На горизонте много вымпелов. Часто – канонада».

«4 июня <1919 г.> Сейчас мимо нашего дома проехал казачий разъезд. Приказ о занятии Феодосии, подписанный есаулом Демьяниным, начинается так: “Сегодня, с Божией помощью Добровольческой армией освобожден город от бандитов” и т.д. Христианская община противовес материализму».

«31 декабря 1919. Все Рождество живу в Басалаке! Каждый день слышу много музыки: Шуберт, Шопен, Бах... Удивительное чувство при музыкальном слышании: легкость, свобода, тоска и радость сочетаются в прекрасных формах. Пишу эти строки под впечатлением ме-

лодии Гуно. Мелодию Гуно перебивает оживленное движение этюда Шопена, написанного в *allegro*. Я научился читать ноты, играю этюды Бертини...».

Между тем, Гражданская война, включавшая анархию, смену властей, голод, репрессии, унижение человеческого достоинства... давно вошла в Крым.

«1 сентября 1920. Басалак. В империи веду жизнь *Naturmenschen*³². Встаю рано. Езжу верхом. В полдень загоняю телят и коров, то же и вечером. Кожа стала по-цыгански дыбиться...»

«1 ноября 1920. Вчера вернулся из деревни с последними отступающими частями. В Феодосии сегодня отошел на рейд последний пароход. Центр был в конце Бульварной улицы. Сегодня все улицы от центра по радиусам заполнены: оставленными лошадьми, навозом, тачанками, орудьями, пулеметами, винтовками, документами и оставшими людьми. Какой ужас!.. Россия искажена. Душа России должна стать мужественной. Будем воинами этой новой России».

«6 / 19 декабря 1920. В день Св<ятого> Николая умер мой отец около 2 часов дня. Я был в Шейх-Мамае³³. Хоронили без меня, т.к. извещение пришло поздно».

Записи, сделанные вскоре после окончания Гражданской войны (когда уже определился *победитель*), еще не подвержены самоцензуре и не обрели эзопова языка (позднее, в годы репрессий, а также в «вегетарианский» период истории нашей страны записи приобретут строго научный, искусствоведческий характер, как и жизнь *советского художника* Л. Л. Квятковского).

«26 августа <1921>. Многие внешнее мне дало бы повод быть с “большинством”, но значительный голос внутри меня всегда меня удерживал от гибельного пути, в котором теряется чувство правды, где всё относительно. Да чего лучше: “диалектический материализм” – иезуиты оказываются забавными младенцами в сравнении с ним. Кроме того, желание показать, что я, мой отец, моя мать и мои предки были людьми рабочей среды, приведет к сопровождающей заметке... кого-либо из марксистов. Всё это диалектика, которая затуманивает мозги и затушевывает истину. А кто ею пользуется так грубо, как ни марксисты».

«28 августа 1921. У Новалиса есть стихотворение, начало которого я перевожу так: “Если все станут неверны – я один буду верен Тебе – так не умрет благодарность на земле”. Россия – соборов, колокольных звонов, подвижничества скрылась – стала Китижем. Дай, Господи, силы служить Китижу».

Заметим, что Л.Квятковский, читавший Новалиса в оригинале, умел

выискать в нем простые зерна христианства. Добавим, что Е. К. Герцык также изучала Новалиса, идею которого о «новом средневековье» («Христианство или Европа», 1799) развил впоследствии ее наставник Н. А. Бердяев в книге «Новое средневековье» (1924). Кроме того, упоминание Л. Квятковского на христианскую общину, как противовеса материализму; сравнение России с ушедшим под воду градом Китижем – не новы. Так, Е. К. Герцык в переписке с С. Н. Булгаковым, поддерживая роль духовных союзов (со-братск) в будущем, интересуется работой «Братства Святой Софии» (русские ученые, покинувшие Россию на «философском теплоходе», возобновили работу Братства в Праге). В мыслях о России, залегшей на дно в мировом океане зла, вспоминает она и о Китиже:

«Символом такого собратства – нищего и творческого мне представляется Китиж – именно так, как это удивительное сказание воплотилось в опере Римского-Корсакова... Он, конечно, сам не понимал, что творил, когда написал эту свою мистерию...» [подробнее см. б, с. 491–492].

Многие граждане бывшей Императорской России изобретали теории – *как* можно спасти Россию и *что* можно спасти в России. Идеи о способах сохранения религиозной жизни в *новой* России и о христианизации самой этой *новой* жизни привели к образованию кружков, братств и пр.; а в русском зарубежье легли в основу работ известных философов («Христианский социализм» Г. П. Федотова и др.) Размышления о сохранении христианского начала в человеке (как последнего щита перед зверем), о гибельности атеистического мировоззрения, о противостоянии нравственной деградации человека и его «софийности» будут сопровождать Л. Квятковского и после его ареста (в лагерной библиотеке он штудирует вполне дозволенные книги, включая К.Маркса).

Итак, в конце 1921 г. Л. Квятковский покидает Крым, едет в Москву и попадает... в иное государство:

«Все мои друзья и знакомые сильно изменились: одни пали нравственно, другие стали еще чище. В искусстве царит “халтура”. Был на выставке “Мир искусства”³⁴. Впечатление бледное. Все просыпаются как после тяжелого кошмара. После “Остроухова”³⁵ необходимо искусство монументальное, фресковое. Москва, после трех лет Гражданской войны, растерзана. Многих зданий нет. Пониженная жизнь в таких людях как А. А. Сидоров³⁶, В. М. Викентьев, А. В. Сабашников³⁷. Но все же они прекрасны, самоотвержены среди ужасающего мрака. М. В. Сабашникова больна в Петербурге. А. А. Андреева всего своего

лишилась и живет в деревне – учительницей. Л<ев> Бруни³⁸ здесь, женат на Нине Бальмонт³⁹. Во многих есть желание получить уют, семейное тепло. Сама же Москва, также как другие города России, например, Харьков, стала эгоистической, финансовой, – вот к чему привели все ужасы. Во всем стережет человека распущенность, жадность, предательство; необходимо большая сила святости и молитвы, чтобы все это вынести», – запись от 27 / 18 октября 1921 г.

«Здесь, в Петербурге я уже три недели. Петербург не лучше в отношении жизни других городов России. Экономически здесь труднее, чем в Москве. Я встретил здесь Маргариту Васильевну сильно изменившуюся... Петербург все тот же – стройный, строгий... Эрмитаж. “Поощрение”⁴⁰ купило у меня благодаря А. Н. Бенуа три акварели, а Ф. Ф. Ноггафт⁴¹ – одну. Сейчас исполняю акварель для инженера Васильева⁴² – проект каменного сенатского моста», – запись от 10 ноября 1921 г.

«<Москва>. Работаю с куклами в Камерном вместе с П. Я. Павлиновым⁴³, В. Н. Соколовым⁴⁴ и Л. Л. Лукьяновым⁴⁵. Послал маме третью посылку и три миллиона», – запись от 2/15 марта 1922 г.

«Петербург. Жил две недели. Видел Г. С. Верейского, М. В. Добужинского, А. Н. Бенуа, Татлина, Митрохина, Замирайло, М. Домрачева, Чернецова⁴⁶. Очень люблю Петербург. Очень хочется работать там», – запись от 10 ноября 1923 г.

С перечисленными художниками Людвиг встречался, видимо, в петроградском Доме Искусств (ДИСК), где проходили выставки, устраивались публичные лекции и дискуссии.

«<Осень 1923. Москва.> Работа для издательств меня мало удовлетворяет. К тому же нет особой охоты работать на вкус невежд. Поэтому я работаю в клубе⁴⁷: с детьми занимаюсь рисованием. И этим же в 17-й школе “Хоно”⁴⁸».

После революции и гражданской войны многие друзья Л.Квятковского покинули Россию, о них помнили, и связь с ними, опасная для оставшихся на родине, продолжалась:

«Что ты мне ни строчки не написал, сви ты. Надеюсь, что уж теперь будешь писать. О тебе я слышала от Мани Кузнецовой, от Эренбурга, от Дм<итрия> Ев<еньевича>, от Людвиг» [19, с. 299], – из письма Е. Я. Эфрон к брату, С. Я. Эфрон, из Москвы в Прагу (январь, 1923 г.).

Осенью 1923 г. Л. Квятковский поступил во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские, в 1926 г. реорганизованы во ВХУТЕИИ – Высший художественно-технический институт), на II курс

графическо-печатного факультета⁴⁹. Скажем несколько слов о троих учителях Л.Квятковского.

1. Огромную роль в формировании художественного мировоззрения Л.Квятковского и в его судьбе сыграл преподаватель графики П. Я. Павлинов. Павлинов был учителем Людвиг в области освоения техники «ксилографии», ставшей впоследствии любимым видом графического искусства Квятковского. Именно Павлинов привлек Людвиг к участию в выставках. Постоянной темой их дискуссий была проблема передачи пространственных видов на плоскости (цветовая палитра, свето-тень, психология отображения и восприятия). Павлинов продолжил эпистолярное общение с Л. Квятковским и после того, как тот был арестован.

2. Важную роль в формировании Людвиг, как графика и книжного иллюстратора, сыграл профессор, руководитель мастерской В. А. Фаворский (1886–1964):

«17 марта <1925>. Когда В.Фаворский проверяет рисунок, он всем говорит разное: смотря, кто до чего дорос. Например, с X он обращается как с ребенком: очень подолгу объясняет с самого начала; Y делает какое-нибудь существенное замечание. Ему нравятся рисунки Лебедевой и Аксельрода⁵⁰. На одном рисунке он нашел у меня туго и жутко взятый цвет: “Как-будто чипс, да вымазан маслом”. А я перед этим рисовал сухо, за что он постоянно корил. Взявши же очень мягкий карандаш – получилось вот что. Хотя он стал намечать более острый рисунок кисти, локтя – деталей. Судакский мой пейзаж попал на выставку, не обошлось без курьеза: комиссия предложила изменить цвет горы. Май-июнь будут месяцы практики в какой-нибудь типографии».

Сохранились две книги, оформленные Л.Квятковским в годы учебы во ВХУТЕМАСе:

– А. Бусов. «Аманда». Новелла [и экспромты] / Обложка, графическое оформление, иллюстрации Л. Квятковского. Руководил работой проф. Н. И. Пискарев (1892–1959), художник, график, преподаватель ВХУМАСа). Фронтиспис выполнен под руководством проф. В. А. Фаворского. – М. : В.Х.Т.И.; [ГИЗ], 1927 г. (КП5733, КП5734). Книга является контрольной работой Л. Квятковского. Ее содержание – воспоминание Людвиг о своем крымском детстве, о девушке, называемой им «Амандой». А. Бусов – псевдоним самого Л. Квятковского.

– Б. А. Шатилов. «Повесть о портном и почтальоне» / Обложка, иллюстрации Л. Квятковского (гравюра на дереве). – М.: В.Х.Т.И.; [ГИЗ], 1928. Книга является дипломной работой Л.Квятковского.

3. Учителем жизни стал для Квятковского П. А. Флоренский, преподающий во ВХУТЕМАСе в 1921–1924 гг. (В годы работы П. Я. Пав-

линова деканом графического факультета, рискнувшим взять в свой штат бывшего священника. В конце 1917 г. была закрыта Московская духовная академия в Сергиевом Посаде, где преподавал о. П. Флоренский, в ноябре 1919 г. братия была выселена из Троице-Сергиевой лавры, последним был закрыт для богослужений Троицкий собор.). В это же время его имя появляется в записных книжках Людвиг. Вот темы исследований П. А. Флоренского, с которыми был знаком Л. Квятковский: работа «Столп и утверждение истины» (М.: 1914 г.); статья «Обратная перспектива» (организация трехмерного пространства на плоскости в иконописной традиции, 1919 г.); циклы лекций «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» и «У водоразделов мысли» (прослушан Л. Квятковским в 1924 г. во ВХУТЕМАСе); книга «Мнимости в геометрии» (1922, иллюстрирована В. А. Фаворским).

Группу, в которую входили Павлинов, Фаворский и Флоренский, называли во ВХУТЕМАСе «производственные мистики», которые «талмудят» головы ученикам (так прозвали их сторонники ЛЕФа – Левого фронта искусств). Между тем, учителя Квятковского стойко придерживались преобладания *духовного* начала в интеллектуальной и педагогической работе. Молодого художника с ними связывали более тесные отношения, нежели учитель-ученик.

П. Я. Павлинов, П. А. Флоренский. В. А. Фаворский жили с семьями в Сергиевом посаде. Л. Квятковский нередко бывал там, останавливаясь в доме Павлиновых; был знаком с семьями Фаворского и Флоренского; посещал Троицкий собор, где в 1925 г. начались работы по реконструкции; был свидетелем проблем, связанных с работой «Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры» [подробнее см.: 11], членами которой являлись П. А. Флоренский, А. Е. Фаворский (1843–1924), правовед, член Государственной Думы, деятель культуры) и В. Д. Девиз (1859–1937), правовед, искусствовед, его дочь, Мария Владимировна, вышла замуж за В. А. Фаворского). Из Дневника Л. Квятковского:

«31 декабря / 13 января 1925. Троице-Сергиева лавра. Пробыл в Троице-Сергиеве 4 дня, приехал в четверг, а уехал в воскресенье. Жил у очень милых и добрых Павлиновых; в первый же день были на елке у Владимира Андреевича Фаворского». Он устроил небо и ангелов на потолке. Были Шики⁵¹ и много детей.

На второй день моего пребывания была елка у Павлиновых – ангелы были устроены на штифте и двигались от теплого воздуха свечей.

В воскресенье была елка у Флоренских. Много детей. П. А. Флорен-

ский» в домашнем кругу как-то нелеп. Дети его хлопают по плечу, жене он почти ничего не говорит – о службе, о своих научных вещах. Когда, сидя за чайным столом, Павлинов сказал своей соседке, что праздновать Новый год астрономически правильнее, то Флоренский стал сейчас же возражать, что может быть несколько точек зрения над счислением времени [см.: 17]: одна – по фазам Луны, другая – астрономическая и т. д. Далее Флоренский в разговоре стал переходить в свою любимую область кривизны пространства. Павел Яковлевич затронул вопрос географии в школах Америки, – а Флоренский утверждал, что для него южного полюса не существует. Павел Яковлевич упирал на экспедицию Шеклтона⁵², – тогда сомнения насчет вычислений. Павел Яковлевич указывает на шаровидность других планет, – тогда критика астрономических несоответствий. Во всем, чего ни касается Флоренский, его мировоззрение определяет его мысль. Огромное значение он придает внешним формам математики; и его последняя техническая книга о диэлектриках [16] приводит к необходимости (для изучения гистологии диэлектриков) опираться на теорию множества, теорию функций, теорию чисел...

Весь он в науке, мысль его напряжена неизменно, и это создает в общении с ним ощущение взвинченности. Женщин он не любит. Павел Яковлевич вспоминает летнее затмение луны и о чувстве точки – Земли на Луне... А Флоренский приносит рисунки, где Луна как шар, вся деформировалась.

Заводили шкатулку, – отцы с детьми, кроме Флоренского, ходили вокруг елки».

По окончании *первого года* обучения во ВХУТЕМАСе Людвиг едет в родной любимый Крым, прекрасный и вечный, но изменившийся «изнутри». Он пытается найти следы прежней жизни.

«23 августа <1924> Коктебель. Только что я пережил безумные часы страдания и горечи у Макса. Макс говорил с большим пафосом о меньшинстве (и определил меня с большинством), о суде между двумя лагерями... Его предложение – изменить активно внутреннее поведение... “Людвиг, если я узнаю, что Вы сделали кому-нибудь *добро*, если я услышу в моем кругу, что Вы изменились, тогда Вы возвращаетесь к нам. В данном случае талант значения не имеет. Небрежность с людьми, с искусством”. Я ему отвечаю, что не знаю как... Так как жить в Москве трудно: надо помогать матери, учиться... Последние его слова: “Людвиг, если у Вас останется после нашего разговора горечь – это уже хорошо».

«27 августа <1924> Судак. Сейчас здесь на террасе у Ольги Николаевны⁵³: Марина⁵⁴, Таня Спендиаровы⁵⁵, Федоровский⁵⁶, Лёля

Рейн⁵⁷... Мы наперебой рисуем друг друга. Надо сказать решительное нет злу. Жизнь сломлена, слабые души ищут забвение в вине, в эмоциях, в ослепительной бестолочи города; живут, подчиненные жестоким и грубым силам. Как грустно – эта перемежающаяся лихорадка настроений, желаний, наслаждений».

«28 августа <1924> Судак. С Жуковскими видался много раз – они живут трудно. Очень милые Ника⁵⁸ и Даля⁵⁹ – уже мальчики».

Однако внешняя жизнь Л.Квятковского наполнена событиями (он продолжает учиться во ВХУТЕМАСе), но между строк передает тревогу и фатальность происходящего:

«5 апреля <1925> Был в Церкви у Никитских ворот... С народом дошел до Патриарха⁶⁰. Перекрестившись и прочтя две своих детских молитвы, я поцеловал сначала Икону Благовещения, а затем подошел к Патриарху, который меня помазал во имя О<тца> и С<ына> и С<вятого> Д<уха> и затем сказал: “Поздравляю Вас с Праздником”. Старческим слабым, но четким голосом. Такое помазание и слова он давал каждому, а народу в соборе было немало, едва протиснешься».

«12 апреля <1925>. Вербное воскресенье. Умер Патриарх⁶¹. Как совсем неожиданно, в понедельник я был перед ним».

«29 апреля <1925> Флоренский. Голод. Москва».

«5 и 6 <июня 1925> Был в Сергиеве. Троицкий собор раскрывают от загромадивших его пристроек⁶². Прекрасен ассиметрией. В иконостасе уже четыре расчищенных иконы. Прекрасен Иоанн Креститель, которого при нас кончали расчищать. По-видимому, Андрей Рублев... С Павлиновыми мы гуляли, и они проводили меня на вокзал».

«24 июля 1925. В прошлую пятницу у Разорёновых⁶³ я узнал, что умерла Аделаида Казимировна Жуковская (Герцык), внезапно, дома в Судак».

В 1930 г. Квятковский получил Диплом об окончании Высшего художественно-технического института (ВХУТЕИНа)⁶⁴ и становится «дипломированным» художником. Творческий путь художника Л. Квятковского трудно отделить от духовного пути, религиозного, социального.

Художник Л. Квятковский предстает нам как: пейзажист, график (он экспериментирует в разной технике: перо, уголь, резьба по дереву, работа с пластиком, с линолеумом, выжигание и пр.), иллюстратор книг, автор эскибрисов, художник-монументалист (автор мозаичных панно). Где же хранится «творческое наследие» Л.Квятковского? Как было сказано, в 1910 г. он сам уничтожил свои картины; другие работы были изъяты при аресте и обыске в 1938 г.

«Ввиду полной утраты, за отсутствием в Москве, всего моего имущества, документов и на 90% моих художественных произведений, я

Л.Л.Квятковский. Линогравюра "Рыболовецкий совхоз". 1967. Судак

не в состоянии точно обозначить год и названия выставленных мной вещей», – писал Л. Квятковский в «Личном листке по учету кадров»⁶⁵.

Сохранились картины, находящихся в частных собраниях или музеях; произведения, созданные после 1955 г., а также *тиражированные* работы художника (оформленные им книги). Вот некоторые из них:

- Н. Н. Никандров. Морской Атаман. – М. : Молодая гвардия. 1930.
- Арминий Вамбери. Приключения Арминия Вамбери, описанные им самим. – М. : ОГИЗ; Молодая гвардия. 1931.
- Н. Ушаков. Горячий цех. Стихи. – М. : Советская литература, 1933.
- П. Антокольский. Франсуа Вийон: Поэма. – М. : ГИХЛ, 1934.
- Морозовская стачка 1885. Сборник статей, документов и воспоминаний. – М. : Московский рабочий. 1935.
- Журналы «Боец. Охотник» за 1934 г.

Л. Квятковский был одним из тех, кто занимался эскибрисом в послереволюционное время, а также в 1960-е годы, создав около 30 работ (в гравюре на меди, дюралюминии, ксилографии). Среди них – эскибрис в гравюре на дереве для А. Петровского (1934 г.). Э. Гетманский в книге «Борьба за выживание российского эскибриса (1930–1950 годы)» пишет: «вернулся в книжный знак после длительного перерыва Л.Л. Квятковский... Он, в 1960-е годы в отличие от своих ранних знаков, красивых по почерку и классических по композиции, создал ряд эскибрисов, которые отличались своим декоративным упрощенным видом. Они были построены в основном на сочетании разных по величине и характеру букв

или строк текста с очень немногими изобразительными элементами. Таков его экслибрис для Татьяны Георгиевны Ильиной, выполненный в 1964 году, на нем в квадратной рамке только текст и ветвь розы» [7].

Вплоть до 1933 г. Л. Квятковский участвует в выставках, организованных на Кузнецком мосту Всероссийским кооперативным объединением «Художник» («ВсеКоХудожник»). В 1933 г. вступает в Союз советских художников (ССХ) и участвует в выставках Союза (графическая секция). Л. Квятковский перечисляет некоторые свои крымские работы: портрет М. Волошина <1910>, гравюра «Босоножка», гравюра «Ай-Георгий в Судак» (1919), акварель «Крымский пейзаж с татарами» (1934); из монументальных – сграфити в «Московском городском доме пионеров и октябрят» (в бывшем переулке Стопани), выполнено в 1934 г. совместно с П. Я. Павлиновым.

Известны другие выставки с участием Л. Квятковского:

– 1924 г. XXVI выставка московского товарищества художников. Москва

– 1927. Гравюра СССР за 10 лет. Открылась 13 ноября в Музее изящных искусств имени А. С. Пушкина. Л. Квятковский был представлен деревянной гравюрой «Ай Георгий в Судак».

– 1927 г. Выставка «Московский экслибрис 1926 года. Открыта 17 мая 1927 г. в Москве в Доме ученых.

– 1927 г. Выставка современного искусства. Открыта в Симферополе, в залах Центрального музея Тавриды. Составлена из двух выставок: крымских художников и художников Москвы.

– 1928 г. Выставка гравюры и рисунка мастеров Армении, Белоруссии, Грузии, России и Украины. Открыта 2 октября – 10 ноября 1928 г. в Киеве, в залах Киевского музея революции, организована Ассоциацией революционного искусства Украины (АРИУ).

– 1928 г. Пятая Международная Выставка экслибрисов (Лос-Анджелес, США).

– 1931 г. Международная выставка «Искусство книги». Открыта 15 мая – 15 августа в Париже, в Малом дворце изящных искусств, затем с марта по апрель 1932 г. в Лионе. Советский отдел выставки организован Всесоюзным Обществом культурной связи с границей.

– 1933 г. Выставка «Художники РСФСР за 15 лет (1917–1933)». Открыта 10 декабря 1933 г. в Москве в Государственном музее изобразительных искусств (им. А. С. Пушкина).

– 1936 г. Выставка «Цветной станковый эстамп». Открыта в марте 1936 г. в Ленинграде в Государственном Русском музее.

Каталог выставок представлен на сайте «Масловка» [9].

Арестованный 4 марта 1938 г., Л. Квятковский провел десять лет в

Вятских лагерях, из которых пять лет на лесоповале и пять – гончаром глиняной посуды с лагерных мастерских. Затем были «минуса»: он жил в Грузии, в 1948–1952 гг. заведовал клубом в совхозе Мукузани, в 1953–1958 гг. работал декоратором в Доме культуры г. Гурджаани. Там он женился на Галине Васильевне Серовой, чья семья стала ему родной. В 1955 г. вернулся в Москву, в сентябре 1957 г. реабилитирован «за отсутствием состава преступления»⁶⁶.

После возвращения «из египетского плена» – как выразился в письме к нему В. К. Герцык – нужно было начинать все сначала: искать временное пристанище, восстанавливаться в союзе художников, а главное – искать внутреннюю опору, дающую силы *жить*.

Лекции и беседы учителей Л. Квятковского, а также другие уроки жизни в годы учения во ВХУТЕМАСе заложили в нем мощный творческий, исследовательский стержень. И, несмотря на 20-летнее отсутствие на «художественном небосклоне», в записных книжках он рисовал всегда, при этом рос в теории рисунка: в годы ссылки он много часов проводил в библиотеке, в переписке с Павлиновым вел дискуссии о совершенствовании техники ксилографии и изобретении «новых изобразительных конструкций». Не прошли даром и лекции Флоренского, привившие Л. Квятковскому страсть к алгебре, геометрии и стереометрии.

Светлая энергия *крымского* элэзиума Серебряного века стала основой *духовной* крепости художника в годы тяжелый испытаний. В 1961 г. Л. Квятковский после долгой разлуки снова едет в Крым. У него командировка «в рыболовецкие артели района “Планерная” (Коктебель – И. Н.) для создания работ к предстоящей художественной выставке 1962 г.»⁶⁷ В 1967 г. – снова Крым, командировка с целью написания линогравюры «Рыболовецкий совхоз»⁶⁸ и работы «Морской пейзаж»⁶⁹. Как ни вспомнить Аделаиду Герцык, подарившую своим детям радость творчества, как спасения, когда читаешь запись Л. Квятковского (от 27 июня 1925 г.): «Я счастлив, что у меня есть творчество».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихи из рукописной тетради Л. Квятковского⁷⁰.

Сонет

*Посв<ячено> Людвигу Квятковскому
 Был поздний час, и веяла прохлада,
 Когда переступил он наш порог.
 В тяжелом пламени немого взгляда
 Зрел неуклонный непонятный рок.*

*В душе его мы чуяли преграду,
Он среди всех казался одинок.
Хотелось знать, где боль и где отрада,
В какой борьбе он духом изнемог.
Шли дни, – и все, что было в сердце сжато
Средь творчества и дружеских бесед,
Исторглось песнями и стало свято,
С судьбы был снят мучительный запрет.
Пришел к нам бранник темный, виноватый
– Ушел свободный жертвенный поэт*

Адель Герцык. Сентябрь 1915, Судак

***

Посв<ящено> Л<юдвигу> К<вятковскому>

*В час вечерний в дом вступила юность,
Даль лазури затаила юность.
Давним светом разъярилось утро,
Трелью воздух напоила юность.
В лад ей льется в мире песня песней,
Слёзы-росы растопила юность.
Возжигай огнем огни, жар-птица!
О, бессмертная ты сила, юность!
Е<вгения> Герцык. 17 сентября 1915. Судак
В старинной библиотеке на даче гр<афа> Капниста
Ряды шкафов. Глядят портреты,
На рамах бронзы свет потух,
Диван, рояль в чехлы одеты,
Заплесневелый воздух глух.
Я томик Байрона в сафьяне
Лист за листом перелистал;
Огонь страстей, огонь мечтаний
В строфах таинственных мерцал.
Но вдруг поблекшая страница
Явила профиль мне живой, –
И вспомнил я о деде той,
Чей лик в душе моей таится.*

<Л. Квятковский. 1918> Судак

***

Аделаиде Казимировне

г-же Жуковской

Печальна розовая роца,

*Скрипят седые тополя
И нежно вечер пепеля
В тумане серп мелькает тощий.
Сюда – запечатленный грустью
С Аделаидой я входил,
Здесь каждый уголок мне мил
И эти розовые роци.*

<Л. Квятковский>. 1918. Судак

***

Любовь Александровне

г-же Герцык (ур. Жуковской)

<Сонет>

*Видал ли ты эбеновые дуги,
Стоящие на страже тяжких глаз?
Сурово исполняя свой наказ,
Натянуты они, как луки туги.
Ее движенья медленны, упруги,
Когда ее увидишь только раз.
Прекрасную как Индии алмаз –
Ты не забудешь строгий лик подруги.
Уста молчат, угрозу затаив,
Натянуты эбеновые луки,
И тяжкие несут они мне муки.
Вот сорвалась стрела, меня пронзив,
Но не Любовь мне сердце открыла.
– Суровая меня красой сразила.*

<Л. Квятковский. Б. д.> Судак

Меганом

<Сонет>

*Как мощный лев, вздыбился Меганом
И прынул в море тяжкою громадой
А у пожножья трепетной пляждой
Сгрудьлись волны с пламенным гребнём.
И пенный всплеск с невольницей наядой
Стремит свой бег взъярившимся конем,
Но перламутровый валов излом
Отброшен вспять незыблемой преградой.
Когда ж отбой стихия протрубит,
Зеленых брызг гирлянда отсверкает
Глубины вод прозрачность прояснит,*

*Тогда прибой покорный набегает.
А Меганом – гигантский монолит,
Покоя страж – торжественно сияет.
<Л. Квятковский> Судак. 1918*

Примечания

¹ Архив Л.Л.Квятковского. «Дневник Л.Л.Квятковского». Книга поступления КП-6082. Далее цитаты из Дневника приведены без ссылок.

² Метрика Квятковского Людвиг Лукича (КП-5687).

³ Кириенко-Волошина (урожд. Глазер) (1850–1923), мать М.А.Волошина. Прозвище «Пра» получила после блестящего исполнения роли Праматери огромного матриархального семейства в одной из мистификаций сына.

⁴ Латри Михаил Пелопидович (1875–1942), живописец, художник по керамике, график. Внук И.К.Айвазовского. Владелец имения Баран-Эли (ныне с. Каштановка), доставшегося в приданое его матери Елене Ивановне (в браке Латри).

⁵ Тюлин Матвей Васильевич, потомственный «иконописных дел мастер», принадлежал к староверческой (древнерусской) иконописной школе.

⁶ Головин Александр Яковлевич (1863–1930), художник, сценограф, декоратор, член Академии художеств.

⁷ Метнер Эмилий Карлович (1872–1936), публицист, переводчик, издатель, литературный и музыкальный критик, философ, психоаналитик; в 1909 г. основал издательство «Мусагет».

⁸ Личность не установлена.

⁹ Дмитриева Елизавета Ивановна (псевд. Черубина де Габриак; в браке Васильева; 1887–1928), поэт, драматург.

¹⁰ Леман Борис Алексеевич (псевд. Борис Дикс; 1882–1945), поэт, переводчик, литер. критик.

¹¹ Минцлова Анна Рудольфовна (ок. 1860–1910), философ, мистик, антрополог, переводчик.

¹² Речь идет о святом старце Филиппе Луганском (в миру: Филипп Елисеевич Горбенко; 1858–1956). Ему в 1905 г. трижды являлась во сне Божья Матерь, своим шествием образующая крест над городом Луганском, где стоял его домик-келья. В память этого явления по его заказу и с его слов была написана икона «Ведение во сне Юго Западная Трех-Личная Божия Матерь» («Трех Личная Богородица Луганская»). Сохранилась переписанная рукой Л. Квятковского статья «Как золотят икону» с его карандашной пометкой: «Написано весной 1910 года в мастерской М.В. - Сабашниковой, где я жил» (КП5732).

¹³ Метнер Николай Карлович (1880–1951), композитор, пианист, педагог, профессор Московской консерватории.

¹⁴ Семья Константина Васильевича Кандаурова (1865–1930), – художник, декоратор, живописец, график, организатор выставок.

¹⁵ КП-5901.

¹⁶ Письмо М.В. Сабашниковой к Л.Л. Квятковскому от 14 марта 1912 г. из Мюнхена в Москву (КП-5877).

¹⁷ КП-5753.

¹⁸ Викентьев Владимир Михайлович (1882–1960), историк, египтолог, публицист, антрополог. Сохранился «Мандат, удостоверяющий Л.Л.Квятковского в качестве лица, сопровождающего В.М. Викентьева в командировке по С<северной> Америке, З<ападной> Европе, Африке. Выдан Академическим центром Наркомпроса РСФСР. 10.08.1922 г.» (КП-5693). Нет сведений о том, что командировка Л. Квятковского состоялась.

¹⁹ Полиэвтков Александр Александрович, врач, зав. Павловской детской инфекционной больницей; его жена Татьяна Алексеевна (урожд. Орешникова; 1877–1965), антрополог; их дети – Полиэвтков Петр Александрович (погиб в годы Первой мировой войны); Полиэвктова (в браке Кристенсен) Мария Александровна (1892–ок. 1982) Полиэвктова (в 1-м браке Евреинова, во 2-м – Куфтина) Ольга Александровна (1896–1983), актриса Пражской группы МХТ; Полиэвктова (в браке Бруни) Анна Александровна (1898–1957).

²⁰ Щукин Сергей Иванович (1854–1936), московский купец, коллекционер искусства. В 1909 г. на основе своей коллекции открыл общедоступную, бесплатную художественную галерею в Большом Знаменском переулке (близ Арбата, в бывшем дворце князей Трубецких).

²¹ Сохранилась квитанция о внесении платы за зимний семестр обучения 1913–1914 гг. (КП-6087).

²² Лубны-Герцык (урожд. Вокач) Евгения Антоновна (1855–1930), вторая жена Казимира Антоновича Лубны-Герцык (1843–1906), инженера-путейца; мачеха А. и Е. Герцык.

²³ Петровский Алексей Сергеевич (1894–1958), переводчик, коллекционер, сотрудник Румянцевского музея, антрополог.

²⁴ Речь идет о замке Херренкимзее под Мюнхеном, «баварском Версале».

²⁵ Жуковская (в браке Герцык) Любовь Александровна (1890–1943), жена В.К. - Лубны-Герцыка.

²⁶ Герцык Владимир Казимирович (1885–1976), сводный брат сестер Герцык.

²⁷ Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1866–1943), издатель, переводчик, ученый-биолог, муж А.К. Герцык.

²⁸ Тетрадь Л.Л.Квятковского, л. 5 об. (КП-5733)

²⁹ Правильно: «А встона бо, братие... тоска разлился по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Руской» (фрагмент из поэмы «Слово о полку Игореве»)

³⁰ Трухачев Борис Сергеевич (1893–1919), первый муж А.И.Цветаевой.

³¹ Кузнецова (сцен. псевд. Гринёва) Мария Ивановна (1895–1966), актриса Камерного театра, вторая жена Б.С.Трухачева.

³² Naturmenschen (Natur des Menschen) – человек природы (нем.).

³³ Шейх-Мамай (Шах-Мамай), имение И.К.Айвазовского, расположено в Феодосийском уезде, досталось в приданое его дочери Александре (в браке Лампси), позднее перешло ее сыну Николаю Михайловичу Лампси (1873–1927; в 1907–1911 гг. директор Картинной галереи Айвазовского).

³⁴ На последних московских выставках объединения (1917/1918, 1921, 1922) преобладали работы бывших членов «Бубнового валета» и практически отсутствовали произведения «старых» мирискусников.

³⁵ Остроухов Илья Семёнович (1858–1929), художник, пейзажист, коллекционер древнерусского искусства, общ. деятель.

³⁶ Сидоров Алексей Алексеевич (1891–1978), профессор, искусствовед, библиофил, ученик И.В.Цветаева, сотрудник Румянцевского музея.

³⁷ Сабашников Алексей Васильевич (1883–1954), специалист по сельскому хозяйству, антропософ, брат М.В. Сабашниковой.

³⁸ Бруни Лев Александрович (1894–1928), художник-конструктивист, иллюстратор, военный корреспондент. В 1920-е годы, по приглашению Фаворского, возглавлял графическую, затем монументальную мастерскую во ВХУТЕМАСЕ (ВХУТЕИНе).

³⁹ Бальмонт (в браке Бруни) Нина Константиновна (1901–1989), жена Л.А. Бруни, дочь поэта К.Д. Бальмонта.

⁴⁰ Общество поощрения художеств (в 1882–1917 гг. – Общество поощрения художников; в 1917–1929 гг. – Всероссийской общество поощрения художеств) – российская общественная организация, основанная в 1820 г. в Петербурге по инициативе меценатов И.А. Гагарина, П.А. Кикина, Ф.Ф. Шуберта и художников А.И. Дмитриева-Мамонова и Л.И. Килы. В 1930 г. упразднено.

⁴¹ Нотгафт Федор Федорович (1886–1941), искусствовед, коллекционер, издатель, сотрудник Эрмитажа.

⁴² Васильев Борис Дмитриевич (1890–1963), генерал-майор инженерных войск, доктор технических наук, член-корреспондент Академии строительства и архитектуры СССР, профессор Высшего инженерно-технического училища. В 1918 г. возглавил Проектно-технический отдел Петроградского управления городских мостов и набережных.

⁴³ Павлинов Павел Яковлевич (1881–1966), морской офицер, художник-график, ученик В.А.Фаворского, педагог, теоретик искусства. С 1918 г. работал в Студии кукольного театра при Театральном отделе Наркомпроса, затем в Мастерской кукольного театра при Московском камерном театре Таирова. В 1921–1930 гг. преподаватель ВХУТЕМАСа (ВХУТЕИНа).

⁴⁴ Соколов Владимир Николаевич (1889–1962), актер, режиссер Московского камерного театра Таирова. В 1922 г. возглавлял в нем кукольную студию (мастерскую). В эмиграции с 1923 г., снимался в немецких и американских фильмах.

⁴⁵ Лукьянов Леонид Львович (1884–1967), артист, режиссер Московского камерного театра А. Таирова.

⁴⁶ Вирейский Георгий Семенович (1886–1962), художник. Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957), художник. Бенуа Альберт Николаевич (1852–1936), художник. Татлин Владимир Евграфович (1885–1953), художник. Митрохин Дмитрий Исидорович (1883–1973), художник. Замирайло Виктор Дмитриевич (1868–1939), художник. Домрачев Макарий Федорович (1887–1958), художник. Чернецов Владимир Семенович (1907–1969), художник.

⁴⁷ В 1923–1925 г. Л.Квятковский вел Кружок изобразительного искусства в Клубе Бауманского района.

⁴⁸ ХОНО – Хамовнический отдел народного образования г. Москвы.

⁴⁹ КП5688, КП5695.

⁵⁰ Лебедева (Маврина) Татьяна Алексеевна (1900–1996), художник, иллюстратор. Аксельрод Меер Моисеевич (1902–1970), художник.

⁵¹ Шик Михаил Владимирович (1887–1937), философ, богослов, переводчик, священник. Расстрелян на Бутовском полигоне. Его жена Наталья Дмитриевна (урожд. Шаховская; 1890–1942), литератор.

⁵² Шеклтон Эрнест Генри (1874–1922), исследователь Арктики. Экспедиция под руководством Шеклтона к Южному полюсу состоялась в 1908–1909 гг.

⁵³ Цубербиллер Ольга Николаевна (1885–1975), математик, педагог. Близкая подруга С.Я. Парнок.

⁵⁴ Спендиарова Марина Александровна (1903–1982), музыковед, заслуж. работник культуры Армянской ССР, дочь А.А. Спендиарова.

⁵⁵ Спендиарова Татьяна Александровна (1901–1990), поэт, переводчик, дочь А.А. Спендиарова.

⁵⁶ Федоровский, преподаватель Киевской военной академии им. Фрунзе, в 1920-х приезжал на отдых в Судак [14, с. 287]

⁵⁷ В Дневнике Л. Квятковского сохранились записи о работе над портретом Евгении Рейн.

⁵⁸ Жуковский Никита Дмитриевич (1913–1995), врач, капитан медицинской службы, младший сын А.К. Жуковской (Герцык) и Д.Е. Жуковского, отец Т.Н. Жуковской.

⁵⁹ Жуковский Даниил Дмитриевич (1909–1938), поэт, математик, старший сын А.К. Жуковской (Герцык) и Д.Е. Жуковского. Расстрелян в феврале 1938 г.

⁶⁰ Патриарх Тихон (в миру: Беллавин Василий Иванович; 1865–1925), патриарх Московский и всея России (первый после восстановления патриаршества в России, избран 4 декабря 1917). С мая 1922 г. находился в Донском монастыре, фактически, под арестом. 13 января 1925 г. больной Патриарх помещен в частную клинику Бакуниных (Остоженка, 19), но продолжал совершать богослужения в московских храмах. Последнее богослужение Патриарха, на котором и был Л. Квятковский – хиротония епископа Сергия (Никольского) – состоялась в Храме Большого Вознесения у Никитских Ворот 5 апреля 1925 г.

⁶¹ Святейший Патриарх Тихон умер 7 апреля 1925 г. в праздник Благовещения

Пресвятой Богородицы. 12 апреля 1925 г. в Вербное воскресенье в Донском монастыре был совершен чин погребения. В 1989 г. Святейший Патриарх был прославлен Собором новомучеников и исповедников Российских. 19 февраля 1992 г. совершилось обретение святых мощей патриарха Тихона.

⁶² В 1925 г. начата реставрация Троицкого собора в Троице-Сергиевой лавре.

⁶³ Разорёновы, Зинаида Аркадьевна и Аркадий Семенович, московские друзья Л. Квятковского, часто отдыхающие в Судаке.

⁶⁴ КП5688, КП5695.

⁶⁵ «Вкладыш в личный листок по учету кадров» (КП5718).

⁶⁶ «Справка № н-2246/ос в том, что дело по обвинению Л.Л. Квятковского прекращено за отсутствием состава преступления. Выдана 16.09.1957 г. г. Москва» (КП-5697, КП-5698).

⁶⁷ При этом «Московское отделение Союза художников РСФСР просит местные организации оказывать художнику всяческое содействие (КП-5707).

⁶⁸ Договор о создании линогравюры (КП-5723).

⁶⁹ Договор о написании пейзажа (КП-5724).

⁷⁰ Фонд ГБУК г. Москвы КЦ «Дом-музей Марины Цветаевой». Архив Л.Л. Квятковского, КП5733. Публикация И.М. Невзоровой.

Список литературы

1. Бонецкая, Н. К. Перепетии игры // Тайнство игры: Аделаида Герцык и ее дети / сост. и примеч. Т. Н. Жуковская, вступ. ст. Н. К. Бонецкая. – М. : Эллис Лак, 2007. – С. 10–38.
2. Бонецкая, Н.К. Русская Сивилла и ее современники: Творческий портрет Аделаиды Герцык. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006
3. Бонецкая, Н.К. Царь-девица : феномен Евгении Герцык на фоне эпохи / Наталья Бонецкая. – Санкт-Петербург : Полиграф, 2012
4. Волошин, М. А. В. И. Суриков / М. А. Волошин. – Л. : Художник РСФСР, 1985. – 224 с.
5. Волошина, М. Зеленая змея / М. Волошина. – М., 1993 – 344 с.
6. Герцык, Е. Лики и образы / Е. Герцык / сост., авт. предисл. и коммент. Т.Н. Жуковская. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 861 с.
7. Гетманский Э. Борьба за выживание российского экслибриса (1930–1950 годы) [Электронный ресурс] / Э. Гетманский // Русское поле. – Режим доступа : <http://suzhdenia.ruspole.info/node/6062> (дата обращения: 03.2018)
8. Жуковская, Т. Н. Окружение сестер Герцык : Василиса и Алексей Жуковские / Т. Н. Жуковская // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия // Материалы Восьмых Герцывковских чтений в Судакe (7–11 июня 2013 г.). – Москва–Симферополь : Бизнес-Информ, 2014. – С. 6–7.

9. Масловка городок художников [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.maslovka.org> (дата обращения: 03.2018).

10. Сестры Герцык. Письма / сост. и коммент. Т. Н. Жуковской, вступит. ст. М. В. Михайловой. – М. : Инапресс; Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. – 760 с.

11. Смирнова Т.В. Создатели музея в Троице-Сергиевой лавре [Электронный ресурс] / Т.В. Смирнова // Режим доступа : http://tvsm.ucoz.ru/pdf/statji/museum/sozdateli_muzeja.pdf (дата обращения: 03.2018).

12. Судак. Популярная энциклопедия / авторы-составители Г.Б. Литвинова, П.А. Литвинов. – Судак: ЧП «Сталкер», 2004, с. 124.

13. Тимиргазин, А. Д. Судак. Путешествия по историческим местам [Электронный ресурс] / А.Д. Тимиргазин // Режим доступа : <http://e-libra.ru/read/132519-sudak-puteshestviya-po-istoricheskim-mestam.html> (дата обращения: 03.2018).

14. Тимиргазин А. Д. Судак. Хроника российского периода (1783-1917) / А. Д. Тимиргазин. – Симферополь : СГТ, 2015. – 576 с.

15. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл.С.Соловьева. В 2 т. – М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1913.

16. Флоренский П.А. Диэлектрики и их техническое применение / П.А. Флоренский. – М.: 1924.

17. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии / П.А. Флоренский. – М.: Поморье, 1922.

18. Цветаева, А. Воспоминания / Авторская редакция с восстановленными купюрами. / изд. подготовлено А. Айдиняном: в 2 т. – М. : Бослен. 2008.

19. Цветаева, М. Неизданное. Семья : История в письмах / М. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 2012. – 592 с.

20. M. Woloshin. Die grune Schlahge. Stuttgart, 1955.

CRIMEAN CONTEXT IN THE CREATIVE DESTINY OF LYUDVIG KVYATKOVSKY (1894-1977)

Nevezorova Irina Mikhailovna,

member of the Writers' Union of Moscow

Abstract. *The article contains unique documents from the “Archive of L. Kvyatkovsky”, stored in the Moscow Cultural Center “House-Museum of Marina Tsvetaeva.” The artist was closely acquainted with the sisters Adelaide and Yevgenia Gertsyk, Marina and Anastasia Tsvetaeva, Sofia Parnok, Margarita and Maximilian Voloshin and many other representatives of the Silver Age. His meetings and impressions*

L. Kwiatkowski writes a diary, provides drawings. The author recreates episodes of the artist's life in diaries, memoirs, letters of participants.

Keywords: *L. Kvyvtsovsky, Fine Arts, Silver Age, A. Gertsyk, E. Gertsyk, M. Tsvetaeva, A. Tsvetaeva, S. Parnok, M. Voloshin, M. Sabashnikova.*

References

1. Bonetskaya, N. K. Perepetii Igrы // Tainstvo Igrы: Adelaida Gertsyk i Yeye Deti / sost. i primech. T. N. Zhukovskaya, vstup. st. N. K. Bonetskaya. – M. : Ellis Lak, 2007. – S. 10–38.
2. Bonetskaya, N.K. Russkaya Sivilla i Yeye Sovremenniki: Tvorcheskiy Portret Adelaidy Gertsyk. M.: Dom-muzey Mariny Tsvetayevoy, 2006
3. Bonetskaya, N.K. Tsar'-Devitsa : Fenomen Yevgenii Gertsyk na Fone Epokhi / Natal'ya Bonetskaya. – Sankt-Peterburg : Poligraf, 2012
4. Voloshin, M. A. V. I. Surikov / M. A. Voloshin. – L. : Khudozhnik RSFSR, 1985. – 224 s.
5. Voloshina, M. Zelenaya Zmeya / M. Voloshina. – M., 1993 – 344 s.
6. Gertsyk, Ye. Liki i Obrazy / Ye. Gertsyk / sost., avt. predisl. i komment. T.N. Zhukovskaya. – M.: Molodaya gvardiya, 2007. – 861 s.
7. Getmanskii E. Bor'ba za Vyzhivaniye Rossiyskogo Ekslibrisa (1930–1950 gody) [Elektronnyy resurs] / E. Getmanskii // Russkoye pole. – Rezhim dostupa : <http://suzhdenia.ruspole.info/node/6062> (data obrashcheniya: 09.2017)
8. Zhukovskaya, T. N. Okruzheniye Sester Gertsyk : Vasilisa i Aleksey Zhukovskiye / T. N. Zhukovskaya // «Serebryanny vek» v Krymu: vzglyad iz XXI stoletiya» // Materialy Vos'mykh Gertsykovskikh chteniy v Sudake (7–11 iyunya 2013 g.). – Moskva–Simferopol' : Biznes-Inform, 2014. – S. 6–7.
9. Maslovka Gorodok Khudozhnikov [Elektronnyy resurs]. ? Rezhim dostupa : <http://www.maslovka.org> (data obrashcheniya: 09.2017).
10. Sestry Gertsyk. Pis'ma / sost. i komment. T. N. Zhukovskoy, vstupit. st. M. V. Mikhaylovoy. – M. : Inapress; Dom-muzey Mariny Tsvetayevoy, 2002. – 760 s.
11. Smirnova T.V. Sozdateli Muzeya v Troitse-Sergiyevoy Lavre [Elektronnyy resurs] / T.V. Smirnova // Rezhim dostupa : http://tvsm.ucoz.ru/pdf/statji/museum/sozdateli_muzeja.pdf (data obrashcheniya: 09.2017).
12. Sudak. Populyarnaya Entsiklopediya / avtory-sostaviteli G.B. Litvinova, P.A. Litvinov. – Sudak: CHP «Stalker», 2004, s. 124.
13. Timirgazin, A. D. Sudak. Puteshestviya po Istoricheskim Mestam [Elektronnyy resurs] / A.D. Timirgazin // Rezhim dostupa : <http://e-libra.ru/read/132519-sudak-puteshestviya-po-istoricheskim-mestam.html> (data obrashcheniya: 09.2017).

14. Timirgazin A. D. Sudak. Khronika Rossiyskogo Perioda (1783-1917) / A. D. Timirgazin. – Simferopol' : SGT, 2015. – 576 s.
15. Trubetskoy Ye.N. Mirosozertsanie Vl.S.Solov'yeva. V 2 t. – M.: Tov-vo tip. A.I. Mamontova, 1913.
16. Florenskiy P.A. Dielektriki i Ikh Tekhnicheskoye Primeneniye / P.A. Florenskiy. – M.: 1924.
17. Florenskiy P.A. Mnimosti v Geometrii / P.A. Florenskiy. – M.: Pomor'ye, 1922.
18. Tsvetayeva, A. Vospominaniya / Avtorskaya redaktsiya s vosstanovlennymi kupyurami. / izd. podgotovleno A. Aydynyanom: v 2 t. – M. : Boslen. 2008.
19. Tsvetayeva, M. Neizdannoye. Sem'ya : Istoriya v Pis'makh / M. Tsvetayeva. – M. : Ellis Lak, 2012. – 592 s.
20. M. Woloshin. Die grune Schlagge. Stuttgart, 1955.

УДК 929

СУДЬБА СОФЬИ ФЕДОРЧЕНКО, ДРУГА МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Ябуров Сергей Иванович,

*волошиновед-любитель
(РФ, г. Москва)*

***Аннотация.** Автор статьи анализирует судьбу и творчество писательницы Софьи Захаровны Федорченко, автора книги «Народ на войне», которая произвела большое впечатление на поэта Серебряного века М. Волошина. Имя С.З. Федорченко было незаслуженно забыто в годы Советской власти, исследователи вновь обратились к ее творчеству только в 60-е гг. XIX века.*

***Ключевые слова:** С. Федорченко, М. Волошин, К. Чуковский, советская литература.*

В сентябре 1922 года Волошин выступал в Евпатории со своими стихами о революции и гражданской войне. Здесь он встретился и подружился с автором книги «Народ на войне» Федорченко Софьей Захаровной [4]. Книга эта произвела на Волошина огромное впечатление.

Кто же такая Софья Федорченко?

Она родилась в Петербурге в 1880 году. По семейным обстоятельствам её раннее детство прошло в глухой деревне Владимирской губернии, в крестьянской семье в атмосфере русских сказок, преданий и старинных песен. С семи до двенадцати лет она жила с матерью-артисткой в Париже. По возвращении на родину с отчимом много путешествовала по России. Окончив гимназию и университет (не полностью), стала работать в области фольклора.

В 1914 году с начала войны, как многие, Софья Захаровна пошла на фронт сестрой милосердия и попала в самую гущу боевых дей-

ствий. Бедствия войны были ужасны и пережить их ей удавалось только в большой и тяжелой работе фронтовой медсестры. Впечатления от этой работы, беседы с ранеными и разговоры их между собой – всё это глубоко врезалось в её душу и память. Через год и восемь месяцев фронтовой жизни она заболела и была отправлена в тыл. Её поразили контраст тылового бытия одних с горем и тяжестью фронтовой жизни других. Ознакомившись в Москве с текущей литературой о войне, она так выразилась об этой литературе: «... почти всё было ложью и тяжким стыдом».

И Софья Федорченко решила сама написать правду о войне. Она нашла оригинальную форму для своей книги, которую назвала «Народ на войне». Книга была написана за шесть месяцев в виде фронтовых записей разговоров и рассказов солдат, их размышлений и дум о жизни, о войне и мире, о себе и других, о своих и врагах. Они дополнены песнями и частушками. Чтобы книге поверили она дала ей подзаголовок «Фронтовые записи», сделанные ею почти стенографически в свободные минуты.

Фрагменты книги были напечатаны в петроградском журнале «Северные записки» и в московском журнале «Народоправство». Полностью книга вышла в 1917 году в Киеве во фронтовом издательстве Всероссийского земского союза.

Это и последующие издания книги вызвали одобрительные отзывы о ней читателей, критиков и писателей.

Так, Александр Блок отметил в дневнике: «...записи Федорченко всего интереснее, хотя и не знаешь, кто он(а) и чем окрашивает, что слышит, что выбирает. Выходит серо, грязно, гадко, полно ненависти, темноты, но хорошо, правдиво и совестно» [2, с. 148].

Кроме прозы о войне она начинает писать стихи, сказки и пьесы, в том числе для детей и становится профессиональным писателем.

В годы революции и гражданской войны она работала по оказанию помощи населению на Украине, Северном Кавказе, в Крыму. Это расширило её жизненные впечатления и она трудится над продолжением своей книги, работая в Евпатории машинисткой в конторе Центросоюза. Здесь в 1919 г. она встречается с ученым-агрономом Николаем Петровичем Ракицким и становится его женой [6]. В 1922 г. Софья Федорченко с мужем решают переехать в Москву.

Волошин, прощаясь с Софьей Федорченко, отъезжавшей из Евпатории в Москву, передает с ней письмо Вересаеву, представляя её «как редко талантливого человека, действительного знатока народной речи» и просит помочь ей ориентироваться в Москве [1, с. 513–515].

Вересаев, получив такое письмо Волошина, направляет её к главному редактору журнала «Красная новь» Александру Воронскому, харак-

теризуя как человека очень литературно-ценного, автора лучшего, что написано о войне и автора чудесных сказок. Воронский на страницах «Правды» в статье о книге «Народ на войне», оценивает её как «разительный художественный документ эпохи», показывающий рост в русской армии протеста против войны, зарождение и созревание в ней стихийного большевизма и заключает: «хорошая, любопытная книга». Тогда же Волошин в письме А. В. Луначарскому, рекомендует ему Софью Федорченко как автора лучшей книги о Европейской войне [1, с. 513].

В Москве Софья Федорченко с мужем поселяются на Пречистенке в подвальном этаже музея Льва Толстого. Здесь они прожили 15 лет до переезда в писательский дом в Лаврушинском переулке. С 1922 по 1927 год С. З. Федорченко активно участвует в литературной жизни, работает над продолжением книги «Народ на войне», пишет много сказок для детей, становится организатором и первым председателем сектора детской литературы Союза писателей, часто выступает на литературных собраниях. Издаются переводы ее книги во Франции и Германии.

В 1923 году выходит второе, дополненное издание книги первой «Народ на войне», которую она сразу же высылает в дар Волошину. Волошин пишет Вересаеву, что перечитывал второе издание книги Федорченко с упоением. Книга эта «...имеет не только исторически-документальное значение, но это художественный этап русской прозы, которая ... вступила на путь сжатости... у Федорченко есть сжатость сюжета и психологии. Эти записи я не могу рассматривать как сырой документ: в них есть вся полнота творчества (выбора и отбора формулировки). Каждая из них может быть развернута в рассказ или повесть. Перед такой сжатостью, не выходящей из традиций русской литературной ясности, сам Чехов может показаться растянутым. Фантазии читателя приобщаются к акту творчества. Любая страница дает материалу не меньше, чем целый том беллетристики» [1, с. 641–645]. Такая оценка книги Волошиным дорогого стоит.

В, 1924 году Волошин вместе с Марией Степановной впервые после революции посещает Москву и Ленинград, где встречается со старыми друзьями и знакомыми, заводит новые знакомства. Он принят наркомом просвещения Луначарским и председателем Моссовета Каменевым, пытается пристроить в печать свои новые стихи, выступает с их чтением. В Доме ученых он слушает чтение сказок Софьи Федорченко в её исполнении, и сам читает свои стихи. Волошин навещает Софью Захаровну с её мужем в их квартире и сам принимает их; дарит им свой крымский пейзаж с надписью «Пусть эта акварель // приведет Вас в Коктебель», а она взаимно – его супруге свою книжку «При-

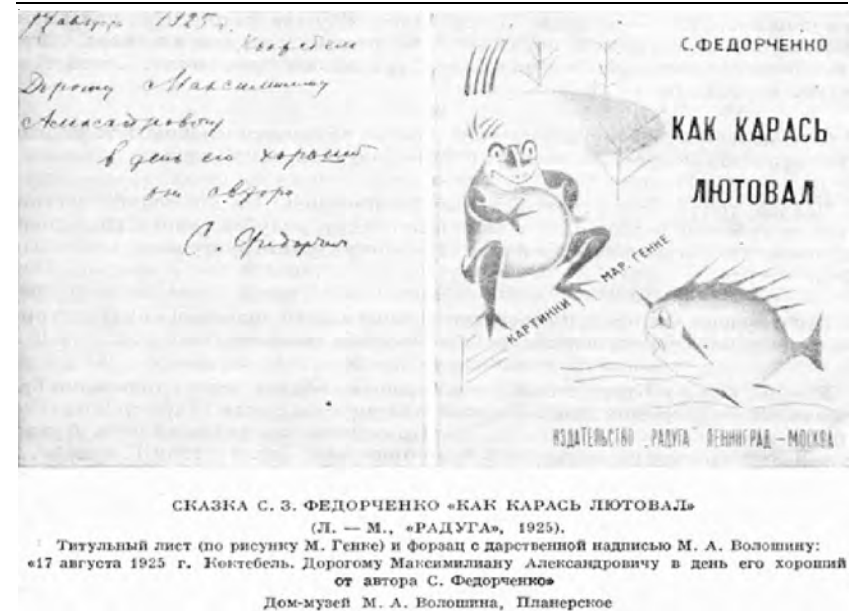

Рис. 1. «Сказки».

сказки» с надписью: «Дорогой Марье Степановне от сердечно её любившего автора» [4, с. 165].

Вернувшись в Коктебель, Волошин шлет ей с новой акварелью и письмом благодарность за второе издание книги «Народ на войне», отмечая, что в книге «...сквозь тему войны сквозит всё время самая глубинная, утаённая сущность народа». Сравнивая это издание с книгой французского писателя Ж. Дюамеля «Жизнь Мучеников», книгой для французской литературы значительной, Волошин пишет: «Не знаю я «Народа на войне» – я был бы пленён этой книгой. А теперь мне она кажется слабой и, главное, несовершенной по форме» [1, с. 890–892].

В начале 1925 года Федорченко дарит Марье Степановне и Максимилиану Александровичу свои только что изданные «Сказки» (рис. 1), а в июне он получает второй том книги «Народ на войне» о революции, также заслуживший высокую оценку печати: «Правда» назвала её «исторически ценной, нужной нам книгой». С 21 июня по 27 августа 1925 г. Софья Федорченко с мужем гостят у Волошина в Коктебеле, где окунаются в бурную творческую и развлекательную жизнь гостей Дома поэта. Они участвуют в праздновании 30-летнего юбилея литературной деятельности Максимилиана Александровича в день его именин. Дру-

зья и почитатели его со всей страны и из-за рубежа поздравляют и чествуют как выдающегося поэта и прекрасного художника.

Софья Захаровна поздравляет Волошина и преподносит ему свои книжки «Про диких зверей», «Как карась лютовал», а также шуточные стихи о хозяевах и гостях Дома поэта «Спою я Вам куплеты...». Отрывок из них:

*А вот вам и Волошин,
Амфитрион поэт.
Всю Русь переполошил
И даже целый свет.
Был слух, что он грабитель,
Был слух, что он скопец,
А также погубитель
Невиннейших сердец!
Чудесен нрав,
Ест, как удав,
Лишен Марусей нрав!»*

В ответ Волошин надписывает и дарит Федорченко и её мужу акварели с надписями:

– «Мирный день прилег на дно долины // А в лазури облако цветет»;

– «Милой Софье Захаровне в час горестного отъезда – знак неизменной дружбы»;

– «Милому Николаю Петровичу для постоянного напоминания о Коктебеле» [4, с. 165].

В конце 1925 года Федорченко завершает третью книгу «Народ на войне» о Гражданской войне – и читает отрывки из неё своим друзьям.

В 1926 году она активно участвует в организации литературно-музыкального вечера писателей в пользу Волошина, состоявшегося с участием П. Антокольского, В. Вересаева, Б. Пастернака и других. В благодарность за это Волошин высылает участникам вечера свои акварели с приглашением в Коктебель. В мае Федорченко дарит Волошину свою только что вышедшую книжку «Пять ветров. Сказка-поэма» и сожалеет, что в этом году с ним не увидится [4, с. 162]. Они с мужем покупают в Тарусе земельный участок, строят там дом и закладывают сад-дендрарий, ставший местом их летнего труда и отдыха, и достопримечательностью города [3, с. 159–160].

В 1933 году при посещении в Тарусе своей подруги Софьи Герье, жившей там на правах ссыльной, Е. К. Герцык описывает дом Федорченко, так как именно в нем живет С. В. и ухаживает за садом хозяев.

В феврале 1927 года состоялась, по-видимому, последняя встреча Федорченко с Волошиным и Марией Степановной во время их поездки в Москву [4, с. 164], после которой отсутствуют какие-либо сведения об их встречах и переписке.

В этом году известный фотограф М. С. Наппельбаум фотографирует Софью Захаровну с К. И. Чуковским и С. Я. Маршаком а также с любимой собакой.

О дальнейшей судьбе Софьи Федорченко

В 1927 году в журналах Новый мир», «Октябрь», «Огонек» были напечатаны отрывки из её третьей книги «Народ на войне». В статье П. Хорошева в «Огоньке» и в статье И. Полтавского в газете «Вечерняя Москва» на основе неопубликованного очерка-письма Софьи Захаровны в редакцию журнала «Огонёк» о том, как создавалась эта книга, отмечалось, что она не записывала ни одной строчки из солдатских бесед, как она писала в предисловии к первому изданию 1917 года, и что текст книги «Народ на войне» не фольклор, а литературное произведение, написанное ею самой по памяти и личным впечатлениям в годы работы сестрой милосердия. Это признание имело для Федорченко неожиданные и неприятнейшие последствия.

На нее обрушился Демьян Бедный, прежде ценивший ее книгу и намеревавшийся использовать выдержки из неё для своих стихов. В своей статье «Мистификаторы и фальсификаторы – не литераторы» в газете «Известия» от 19 февраля 1928 года он писал: «Народ на войне как сырой материал, как немудрые записи, подслушанные у народа, как неопороченное свидетельство имел кое-какую цену. Но как обнаруженная мистификация он ломаного гроша не стоит». Хотя у Демьяна Бедного и нашлись единомышленники, утверждавшие, что Федорченко совершила якобы «двойное надругательство» и над массой, от имени которой говорила, и над читателем», но большинство видных писателей не разделяли это утверждение. Так, Горький, в журнале «Литературная учеба» писал, что «зря опороченная Демьяном Бедным весьма ценная книга Софьи Федорченко» характеризуется «образностью, точностью, меткостью», с которой она воспроизводит речь солдат и может быть крайне полезна молодым литераторам, а позже подчеркивал, что эта книга и политически и художественно заслуживает большого «народного тиража». Но, несмотря на авторитетный голос Горького в её защиту, с выхода жестокой и несправедливой статьи Демьяна Бедного к этой книге Федорченко установилось предвзятое отношение. Переиздания книги и упоминания о ней прекратились, а третья книга полностью при её жизни так и не вышла [6, с. 15].

От этих незаслуженных нападков Софья Федорченко тяжело заболела. Она писала Корнею Чуковскому: «...отнялись ноги и появилась

какая-то боязнь. Паломничество к моему одру «попутчиков» не в состоянии поднять моё тело, не только дух! В общем, беспомощность общая...». Корней Чуковский близко к сердцу принял несчастье Софьи Захаровны и попытался ободрить её своими письмами.

В одном из них он пишет: «...Если Ваши книги умрут как документы, они останутся жить как мастерское произведение искусства».

Она благодарит Чуковского за его теплое участие и пишет ему: «Я начинаю приходить в себя, но непоправимо сама себя убила, сторяча, в первую минуту, сжегши 6 листов новой книги своей! Это ужасно даже вспомнить. Все выражают сочувствие, и все молчат, и понятно. Я тоже молчу...». По словам её мужа приходили, кажется, из «Комсомольской правды». Они предлагали Софье Захаровне выступить. Она отказалась» [2, с. 150].

В 1939 г. «Литературная энциклопедия» в противоположность тому, что ранее писалось в «Правде», публикует такую оценку труда Федорченко «Народ на войне»: «Книга поверхностна: в ней не получили отражения глубокие идейные сдвиги, которые происходили в солдатской массе, переходящей на путь большевизма», а её автор с 1931 г. «почти совсем прекратила свою писательскую деятельность» [6, с. 20]. Но всё это было неверно. Так, Паустовский писал, что «Книга эта прогремела по России.

Она была сильна как своей правдивостью, так и тем, что в ней уже слышался (в словах солдат) ещё отдаленный, но явственный гром приближающейся революции» [5]. Истинные друзья Софьи Захаровны (П. Антокольский, В. Вересаев, В. Катаев, Л. Леонов, Б. Пастернак и др.) в «Литературной газете» 1 мая 1939 г. приветствовали её и называли эту книгу «яркой и волнующей». Она же несмотря на длительную тяжелую болезнь продолжала работать [6, с. 23].

В тридцатые-сороковые годы Федорченко трудится над большим историческим романом-трилогией «Павел Семигоров» из времён пугачевщины. Первый том трилогии «Детство Семигорова» вышел в журнале «Красная новь» в 1942 г.

Во время Отечественной войны Софья Федорченко из Москвы не уезжала. Её квартиру разбило и она 3,5 месяца

Рис. 2. Полное издание книги «Народ на войне».

жила и работала в бомбоубежище. Она написала поэму-сказку «Илья Муромец и миллион богатырей», отрывки из которой печатались в эти суровые дни в журнале «Знамя» и в «Блокноте агитатора Красной Армии. Были написаны две пьесы для бойцов, сценарий из жизни партизан, 22 сказки, много присказок, загадок, частушек, прибауток для солдат и много сказок для детей.

После войны она закончила роман-трилогию «Павел Семигоров». Несмотря на положительные рецензии издание романа шло с большими трудностями, создаваемыми руководством Союза писателей и чиновниками от издательств. Лишь в 1956 г. вышел отдельным изданием первый том трилогии «Павел Семигоров», второй том – в 1957 г., а третий – уже посмертно – в 1960 г. [2, с. 148].

Её хлопоты об издании третьей книги «Народ на войне» так и не увенчались успехом, несмотря на обращения в Правление Союза писателей, в ЦК ВКП(б) к Александрову и Маленкову, а также к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Ворошилову [6, с. 18]. Книга так и оставалась незаслуженно забытой, а её автор ушла из жизни в 1959 году.

Наступившее время восстановления исторической справедливости вернуло нам имя этой незаслуженно забытой писательницы. Появились публикации о её жизни и творчестве. На основе этих публикаций мною и подготовлено настоящее выступление. Урна с прахом Софьи Захаровны Федорченко и мраморной доской с её портретом в 1960 году была перенесена на Новодевичье кладбище. В 1963 году было выпущено второе издание её добротной трилогии «Павел Семигоров».

Наконец, в 1983 году, через 24 года после её кончины в 93-ем томе «Литературного наследства» был опубликован полный текст третьей книги «Народ на войне» – Гражданская война. А в 1990 году тиражом 100 тыс. экземпляров в одном томе (рис. 2) вышли все три книги этой народной военной эпопеи, настоящей художественной вершины творчества Софьи Федорченко.

Список литературы

1. Волошин, М. А. Собрание сочинений. Т. 12. М. : Эллис Лак, 2013. – С. 513–515, 641–645, 890–892.
2. Глоцер, В. И. К истории книги С. Федорченко «Народ на войне» / В. И. Глоцер // Русская литература. – 1973. – № 1. – С. 148–155.
3. Из автобиографии Софьи Захаровны Федорченко. Воспоминания Н. П. Ракицкого о С. З. Федорченко. «Литературное наследство». Том 93. – М.: Наука. – С. 159–160.
4. Купченко, В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества / В. П. Купченко. – СПб. : Алтейя; Симферополь: Сонат. 2007. – С. 162–165.

5. Паустовский, К. Г. «Коротко о себе» – автобиографический очерк в книге «Ильинский омут» / К. Г. Паустовский. – М. : Советская Россия.

6. Трифонов, И. А. Несправедливо забытая книга – вступительная статья к книге Федорченко С. «Народ на войне» / И. А. Трифонов. – М. : Сов. Писатель, 1990. – С. 5–23.

THE FATE OF SOFYA FEDORCHENKO, MAXIMILIAN
VOLOSHIN'S FRIEND

Yaburov Sergey Ivanovich,

*researcher of M. Voloshin's creativity
(Russian Federation, Moscow)*

Abstract. *The author of the article analyzes the fate and work of the writer Sofya Zakharovna Fedorchenko, the author of the book "The People in War," who made a great impression on the poet of the Silver Age, M. Voloshin. Name Fedorchenko was undeservedly forgotten during the Soviet era, the researchers once again turned to her work only in the 60s. XIX century..*

Keywords: *S. Fedorchenko, M. Voloshin, K. Chukovsky, Soviet literature.*

References

1. Voloshin, M. A. Sobraniye Sochineniy. T. 12. M. : Ellis Lak, 2013. – S. 513–515, 641–645, 890–892.

2. Glotser, V. I. K Istorii Knigi S. Fedorchenko «Narod na Voynе» / V. I. Glotser // Russkaya literatura. – 1973. – № 1. – S. 148–155.

3. Iz Avtobiografii Sof'i Zakharovny Fedorchenko. Vospominaniya N. P. Rakitskogo o S. Z. Fedrochenko. «Literaturnoye Nasledstvo». Tom 93. – M.: Nauka. – S. 159–160.

4. Kupchenko, V. P. Trudy i Dni Maksimiliana Voloshina. Letopis' Zhizni i Tvorchestva / V. P. Kupchenko. – SPb. : Alteyya; Simferopol': Sonat. 2007. – S. 162–165.

5. Paustovskiy, K. G. «Korotko o Sebe» – Avtobiograficheskiy Oчерk v Knige «I'inskiy Omut» / K. G. Paustovskiy. – M. : Sovetskaya Rossiya.

6. Trifonov, I. A. Nespravedlivo Zabytaya Kniga – Vstupitel'naya Stat'ya k Knige Fedorchenko S. «Narod na voynе» / I. A. Trifonov. – M. : Sov. Pisatel', 1990. – S. 5–23.

КРЫМ В МИРЕ КНИГ

УДК 025.171:027.54(477.75)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА С ИЗДАНИЯМИ,
ОБЛАДАЮЩИМИ ПРИЗНАКАМИ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ,
КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ НАУЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БИБЛИОТЕКЕ

Ровенская Инна Викторовна

*главный библиотекарь отдела редкой книги
ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная
научная библиотека им. И. Я. Франко»
(г. Симферополь, Республика Крым, Россия)
Тел.: +7 978 8700247, e-mail: inna.rov@yandex.ru*

Аннотация: *В статье рассматривается исследовательская деятельность отдела редкой книги Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко по работе с книжными памятниками. Особое внимание уделяется Региональному своду книжных памятников Республики Крым, а также выпуску каталога о книгах русской гражданской печати XVIII – первой четверти XIX вв.*

Ключевые слова: *Региональный центр по работе с книжными памятниками Республики Крым, отдел редкой книги, Региональный свод книжных памятников Республики Крым, каталог старопечатных изданий, исследовательская деятельность, книжный памятник.*

Из всех проявлений человеческого творчества самое удивительное и достойное внимания – это книги.
Т. Карлейль

Введение. В Республике Крым после присоединения к Российской Федерации, как и во всех регионах России, началась активная исследовательская работа с изданиями, обладающими признаками книжных памятников, а также с редкими и ценными изданиями. Национальная программа сохранения библиотечных фондов Российской Федерации была принята в 2000 году. Федеральный закон №119 «О внесении изменений в Федеральный закон “О библиотечном деле”», принятый в июне 2009 г. ввел термин «книжный памятник» в официальный оборот. Реестр книжных памятников приобрел официальный статус учетно-регистрационной системы, и регистрация книжных памятников стала обязательным требованием. На законодательном уровне вводится обязанность для всех библиотек своевременно предоставлять сведения для регистрации в реестре книжных памятников. С 2005 г. в Российской Федерации начался процесс создания сети региональных центров по работе с книжными памятниками.

Исследовательская деятельность отдела редкой книги

Созданный в 2015 г. на базе отдела редкой книги Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко» Региональный центр по работе с книжными памятниками Республики Крым (РЦКП) подключился к реализации Национальной программы сохранения библиотечных фондов Российской Федерации (РФ), Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы). Работа по выявлению, изучению и описанию книжных памятников Российской Федерации ведется в соответствии с «Основными направлениями развития деятельности по сохранению библиотечных фондов в Российской Федерации на 2011–2020 годы». Создание электронного Общероссийского свода книжных памятников (ОСКП) – централизованного государственного учета книжных памятников, унифицировано описанных в соответствии с общей методикой, – важнейшая задача подпрограммы «Книжные памятники РФ» Национальной программы сохранения библиотечных фондов Российской Федерации (2000 г.). Специалисты РЦКП РК участвуют в формировании ОСКП – банка данных библиографического и книговедческого характера о книжных памятниках Российской Федерации. За период деятельности РЦКП РК в

ОСКП внесено около 50 описаний изданий, обладающих признаками книжных памятников.

В Российской государственной библиотеке был разработан шаблон для создания региональных сайтов книжных памятников.

С 2015 г. работает сайт «Книжные памятники Республики Крым», в структуре которого размещены информация о РЦКП РК, сведения о держателях книжных памятников республики, нормативная и регламентирующая документация, Региональный свод книжных памятников (Свод), включающий реестры: «Книжные памятники-коллекции» и «Единичные книжные памятники» и направления работы Центра (выставочная деятельность, участие в конференциях, семинарах).

Результатом работы РЦКП РК стало создание Регионального свода книжных памятников Республики Крым, который сегодня объединяет 9 учреждений-фондодержателей республики. Он содержит информацию об учреждении; количественную, хронологическую, языковую и видовую характеристику фонда, коллекций и единичных книжных памятников. Данные, включенные в Свод, сформировали и продолжают формировать основу для организации государственного учета и обеспечения государственной охраны книжных памятников республики.

Сегодня в реестре «Книжные памятники-коллекции» отражены сведения о 3 коллекциях коллективных владельцев, 7 личных (владельческих) коллекциях, 2 тематических коллекциях.

В разделе коллекции коллективных владельцев федерального уровня: «Коллекция книг Императорской семьи Дома Романовых (из собрания имени в Ливадии)» (Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник»); регионального уровня: коллекция крымскотатарских изданий (Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Крым «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского»); Библиотека императорского имени «Ливадия» (Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник»).

В разделе личные (владельческие) книжные коллекции представлены коллекции федерального уровня: коллекция рода Демидовых и коллекция В. М. Жемчужникова (Муниципальное казенное учреждение культуры «Ялтинская централизованная библиотечная система» Центральная городская библиотека им. А. П. Чехова); коллекция М. С. Воронцова и коллекция Н. С. Мальцова (Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник»); библиотека М. А. Волошина (Государственное бюджет-

ное учреждение Республики Крым «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М. А. Волошина»); коллекция книг императора Николая II (Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Центральный музей Тавриды» (научная библиотека «Таврика» им. А.Х. Стевена); библиотека А. П. Чехова (Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Дом-музей А.П. Чехова в Ялте»).

В разделе тематические коллекции на региональном уровне представлены: коллекция книг издательства «Герджиман», коллекция подшивок газеты «Ленин Байрагы» (Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Крым «Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского»).

Для полной наполняемости Свода книжных памятников Республики Крым библиотеки, музеи, библиотеки вузов должны объединиться для сотрудничества. Только тесное взаимодействие даст возможность быстрее и более качественно составить Свод книжных памятников Республики Крым. РЦКП РК отведена роль объединяющей и движущей силы в развитии интеграции всех партнеров по культурной деятельности.

Книжные памятники, хранящиеся в библиотеках и музеях республики, безусловно, имеют историческую, культурную и научную ценность. Главными задачами фондодержателей являются изучение и описание, прежде всего, собственных экземпляров изданий. Научно-исследовательская деятельность РЦКП направлена в т. ч. и на составление и издание каталогов книжных памятников. Книжные памятники – достаточно широкое понятие, которое включает в себя старопечатные издания. Старопечатными принято считать книги, изданные в России от начала книгопечатания до 1830 года, и иностранные издания, выпущенные до 1700 года. Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко обладает не слишком большой, но очень ценной коллекцией старопечатных изданий, соответствующих статусу книжных памятников. Благодаря созданию отдела редкой книги (в 2008 г.) была начата работа по описанию и учету особо ценных документов, одним из результатов которой явилось издание первого выпуска каталога «Старопечатные издания в фонде отдела редкой книги КРУ «УНБ им. И. Я. Франко». Данный каталог дает возможность учета русскоязычных книг гражданской печати XVIII в. – первой четверти XIX века, хранящихся в фонде отдела. Было составлено надлежащее библиографическое описание изданий. Каталог предоставляет читателю более удобный, по сравнению с карточной формой, перечень редких изданий. Данная работа, помимо ознакомления читателей с ис-

точниками, дает возможность осуществлять более эффективный поиск информации и приближает читателя к самой книге, к ее художественному убранству.

В первый выпуск каталога вошли описания 94 старопечатных изданий.

Хотелось бы рассказать о каталоге на примере книги К. И. Габлица «Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы», так как краеведческие издания, относящиеся к книжным памятникам, особенно интересны для исследования.

Книга относится к книжным памятникам Российской Федерации и по хронологии, и по социальной значимости. В ГБУК РК «КРУНБ им. И. Я. Франко» хранится 2 экз. данной книги. Рассматриваемое издание К. Габлица является первым геологическим, ботаническим и биологическим описанием полуострова. Многие термины, названия и характеристики географических объектов Крыма введены в научный оборот именно им. Исследователь представил первое схематическое природное районирование Крыма, разделяя его на части: «плоскую или ровную», «горную» и «полуостров Керченский», и на «остров Тамань». Впервые назвал в качестве самостоятельной географической единицы «Полуденный» (Южный) берег Крыма. К. Габлиц рассказал о минеральных богатствах Тавриды, флоре, о животных края.

В каталоге «Старопечатные издания...» записи расположены в алфавите. В заголовке даны фамилия, имя, отчество автора, приведены даты жизни. В случае, когда автор не указан и не установлен по другим

источникам, приводится описание по заглавию. При библиографическом описании орфография и пунктуация титульного листа сохранена. Твердый знак в конце слов не воспроизводится, буквы, отсутствующие в современном алфавите, заменены на соответствующие.

Далее приводятся такие характеристики издания, как формат книжного блока, количество строк в листе, данные о нумерации и сигнатуре. Чтобы читатель получил наиболее полное представление об издании, приводится информация о художественном убранстве книги: подробно описывается переплет (материалы и способы оформления), форзац и нахзац, обрез книжного блока и др.

К. И. Габлиц Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы

Интересным объектом исследования в данных изданиях является бумага ручного производства благодаря водяным знакам. Видимые на просвет филигранные описаны и, возможно, требуют отдельного изучения. За время работы над каталогом в книгах встречались очень интересные водяные знаки: лилия под короной, гербовый щит под короной, а также цифры, позволяющие точно определить год изготовления бумаги. В рассматриваемом издании К. Габлица водяные знаки присутствуют только на одном экземпляре на пустых листах в начале и в конце книги – это буквы «КФПХ».

В каталоге перечислены иллюстрации, составляющие внутреннее оформление книги, а также орнаменты, гравюры, заставки и концовки глав.

На каждый описанный экземпляр приведены идентифицирующие признаки, приобретенные книгой в процессе существования. Это описание штампов, печатей частных и государственных библиотек, автографов, ярлыков каждой книги, а также указаны экслибрисы и суперэклибрисы.

Для более полного раскрытия наполнения книги приводится содержание изданий.

Указаны особенности сохранности изданий: изменение цвета бумаги, повреждения переплета, целостность и отсутствие страниц и пр.

В общих примечаниях дана краткая справка об авторе, сведения об истории создания книги, ее сюжете, а также интересные факты истории создания издания. Один из экземпляров рассматриваемой книги К. Габлица имеет перед титульным листом несколько вкладных листов: письмо конца XVIII в. (от 6 августа 1785 г.), перевод письма на современную орфографию; данные о К. Габлице; перевод на современную орфографию записи на нижнем форзаце.

Каталог включает фотографии титульных листов представленных изданий, а также некоторые иллюстрации. В книге Карла Ивановича на титульном листе напечатан герб Таврической области: двуглавый орел в золотом поле, в щите на груди которого – золотой восьмиконечный крест в голубом поле.

В конце каждого описания приводятся основные библиографические источники, в которых описано данное издание.

Вспомогательный аппарат каталога включает алфавитный указатель имен авторов, переводчиков и издателей, список условных сокращений, список сокращенных обозначений справочно-библиографических пособий, словарь терминов.

В планах библиотеки – второй выпуск каталога «Старопечатные издания в фонде ГБУК РК «КРУНБ им. И.Я. Франко» в 2016 г.

Полученные в результате научно-исследовательской деятельности библиотеки знания, в том числе краеведческие, имеют безусловную ценность и направлены на продвижение информации, содержащейся в фондах библиотеки.

На сайте Российской государственной библиотеки в подразделе «Свод книжных памятников Республики Крым» раздела «Книжные памятники в регионах России» размещена информация о ресурсе «Книжные памятники Республики Крым» с переходом на сайт ГБУК РК «КРУНБ им. И. Я. Франко».

На сайте библиотеки создан электронный реестр «Едиличные книжные памятники», в котором ежемесячно обновляются записи о единичных книжных памятниках, имеющихся в фонде отдела редкой книги.

Первыми объектами оцифровывания в отделе редкой книги стали редкие и ценные краеведческие издания. В настоящее время на сайте библиотеки открыт доступ к полнотекстовой базе данных редких и ценных изданий по краеведению, изданных до 1917 года.

Приоритетными направлениями исследовательской деятельности отдела являются:

- выявление и изучение первых и прижизненных изданий классиков мировой и отечественной литературы;

- выявление и изучение книжной продукции крупнейших российских книгоиздателей XIX – начала XX столетия, внесших весомый вклад в историю русской культуры;

- выявление экземпляров, которые обладают специфическими характеристиками, приобретенными в процессе бытования в обществе. К таким группам изданий относятся документы с автографами и дарственными надписями видных деятелей науки и культуры.

Сегодня выявленная информация фиксируется в электронной форме в базе данных «Раритет» в программном обеспечении «ИРБИС64».

В ближайшей перспективе – привлечение к работе по формированию Свода книжных памятников Республики Крым библиотек высших учебных заведений, Государственного архива Республики Крым.

Заключение

Включение в реализацию национальных и региональных программ, приобретение опыта исследовательской, библиографической и организационной работы, развитие взаимодействия с учреждениями-фондодержателями обеспечивает возрастание организующей роли Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко, выполнение ею на практике функций Регионального центра по работе с книжными памятниками.

Исследование изданий, обладающих признаками книжных памятников, требует комплексного подхода: проведение совместных исследований с учреждениями-фондодержателями, формирование сводных просветительских ресурсов, организация конференций с целью обмена опытом и т.п.

Список литературы

1. Битовт Ю. Редкая русская книги и летучия издания XVIII века : с библиографическими примечаниями, указанием степени редкости и ценами антикваров на них, с приложением списка календарям XVIII века и списка книгам XVIII века, слывающим за редкия у некоторых антикваров, но имеющимся до сих пор в продаже / сост. Юрий Битовт. – Москва, 1905. – С. 27-28;
2. Габлиц Карл Иванович // Русские ботаники : биографо-библиографический словарь / сост. С. Липшиц. – Т. 2. – Москва, 1947. – С. 211-212.
3. Габлиц Карл-Людвиг Иванович // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 7а (полутом 14). – С.-Петербург, 1892. – С. 753.
4. Габлиц К.И. Физическое описание Таврической области, по ея местоположению, и по всем трем царствам природы. – В Санктпетербурге, 1785. – [2], 198, [2] с. : ил.
5. Карл Габлиц (1752–1821) // Крым. изв. – 2002. – 31 янв. – С. 6.
6. Книги гражданской печати XVIII века : каталог книг, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке Украинской ССР / сост. С. О. Петров ; АН УССР ; Гос. публич. б-ка УССР. – Киев, 1956. – С. 51;
7. Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко. Региональный свод книжных памятников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://franco.crimealib.ru/knizhnye-pamyatniki/regionalnyu-svod-knizhnykh-pamyatniko> – 27.09.2016 г. – Загл. с экрана.
8. Российская государственная библиотека. Книжные памятники Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kr.rsl.ru/> – 27.09.2016 г. – Загл. с экрана.
9. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. Т. 1: А-И. – Москва, 1962. – С. 194;
10. Старопечатные издания в фонде отдела редкой книги КРУ «УНБ им. И. Я. Франко». Каталог. Вып. 1 / КРУ «УНБ им. И. Я. Франко» ; сост. М. И. Мельник, Е. В. Евлаш ; ред. О. В. Колоколова [и др.] – Симферополь, 2014. – 169 с.

PUBLICATIONS WITH THE FEATURES OF BOOK MEMORIALS IN THE SCIENTIFIC ACTIVITIES IN LIBRARY

Rovenskaya Inna Viktorovna

chief librarian, Department of Rare Books

State Budget Institution of Culture Republic of Crimea «Crimean Republican Universal Scientific Library of I.Y. Franko»

(Simferopol, Republic of Crimea, Russia)

Annotation: Article reviews research activity of Rare Book Division of Crimean Republican Universal Scientific Library of I.Y. Franko regarding the work with book memorials. Special attention is given to Regional Book Memorial Vault of Republic of Crimea and publishing of catalogue of Russian civil print books of XVII century to first quarter of XIX century.

Keywords: Regional Book Memorial Center of Republic of Crimea, Rare Book Division, Regional Book Memorial Vault of Republic of Crimea, old print publications catalogue, research activity, book memorial.

References

1. Bitovt Ju. Redkija Russkija Knigi I Letuchija Izdaniya XVIII Veka : s Bibliograficheskimi Primechanijami, Ukazaniem Stepeni Redkosti I Cenami Antikvarov na Nih, s Prilozheniem Spiska Kalendarjam XVIII Veka I Spiska Knigam XVIII Veka, Slyvushhim za Redkija u Nekotoryh Antikvarov, no Imejushhimsja Do Sih Por v Prodazhe [Rare Russian books and fly publication of the XVIII century: with bibliographic notes, indicating the degree of rarity and antique dealers prices for them, with a list of the application of the XVIII century, and the list of books of the XVIII century are considered rare in some antique dealers, but have still for sale] / Ed. Jurij Bitovt. – M., 1905. – P. 27-28.
2. Gabclic Karl Ivanovich // Russkie Botaniki : Bibliografo-biograficheskij Slovar' [Russian botanists: biography-bibliographical dictionary] / Ed. S. Lipshic. – T. 2. – M., 1947. – P. 211-212.
3. Gabclic Karl-Ljudovik Ivanovich // Jenciklopedicheskij Slovar' [Encyclopedic dictionary] / izd. F. A. Brockhaus, I. A. Efron. T. 7a (book 14). – SPb., 1892. – P. 753.
4. Gabclic K. I. Fizichechoe Opisanie Tavricheskoj Oblasti, po Eja Mestopolozheniju, I po Vsem Trjem Carstvam Prirody [Physical Description of Taurian area down her location, and in all three kingdoms of nature]. – SPb., 1785. – [2], 198, [2] p.
5. Karl Gabclic (1752–1821) // Krymskiye izvestija [Crimean news]. – 2002. – 31 January. – P. 6.

6. Knigi Grazhdanskoj Pechati XVIII Veka : Catalog Knig, Hranjashhihsja v Gosudarstvennoj Publichnoj biblioteke Ukrainskoj SSR [Books Civil print XVIII century: catalog of books stored in the State Public Library of Ukrainian SSR] / ed. S. O. Petrov ; AN USSR ; Gos. publisk. b-ka USSR. – Kiev, 1956. – P. 51.

7. Krymskaja Respublikanskaja Universal'naja Nauchnaja Biblioteka im. I. Ja. Franko. Regional'nyj Svod Knizhnyh Pamjatnikov [Crimean Republican Universal

Scientific Library of I. Ya. Franko. – *Access mode* : <http://franco.crimealib.ru/knizhnye-pamyatniki/regionalnyy-svod-knizhnykh-pamyatniko> – 27.09.2016.

8. Rossijskaja Gosudarstvennaja Biblioteka. Knizhnye Pamjatniki Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] [*The Russian State Library. The book memorials of the Russian Federation.* – *Access mode*: <http://kp.rsl.ru>. – 27.09.2016.

9. Svodnyj Catalog Russkoj Knigi Grazhdanskoj Pechati XVIII v. [The union catalog Russian books of civil press XVIII century] T. 1: A – I. – M., 1962. – P. 194.

10. Staropechatnye Izdanija v Fonde Otdela Redkoj Knigi KRU «UNB im. I. Ja. Franko». Katalog [Old printed editions in the fund of the Department of Rare Books Crimean Republican Institution «Universal Scientific Library of I.Y. Franko». Catalog / CRI «USL of I. Ya. Franko» ; comp. M. I. Mel'nik, E. V. Evlash ; O. V. Kolokolova [and oth.] – Simferopol, 2014. – 169 p.

097:37(091)

ЭКСЛИБРИСЫ КАК ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИИ. (Из фондов Научной библиотеки КФУ)

Санкина Раиса Николаевна

*Ведущий библиотекарь отдела редких книг и рукописей,
Научная библиотека ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского»*

*(г. Симферополь, Республика Крым, Россия).
Тел.: +7 978 864-10-53, e-mail: sankinar@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются экслибрисы некоторых учебных заведений Санкт-Петербурга, по которым можно проследить их историю от создания до 20-х гг. 20 века.

Ключевые слова: история формирования фонда Научной библиотеки Крымского федерального университета, экслибрисы, гимназическое образование в России в 19 веке, Анненишле, гимназия М. Н. Стоюниной.

При подготовке указателя экслибрисов организаций, выявленных на книгах хранящихся в фонде НБ КФУ, мы обнаружили экслибрисы многих учебных заведений Санкт Петербурга, по которым можно проследить историю развития начального, среднего и высшего образования Российской империи в 19-ом – начале 20-ого вв., а также в первые годы Советской власти.

Ввиду большого объема материала, остановимся на среднем образовании. Сначала краткая историческая справка.

В 1802 году при Александре I (1801–1825 гг.) было учреждено министерство народного просвещения. В 1803 г. было издано новое положение об устройстве учебных заведений. Все учебные заведения

были разделены на 4 разряда: 1) одноклассные приходские училища, 2) 3-классные уездные училища, 3) 7-летние губернские училища, или гимназии и 4) университеты.

Всей системой образования ведало Главное управление училищ, созданное в 1803 г. Появились первые привилегированные средние университетские заведения – лицеи: в 1811 г. – Царскосельский (с 1843 – Александровский), в 1817 г. – Ришельевский в Одессе.

Выросло число учреждений женского образования. По инициативе вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны были учреждены учебные заведения: для дворянок – 1-го разряда (Смольный, Екатерининский, Патриотический и большинство губернских институтов) и 2-го разряда (Павловский институт, Александровские училища в Санкт-Петербурге и Москве), для девочек мещанского происхождения – 3-го разряда (школы Патриотического и Человеколюбивого обществ), для детей-сирот – 4-го разряда (сиротские дома и повивальные институты). После смерти Марии Фёдоровны (1828) было создано специальное 4-е отделение Собственной канцелярии Е.и.в. – Ведомство учреждений императрицы Марии (ВуиМ).

При Николае I (1825-1855) образование приняло замкнутый сословный характер: приходские школы для крестьян; уездные училища для детей купцов, ремесленников и других городских обывателей; гимназии для детей дворян и чиновников.

Отмена крепостного права Александром II (1855–1881), успехи промышленного производства и утверждение капитализма в России во второй половине 19-го века повлекли за собой глубокие сдвиги во всех областях культуры. В 1864 г. издается «Устав гимназий» и «Положение о народных училищах», регламентировавшие начальное и среднее образование. Вводилось доступное всесословное образование. Возникали наряду с государственными земские, церковно-приходские, воскресные и частные школы. Гимназии разделились на классические и реальные. В них принимали детей из всех сословий, способных оплатить обучение. В классических гимназиях много времени уделялось изучению классических, древних и новых иностранных языков, учащиеся готовили к поступлению в университеты. Реальные гимназии были ориентированы на предметы естественно-математического цикла, в старших классах дополнительно изучались специальные прикладные дисциплины. Выпускники реальных училищ могли поступать в высшие специальные учебные заведения, но в университеты только на физико-математический и медицинский факультеты. Часть реальных гимназий в конце XIX века получили статус реальных училищ.

В дореволюционной российской образовательной системе наряду с собственно гимназиями существовали также прогимназии как начальные ступени гимназического образования. Учебный курс прогимназий (классических и реальных) соответствовал учебному курсу первых 4-х классов гимназий. Прогимназии нередко устраивались и отдельно от гимназий. Некоторые прогимназии получали статус полных гимназий.

При гимназиях открывались пансионы, их воспитанники сверх гимназического курса изучали французский язык, танцы, музыку, фехтование, верховую езду. К 1850 г. в России было 47 таких пансионов.

В 1860 году было издано «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения». Устанавливалось два типа бессловных женских училищ: I разряда – 6 лет обучения; II разряда – 3 года обучения. Их цель – «сообщить ученицам то религиозно-нравственное и умственное образование, которое должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей супруги и матери семейства». Открывать их могли частные лица и общества.

В 1870 г. женские училища министерства народного просвещения были переименованы в гимназии и прогимназии. Женские гимназии предназначались для девочек всех сословий и вероисповеданий и состояли из подготовительного, семи основных классов и 8-го педагогического. Первые 3, иногда 4 класса составляли прогимназию и могли существовать как самостоятельное учебное заведение. Курс обучения в Женских гимназиях министерства народного просвещения был несколько выше, чем в Мариинских, но ниже, чем в мужских гимназиях. Окончившим 7 классов выдавали аттестат на звание учительницы начальной школы, окончившим 8 классов — домашней учительницы, а получившим при этом медаль — домашней наставницы. Окончание 8-го класса открывало доступ на Высшие женские курсы без экзамена. Все Женские гимназии министерства народного просвещения были платными.

Частные женские гимназии придерживались правил и программ, установленных министерством народного просвещения, и подчинялись местному учебному округу. В 70-х гг. были открыты 23 такие гимназии, в том числе 7 в Петербурге.

В 1905 г. в Санкт-Петербурге было 15 государственных и 7 частных мужских гимназий, включая 3 гимназии при лютеранских и 1 при реформатских церквях. С 1906 частным школам стало легче получить права правительственных, и начался их быстрый рост. В 1916 г. в Петрограде было уже 35 мужских, 59 женских гимназий и прогимназий и 27 реальных училищ. После Октябрьской революции гимназии как тип учебных заведений были упразднены.

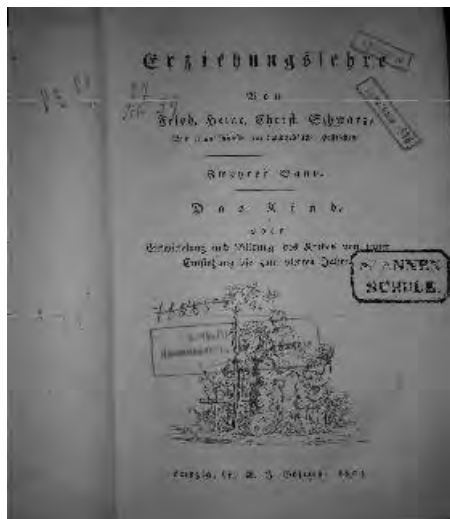
В 1918 г. все гимназии и реальные училища были преобразованы в государственные единые трудовые школы.

На книгах, хранящихся в фонде нашей библиотеки, имеются штампы многих учебных заведений Санкт-Петербурга: 3-ей, 5-ой, 10-ой, 11-ой, 12-ой мужских гимназий, Царскосельской Николаевской гимназий, 2-ой и 3-ей мужских прогимназий, Введенской прогимназии, 1-го реального училища, Императорского училища правоведения, Санкт-Петербургского коммерческого училища, немецких лютеранских школ имеющих статус гимназий: Анненшуле и Петришуле, Школы евангелически-реформатских церквей, а также женской гимназии М. Н. Стоюниной, Александровской женской гимназии, Санкт-Петербургского училища св. Екатерины.

Остановимся на нескольких учебных заведениях и их библиотеках.

Одна из старейших школ Санкт-Петербурга, Училище Святой Анны (или, по-немецки – Annenschule), было основано в 1736 г. при лютеранской церкви Святой Анны. В школе обучались дети немецких мастеров, приглашенных Петром 1 для работы в Литейном и Пушечном Дворах. За свою более чем 150-летнюю историю из маленькой приходской школы Анненшуле выросла в одно из знаменитейших во всей дореволюционной России учебное заведение. В 1852 году указом императора школе был присвоен статус государственной гимназии, а её выпускники получили право поступать в университеты без экзаменов. Через 4 года в школе открылось реальное отделение и официальным

названием школы стало: Училище Святой Анны в составе мужской и женской гимназий, реального отделения, мужской и женской элементарных (начальных) школ. Училище сильно отличалось от себе подобных высокой демократичностью и веротерпимостью. Отбор учеников в училище не зависел от сословия и вероисповедания мальчиков и девочек. В школе учились не только немцы, уже в шестидесятых годах 19-го века около трети учащихся были православными. Многих привлекала возможность дос-

Штамп училища Святой Анны

конально изучить немецкий язык, так как всё обучение велось на немецком языке. В 1868 г. было построено новое трёхэтажное каменное здание школы. Особенности этого здания являлся водопровод, воздушное отопление, специальная классная мебель – парты шести различных масштабов для учеников разного роста. Все в новом здании было просто, строго и практично. В 1889 году на деньги, пожертвованные выпускниками школы, по проекту архитектора В. А. Шретера к зданию школы был пристроен гимнастический зал арочного типа со стальным каркасом, удостоенный на Всероссийской гигиенической выставке 1893 г. Золотой медали, как не имеющий себе равных в Европе. Это был первый в Петербурге рационально продуманный, специальный школьный спортивный зал. В 1896 г. над актовым залом была сделана надстройка, в которой разместили прекрасно оборудованный рисовальный зал, аудиторию с проекционным фонарем для демонстрации картин. К концу 19 в. было введено электрическое освещение. В 1903 г. было отведено новое помещение для растущей школьной библиотеки, организованы кабинет врача и школьная столовая.

Анненшуле считалась в Санкт-Петербурге одним из престижных учебных заведений. В училище учились многие знаменитые люди, например, известный педагог и общественный деятель, создатель системы физического воспитания Пётр Францевич Лесгафт, блестящий юрист и оратор Анатолий Фёдорович Кони, легендарный путешественник, антрополог и этнограф Николай Николаевич Миклухо-Маклай, знаменитый ювелир Петер Карл Фаберже, а также жена и публикатор знаменитого писателя Анна Григорьевна Достоевская (Сниткина).

После Октябрьской революции, 18 октября 1918 года Училище Святой Анны, как и все учебные заведения, было национализировано и зачислено в разряд правительственных учебных заведений, на его базе была организована 11-я советская трудовая школа. Преподавание предметов на немецком языке было сокращено, а затем полностью прекращено. Однако, зданию Анненшуле, в отличие от многих других гимназий, повезло: в нем всегда размещались школы. С 1975 г. здесь находится физико-математический лицей № 239.

Интересно, что библиотеки гимназий и прогимназий делились на две части: фундаментальную и ученическую. В параграфе 51 «Устава гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения» от 19 ноября 1864 г. было отмечено: «Каждая гимназия должна иметь: ...библиотеку, состоящую: а) из книг, могущих способствовать обогащению учителей познаниями, и б) из книг, предназначенных для употребления учащимися...». Активную роль в деятельности библиоте-

ки гимназий и прогимназий играли педагогические советы этих учебных заведений. На своем заседании они избирали библиотекаря из числа преподавателей сроком на два года, устанавливали правила хранения и выдачи библиотечных книг, решали вопросы о выборе и приобретении новых книг для библиотеки.

О библиотеках гимназий и прогимназий очень интересно и полно рассказал первый исполняющий обязанности библиотекаря 2-ой прогимназии со дня ее открытия в 1867 г. Рафаил Сергеевич Чернянский в своей статье «Организация библиотеки 2-й Санкт-Петербургской прогимназии».

Ещё одна гимназия заслуживающая особого внимания: женская гимназия М. Н. Стоюниной основанная в 1881 г. Марией Николаевной Стоюниной, женой Владимира Яковлевича Стоюнина, педагога и публициста, выступавшего за кардинальные реформы в образовании в духе передовых гражданских идеалов. Он был активным сторонником женского образования. Многие из его идей были реализованы Марией Николаевной в стенах созданной ею гимназии. Гимназия Стоюниной отличалась нестандартным подходом к учебному процессу, сочетая передовую по тому времени педагогику с индивидуальным отношением к учащимся.

Во главе гимназии стояли фактически три человека: М. Н. Стоюнина, В. Я. Стоюнин – инспектор и преподаватель родного языка и литературы, и П. Ф. Лесгафт, работавший в гимназии без вознаграждения. Помимо своей службы в Медико-хирургической академии, П. Ф. Лесгафт взял на себя руководство физическим, нравственным и умственным воспитанием учащихся. В гимназии Стоюниной впервые в России в число обязательных ежедневных занятий были включены физические упражнения. По предложению П. Ф. Лесгафта было решено изменить оценки аттестацией, полностью исключить наказания, воздержаться от поощрений. Все учебные предметы были разделены на четыре группы: общеобразовательные предметы, языки, занятия по искусству и физические упражнения. Большое внимание уделялось в гимназии подбору преподавателей. Н. О. Лосский, муж дочери Марии Никола-

М. Волошин и М.С. Запорожцева в Коктебеле

евны Стоюниной, читал философию, В. В. Гиппиус и В. Я. Стоюнин – русскую словесность. А российский композитор, химик и медик Александр Прокофьевич Бородин был членом попечительского совета гимназии. Атмосфера в гимназии была демократичной. Все девочки ходили в голубых сатиновых халатах и легких тапочках, которые оставались в гимназии. Стоюнинки гордились своей гимназией и своей свободой обращения. Как вспоминает выпускница гимназии Стоюниной Мария Степановна Запорожцева, вторая жена М. Волошина, «...придя в гимназию, где учились княжеские, сенаторские и генеральские дети, я чувствовала себя равной им. И никакой приниженности я не знала никогда. В моем классе как раз были три княжны... Но они были Волконская, Щербатова – и больше ничего.». Следует заметить, что М. С. Волошина была из бедной семьи и попала в гимназию, которую окончила с отличием, только благодаря самой М. Н. Стоюниной.

Необходимо сказать несколько слов и о самой М. С. Запорожцевой, человеке со сложной и удивительной судьбой. После смерти отца её мать осталась с 2-мя детьми практически без средств к существованию. Мать работала прачкой, много болела. Жили они из милости в углу за шторкой, в доме дяди, человека сурового и жестокого. Мария горячо любила и жалела свою мать, поэтому она решила отравиться, чтобы облегчить ей жизнь. Девочку спасли, а эта история попала в газеты. Многие люди стали предлагать им свою помощь. Откликнулась и М. Н. Стоюнина. Педагоги её гимназии подготовили Марию к вступлению в гимназию и Мария Николаевна взяла её в свою гимназию во второй класс за свой счет. На всю жизнь Мария Степановна сохранила восторженные воспоминания о гимназии: «Прежде всего, сама наша гимназия – она была необыкновенная, начиная с Марии Николаевны Стоюниной и всех преподавателей. И Владимир Яковлевич Стоюнин, открывший гимназию, и Мария Николаевна были идеальные люди и открывали свою гимназию не просто, а думая готовить в ней широкообразованных и гуманных девушек, которые бы несли в мир и жизнь лучшее и светлое. По-

этому там все было удивительно – и система преподавания по новым методам, и педагоги (самые тонкие и лучшие), и программа, и гигиена – это все было по последнему слову идеальной, образцовой средней школы. То, что теперь считают за образцовые школы, даже приблизительного представления не дает, какой была наша гимназия. Гимнастика и прогулка каждый день среди занятий, горячие завтраки в специальной столовой. Еженедельный осмотр врачами глаз, рта и т. д., парты, вентиляция классов – все было предусмотрено и сделано сообразно требованиям гигиены.

Система преподавания тоже была иная, чем принята везде. Больше учили наглядно. Естественная история вся на живом материале – в лабораториях, музеях; физика, химия. Экскурсии в исторические города, на фабрики и т.д.

Театры каждый месяц. Вечера в гимназии с живыми картинами в костюмах классических произведений. И все это с такой любовью! Классных дам никаких. Четыре воспитательницы на всю гимназию, и вся общественная работа по классу – на девушках. Преподаватели большей частью профессора, система лекционная, с четвертого класса – чтение рефератов, обсуждения. И как с каждой из нас носились, как знали все особенности! И как мы шалили. И как мы любили гимназию и все в ней. Если теперь, через много лет, мы встречаемся и узнаем, что мы – стоюнинки, мы сейчас же подруги. И, в жизни встречаясь, мы всегда радуемся, как будто бы встретились родные, – хотя бы расстояние лет между выпускками было в 20-30 лет».

В 1918 году гимназия была национализирована и передана в ведение Наркомпроса РСФСР, стала 10-й СЕТШ, затем в здании разместилась 53-я советская школа. Мария Николаевна продолжала руководить ею до 1920 г. Осенью 1922 г. М. Н. Стоюнина покинула Россию на знаменитом «Философском пароходе» с семьей своей дочери, мужем которой был высланный из страны известный философ Николай Онуфриевич Лосский.

Итак, мы видим, что за порой невзрачными штампами на книгах нам открывается целый мир ушедших эпох, в котором жили, надеялись, творили люди и сейчас интересные нам, оставившие свой след в истории, способные и через столетия вызывать отклик в наших душах своим стремлением творить добро и улучшить окружающий их мир.

В заключение нужно сказать, что по книжным экслибрисам можно проследить не только путь книги, но и те изменения, которые происходят с организациями – владельцами книги, а в конечном счете и вехи истории целого государства.

Список литературы

1. Волошина М. С. О Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма / М. С. Волошина ; сост., предисл., подгот. текстов и примеч. В. Купченко. – Феодосия ; Москва : Издательский дом Коктебель, 2003. – 368 с., 32 с. ил. – (Образы былого. Вып. 1).
2. Ефимов Д. Г. История 239 школы [Электронный ресурс] / Д. Г. Ефимов – Режим доступа: http://www.239.ru/userfiles/file/239_history.pdf.
3. 25-летие женской гимназии М. Н. Стоюниной, 1881-1905 г. – С-Петербург, 1906. – 96 с.
4. Перцев В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России до первой половины XIX века [Электронный ресурс] / В. В. Перцев // Концепт. – 2012. – № 12 (декабрь). Режим доступа: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/12175.htm>.

EX-LIBRISSES IN SCIENTIFIC LIBRARY OF V. I. VERNADSKY CFU AS A DOCUMENTAL WITNESSES OF HISTORY

Sankina Raissa Nikolajevna

*Leading librarian of the Rare books and manuscripts department
Scientific library of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia).*

Тел.: +7 978 864-10-53, e-mail: sankinarn@mail.ru

Annotation. *The article deals with ex-librises of some educational institutions of St. Petersburg on the bases of which their history from their foundation to the 20th years of the XX-th century can be retraced.*

Keywords: *Ex-librises, gymnasium education in Russia in the XIX-th century, Annenschule, M. N. Stojunina's gymnasium.*

References

1. Voloshina M. S. O Maxe, o Cocktebele, o sebe: Vospominanija. Pis'ma [About Max, about Cocktebel, about myself: Memoires. Letters] / M. S. Voloshina; comp., pref., text prep. a. comment. V. Kupchenko. - Feodosija; Moscow : Cocktebel Publ., 2003. – 368 p.
2. Efimov D. G. Istorija 239 shkoly [History of the 239th school] / D. G. Efimov. – Access mode: [/http://www.239.ru/userfiles/file/239_history.pdf](http://www.239.ru/userfiles/file/239_history.pdf).
3. 25-letije Zhenskoi Gimnazii M. N. Stojuninoi, 1881-1905 g. [25-years of M. N. Stojunina's female gymnasium, 1881-1905]. – Saint-Petersburg, 1906. – 96 p.

4. Pertsev V. V. Gimnazicheskoe Obrazovanie v Dorevoljucionnoj Rossii do Pervoj poloviny XIX Veka [Gymnasium education in pre-revolutionary Russia before the first half of the 19th century] / V. V. Pertsev // *Koncept*. – 2012. – № 12 (December). – Access mode: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/12175.htm>.

УДК 02.09(061.62)

ИСТОРИЯ ОТДЕЛА РЕДКОЙ КНИГИ В БИБЛИОТЕКЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РАН

Оксана Владимировна Старовойтова

заведующая библиотекой Федерального бюджетного учреждения науки
«Институт археологии Крыма РАН»
+ 79787290094, e-mail: starovoitova.oksana@gmail.com
(г. Симферополь, Республика Крым, РФ)

Аннотация. В статье рассмотрена история формирования и изучения редкого фонда библиотеки ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», определены его источники и рассмотрены основные составляющие. Статья даёт краткий обзор состава редкого фонда и выделяет основные направления для дальнейшего его изучения.

Ключевые слова: редкая книга, археология, библиотека, Крым

В работе историков и археологов всегда был важен полноценный доступ к информационным материалам разного времени, и, конечно, в библиотеке научно-исследовательского института этого профиля обязана быть представлена литература, относящаяся к ряду «редкой книги».

Библиотека оформилась в составе Отдела античной и средневековой археологии АН УССР и получает официальный статус в 1972 г. В это же время начинается реконструкция одного из залов в загородном доме М.С. Воронцова в г. Симферополе для размещения фонда. Проект был разработан О.И. Домбровским и воплощен силами кружка юных любителей истории и туризма. Выполненный в классическом английском стиле интерьер с галереей второго этажа, узкими витыми лестницами и обилием деталей прекрасно вписался в облик истори-

© О.В. Старовойтова, 2017

ческого здания. О.И. Домбровский, будучи ученым секретарем Отдела античной и средневековой археологии Крыма, прекрасно осознавал необходимость создания вспомогательной научной информационной базы учреждения, и оформление библиотеки было одной из его приоритетных задач. Первоначальный фонд по свидетельству регистрации составлял 14 000 единиц хранения, включая брошюрные издания и журналы, которые на то время были учтены в инвентарных книгах. В том числе это были и редкие книги, но их не маркировали отдельной строкой.

Следует уточнить, что часть собрания уже существовала до официального оформления в виде неостребованных излишков профильной подборки подписных и подарочных изданий. К сожалению, выяснить какие именно, в том числе редкие, документы составили первоначальную основу не представляется возможным: весь фонд был изначально проштампован и пронумерован сквозной нумерацией из инвентарных книг головного Института археологии в г. Киев.

В феврале 1992 г. Отдел был преобразован в Крымский Филиал Института археологии НАНУ как отдельное юридическое лицо [2, с. 164], и в связи с этим потребовалось разделить фонды. Была объявлена инвентаризация с заменой инвентарных номеров. Этот процесс затянулся на долгий срок, и предварительные итоги стали ясны уже к началу 2000-х гг. [3, с. 154].

Выделение редкого фонда в самостоятельную часть библиотеки произошло в 2005-2006 гг. Так как само понятие «редкая книга» является во многом дискуссионным [1], все книги, имеющие признаки редких (в основном по хронологическому признаку), были собраны в один отдел. Тогда же началось их изучение [4, с. 198].

К настоящему моменту можно проследить только 2 этапа пополнения редких книг в составе фонда библиотеки:

Первичное комплектование. Этот этап продолжался до 2004 г. К нему можно отнести формирование коллекции из запасников дружественных организаций. Основным источником поступлений был резервный фонд Института Археологии УССР (например Bergens Museums Aarbog 1910 : avhandling og aarsberetning utgit av Bergens museum. – Bergen : A/S John Griegs Bogtrykkeri, 1911; Ebert, Max. Reallexikon der Vorgeschichte : Quadesch – Seddin. Band 11 / Max Ebert. – Berlin, 1927/1928. – 448 с. : ил. INSTYTUT PREHISTORJI V J K LWOW) и др.; коллекции БАН (Atlas zur Archeologie der Kunst. – Munchen : C.H. Beck'sche verlagsbuchhandlung, 1897.; Corpus scriptorum historiae byzantinae : Codinus Curopalates. Т. 23. – Bonnae

Институт археологии Крыма РАН

: Impensis Ed. Weberi, 1839. – 435 с. ; Duruy, Victor. Histoire des Romains. Т. 6 / Victor Duruy. – Paris, 1883.) и др. а также резервный фонд библиотеки «Таврика» (Becker, Paul. Die herakleotische halbinsel / Paul Becker. – Leipzig : Druck und commissionsverlag von B.G. Teubner, 1856. – 102 с.; . Blaramberg M. ;

Notice sur quelques objets d'antiquite, decouverts en Tauride / M. Blaramberg. – Paris, 1822. – 32 с.) и др.

Второй частью основных источников комплектования можно признать *случайные поступления* (коллекции владельцев, переданных в фонд библиотеки по разным причинам): коллекция Э.И. Соломоник (в связи с ее отъездом на ПМЖ в Израиль) [5, с. 327] и часть книг организации «Укрпроектреставрация» (при ликвидации предприятия).

К сожалению, документально эти этапы отражены слабо, и восстановить источник поступления зачастую можно только по штампам предыдущих фондодержателей.

К настоящему времени из общего собрания выделено 1608 единиц, которые отнесены к редкому фонду. Подавляющее большинство из них относятся к редким по хронологическому признаку. Состав этого фонда достаточно разнообразен, как по языкам издания, так и по содержанию. При расстановке он был условно разделен на 3 части:

Литература на русском и украинском языке. В этой части коллекции находятся книги, изданные до 1927 г. Самое старое из коллекции – Дюдор Сикилийский ; пер. И. Алексеев. – СПб.: Императорская Академия Наук. – 1774 в 6 томах. Большая часть собрания – книги по истории и археологии и XIX в..

Прочие языки. В этой части собраны книги на английском, немецком, французском, греческом, итальянском языках и латыни. Это словарные издания, записки путешественников и историко-археологические работы.

Периодические и продолжающиеся издания. В этой части собраны подборки журналов и продолжающихся изданий: Русская старина,

Русский архив, Византийский Временник, Отчеты Императорской археологической комиссии, Труды археологических съездов и др.

Расстановка в была произведена в соответствии с этой группировкой в алфавитном порядке, без применения систематических шифров. Это объясняется в первую очередь особенностями помещения библиотеки: оно изначально было спроектировано не как фондохранилище, но как читальный зал. В связи с этим было принято решение о вынесении редкой части фонда на второй ярус, куда запрещен доступ читателям. При этом в эту часть зала не попадает прямой солнечный свет и практически круглогодично сохраняется нормативный тепловой режим. Три основные части стоят последовательно, с соблюдением алфавитного порядка в каждой соответственно. Отдельно стоит часть редкого фонда из библиотеки Э.И. Соломоник (ее условием было сохранение целостности коллекции), эти книги находятся в закрытых шкафах.

В электронном каталоге библиотеки все книги, попадающие в ряд редких, маркируются сокращением «ФРК» – «фонд редкой книги» в поле «Место хранения экземпляра». В случае если происхождение не выяснено, маркировка дублируется в поле «Коллекция», в других – проставляется метка коллекции «Коллекция Соломоник». Все остальные заполняются по мере определения штампов в процессе дальнейшего изучения фонда в поле «Происхождение экземпляра».

Параллельно начата обработка и выявление редких экземпляров с дарственными надписями ученым – сотрудникам организации-держателя и их личных книг, поступивших в библиотеку в разное время. Сотрудники Отдела, Филиала и Института (в разное время и под разными названиями) издавали большое количество научных и научно-популярных книг. С помощью нашего архива можно попытаться проследить редакторские правки в таких знаковых для Крыма сериях как «Археологические памятники Крыма» (из 20 выпусков этой серии 18 были написаны сотрудниками нашей организации), сборники «Дорогой тысячелетий» и «Археологические исследования в Крыму». Не менее интересен блок археологических монографий учёных с автографами. Ждёт обработки большой фонд оттисков, которыми было принято обмениваться между специалистами разных учреждений, работающих в одной тематике.

Начальный этап изучения редкой книги в фонде библиотеки «Института археологии Крыма РАН» обещает много открытий. Даже первые шаги на этом поле выявили массу интереснейших книг, по разным причинам не попадавших в поле зрения читателя уже долгое время. Введение их в постоянный оборот поможет уточнить многие факты и

гипотезы, даёт новые материалы для исследователей истории и археологии Крыма. В поле библиотечного дела эта часть коллекции остаётся не менее перспективной. Отдел Редкой книги продолжает быть кладзем работы как для библиотекарей и библиографов, так и специалистов-историков.

Список литературы

1. Жаворонкова Е. Ю. Книжный памятник как объект формирования фонда крупной библиотеки автореф. дис. ... канд. пед. наук (05.25.03) / Жавронкова Е. Ю. [Электронный ресурс] // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/knizhnyi-pamyatnik-kak-obekt-formirovaniya-fonda-krupnoi-biblioteki#ixzz4ZUmGZsBN>. – Загл. с экрана. – 25.04.2016.

2. Мыц В. Л. Некоторые итоги изучения археологических памятников Крыма / В. Л. Мыц // Актуальные вопросы развития инновационной деятельности в государствах с переходной экономикой : материалы Международной научно-практической конференции к 80-летию Национальной академии наук Украины. – Симферополь, 2001. – С. 164–166.

3. Старовойтова О. В. Наукова бібліотека Кримського філіалу Інституту археології НАНУ як об'єкт наукового туризму / О. В. Старовойтова // Культура народів Причорномор'я. – 2007. – № 100. – Т. 2. – С. 154–157.

4. Старовойтова О. В. Литература на греческом и латинском языках в фонде библиотеки им. О.И. Домбровского ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» / О. В. Старовойтова // Россия и Греция : Диалоги культур : материалы III Международной конференции. – Петрозаводск, 2016. – Ч. 1. – С. 198–202.

5. Старовойтова О. Особовий фонд Е. І. Соломонік у бібліотеці Кримського філіалу Інституту археології НАН України / О. Старовойтова / Наукові праці Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського.: збірник. – Київ, 2008.– Вип. 22. – С. 327–331.

HISTORY OF THE RARE BOOK DEPARTMENT AT THE LIBRARY OF FSBIS "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF CRIMEA RAS"

Oksana Vladimirovna Starovoitova

Annotation. The article describes the history of the organization and researching of the Rare books department of the library of FSBIS "Institute of Archaeology of Crimea RAS", identified its sources and describes the main components. The article gives the brief overview of the composition of the Rare books department and shows the basic directions for its further researching.

Keywords: rare book, archaeology, library, history

References

1. Zhavoronkova, Ye. Yu. Knizhny pamyatnik kak obyekt formirovaniya fonda krupnoy biblioteki : avtoref. dis. ... kand.t ped. nauk (05.25.03) / Zhavoronkova Ye. Yu. // Nauchnaja biblioteka disserCat. – Access mode: <http://www.dissercat.com/content/knizhnyi-pamyatnik-kak-obyekt-formirovaniya-fonda-krupnoi-biblioteki#ixzz4ZUmGZsBN>. – 25.04.2016.
2. Myts V. L. Nekotorye itogi izucheniya arkhеologicheskikh pamyatnikov Kryma / B. L. Myts // Aktualnye voprosy razvitiya innovatsionnoy deyatel'nosti v gosudarstvakh s perekhodnoy ekonomikoю : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii k 80-letiyu Natsionalnoy akademii nauk Ukrainy. – Simferopol, 2001. – S. 164–166.
3. Starovoytova O.V. Naukova biblioteka Krymskogo filialu Institutu arkhеologiji NANU yak ob'jekt naukovogo turizmu / O. V. Starovoytova / Kultura narodov Prichernomor'ja. – 2007. – № 100. – V. 2. – P. 154–157.
4. Starovoytova O. V. Literatura na grecheskom i latinskom yazykakh v fonde biblioteki im. O. I. Dombrovskogo FGBUN «Institut arkhеologii Kryma RAN» / O. V. Starovoytova // Rossiya i Gretsya : Dialogi kultur : materialy III Mezhdunarodnoy konferentsii. – Petrozavodsk, 2016. – Part 1. – P. 198–202.
5. Starovoytova O. Osobovyj fond Ye. I. Solomonik u bibliotetsi Krymskogo filialu Institutu arkhеologiji NAN Ukrainy / O. V. Starovoytova // Naukovi pratsi Natsionalnoji biblioteki Ukrainy imeni V. I. Vernadskogo. – Kyiv, 2008. – Iss. 22. – S. 327–331.

УДК 097.001.3

КНИГИ ЗНАМЕНИТЫХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ В СОБРАНИИ ОТДЕЛА РЕДКОЙ КНИГИ НБ КФУ: ОПЫТ КНИГОВЕДЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ.

Юркевич Нина Валентиновна

*Заведующая отделом редких книг и страхового фонда книжных памятников
Научная библиотека*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(г. Симферополь, Республика Крым, Россия).
Тел.: +7 978 856 99 25.*

Аннотация. В статье рассматриваются книги на французском языке из частных библиотек знаменитых владельцев, хранящиеся в фондах научной библиотеки КФУ, принадлежность к которым установлена в процессе книговедческой идентификации (изучение автографов, экслибрисов, помет).

Ключевые слова: редкий фонд, частные библиотеки, владельцы, книговедческая идентификация, пометы, автографы, XVIII век, Ф. В. Каржавин, Г. А. Глинка, Ж.-Б. Фурье, И. А. Вышнеградский.

В отделе редких книг НБ КФУ хранятся издания, представляющие разные эпохи и страны, истории отдельных личностей и учреждений.

Старые, в добротных, а иногда и не очень, переплетах, с затейливыми экслибрисами бывших владельцев, эти книги теперь стали частью нашей истории и культуры.

Несомненно, для любой библиотеки, имеющей в фонде редкие книги самыми ценными и уникальными являются частные владельческие коллекции. Судьбы книг и судьбы людей, их собиравших, читавших, размышлявших над ними сплелись неразрывно и стали нашей общей гордостью и памятью.

Собиратели частных библиотек – это особые люди: высокообразованные, страстные любители книги, патриоты своей страны, оставившие значительный след в истории России, и благодаря которым по сей день сохранилось культурное наследие страны.

О том, какой ценой нередко создавались эти библиотеки очень точно и емко сказал С. Я. Елпатьевский (1854–1933), талантливый журналист и врач, говоря о библиотеке Т. И. Вяземского: «...Я никогда не слыхал о частной библиотеке в России, подобной этой библиотеке, которая собиралась с такой великой любовью и с такими жертвами. Человек собирал всю жизнь свою сокровищницу и, должно быть, долго мечтал, как мечтают русские люди, – мечтал о том, чем будет его библиотека, что даст она...»

Эти слова в полной мере можно отнести и к владельцам других частных библиотек. К большому сожалению, почти ни одна из них не сохранилась как единое целое. Смерть владельцев, продажа книг или передача их из рук в руки, политические события: революция, гражданская война, массовая эмиграция не могли не отразиться на судьбах знаменитых библиотек, книги из которых были рассеяны впоследствии по многим библиотекам и книгохранилищам Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России. Часть из них попала и к нам в фонд в виде единичных экземпляров когда-то крупнейших книжных коллекций.

Одним из важных направлений в работе отдела редких книг является выявление, изучение и идентификация экземпляров, входивших ранее в состав личных библиотек, многие из которых были известны в России и за рубежом.

Так, в фонде иностранной литературы были обнаружены две книги из библиотеки Федора Васильевича Каржавина (1745–1812).

Русская литература XVIII в. – результат деятельности не только крупных писателей. Творчество каждого писателя своеобразно и составляет неотъемлемую часть историко-культурного процесса, отражает общее развитие литературы и культуры страны. Наряду с дворянским читателем к книге приобщаются более широкие слои населения. В среду литераторов вливаются выходцы из разночинцев. Федор Васильевич Каржавин – один из интереснейших представителей разночинной интелли-

Федор Васильевич Коржавин

генции XVIII в. Литератор, издатель, архитектор и путешественник, он прожил жизнь полную разнообразных приключений, «первым из россиян» побывал на Кубе, активно участвовал в становлении новой республики Соединённых Американских областей и выступал за раскрепощение их «разноцветных народов». «Я объехал 3/4 света, знаю, где пятая часть света, вам ещё неизвестная; я прошёл сквозь огонь, воду и землю», – писал он о себе.

В своей литературной деятельности Ф. Каржавин был связан с выдающимся русским просветителем Н. И. Новиковым.

Вместе со своими друзьями и соратниками – архитектором В. И. Баженовым, поэтом и драматургом Андреем Бухарским, переводчиками А. В. и Е. В. Рознатовскими-Каржавин издал около 60 интереснейших книг.

Незаурядный писатель и учёный Федор Васильевич был страстным коллекционером и знатоком книги; на протяжении многих лет он изучал книгохранилища в России и за рубежом, собирал книги и рукописи. В конце жизни библиотека была его единственным достоянием.

Дружба и сотрудничество его дяди, переводчика Ерофея Никитича Каржавина, с знаменитыми учёными Франции давали возможность юноше, в годы учёбы его в Париже, познакомиться с ценными библиотеками астронома Делиля, первого королевского географа Бюаша, знаменитого картографа Брюера. Сильно нуждаясь, Федор Каржавин находил все же возможность покупать первые книги для своей библиотеки, которая в дальнейшем стала одной из лучших в России. «Чтение – моя страсть», – писал он в 1761г. в Россию, рассказывая отцу о приобретённых книжных новинках. А покупает он книги по физике, ботанике, хирургии, химии и др.

Одно время об этом удивительном человеке было очень мало сведений: он не попал ни в один «Словарь русских писателей», да он и сам, как видно, не придавал этому особого значения.

Но уже в XIX в. личность и сочинения Ф. Каржавина обратили на себя внимание известных исследователей. Сегодня каржавинская библиография насчитывает более сотни работ. Его имя упоминают философы, медики, архитекторы, историки искусства.

Возрастает интерес и к библиотеке Каржавина, которую время не пощадило. С годами, появляются все новые публикации, в которых чаще всего рассказывается об отдельных изданиях, имеющихся в различных библиотеках России. Сейчас книги из библиотеки Каржавина находятся во многих хранилищах: РНБ, РГБ, СПбГУ, БАН и др. На сегодняшний день известно 15 русских и зарубежных библиотек, в которых хранятся книги Ф. В. Каржавина. К таким библиотекам теперь можно отнести и библиотеку КФУ.

Одна из книг Каржавина – сочинение французского драматурга Жана-Франсуа Реньяра (1655-1709) «Путешествие во Фландрию, Голландию, Швецию, Лапландию, Польшу и Германию», изданная в Париже в 1731 году. Сегодня Реньяра называют самым выдающимся драматургом-сатириком после Мольера, который прославился не только своими пьесами, но и записками о путешествиях. И кто знает, может эта книга, которую Федя Каржавин читал в молодости, заложила в нем интерес к путешествиям и дальним странам. А книгу эту, он приобрёл во время обучения в Париже, когда ему было всего 18 лет. Об этом свидетельствует запись на французском языке на титуле и авантитуле книги: «1763. Париж. Федор Каржавин».

Сейчас ведутся поиски книг из библиотеки Каржавина, особенно его юношеской библиотеки. Так, в рассказах о книжных редкостях библиотеки СПбГУ, книговеды А. Х. Горфункель и Н. И. Николаев отмечают: «До сих пор нам ничего не было известно о ранней части библиотеки Каржавина, которую он начал собирать, будучи студентом в Париже».

Поэтому можно взять на себя смелость утверждать, что мы являемся обладателями редкой книги из юношеской библиотеки Федора Каржавина, следы которой пока не отыскались.

Идентифицировать книги Ф. В. Каржавина нам помогли многочисленные записи в них.

Характерной особенностью каржавинских книг являются выразительные читательские инскрипты. Встречаются однословные записи на русском, французском языках, почти всегда отмеченные ударением, многие его книги усеяны звёздочками, точками, крестиками, линиями, восклицательными знаками. Если мы обратимся к книге Реньяра, то находим в ней массу инскриптов Каржавина. Это и запись на авантитуле, повторяющая название книги, с припиской: «...писано им самим», четыре владельческие записи на титуле, на французском и русском языках, сделанные разными почерками: «Каrjavine» и «Федоръ Каржавинъ». На оборотной стороне титула еще одна запись на французском языке: «Из книг Федора Каржавина.» И даже в конце книги его резюме: «Окончание путешествия господина де Реньяра. Ф. К. 1763.» На наш взгляд такие записи еще раз подтверждают, что книга стала его собственностью в годы ученичества.

Вторая книга из библиотеки Каржавина более позднего периода. Об этом свидетельствует не только год ее издания 1790, но и чёрная печать в трёх местах книги «THEODORE KARJAVINE», которая по свидетельству исследователей его творчества, появилась у Каржавина после 1788 года.

Книга называется «Новый секретарь (Правила для написания придворных писем в эпистолярном стиле)»». Состоит из 2-х частей. Пер-

вая часть включает указания для написания официальных писем: королю папе, кардиналу и др. лицам, а вторая для личной переписки. Над этой книгой Федор Васильевич работал очень пристально, т. к. он собирался, по видимому, перевести ее. Об этом свидетельствуют его пометы: «перевести, не худо бы», «перевести трудно, ради множества двухсмысленных слов».

Заметно, что он всегда выносит на поля те вопросы, которые так или иначе связаны с его жизненным опытом или интересами. Это живопись и архитектура, описание европейских городов «о Мадриде», «о Венеции», «о Париже» и др. Его волнуют вопросы государственного устройства Германии: «о выборах императора Германского», отношения с Россией: «личность Петра 1.» Его комментарий на французском языке: «до Наполеона 1, императора и короля, который этому положил конец», обнаруживает глубокое знание истории. Речь идёт о Венецианской республике, которая впервые за тысячелетнюю историю перестала быть независимой. Комментарии доносят образ умного, ироничного, очень много знающего человека. Например, на одной из страниц интересная запись: «похищенное ведро». Оказывается это самое известное произведение героико-комического эпоса Италии, написанное в 1616 г. итальянским поэтом Александром Тассони (1565–1635). В центре сюжета война, развернувшаяся вокруг деревянного ведра, стоявшего на городской стене Болоньи и захваченного моденцами. Поэма основана на реальных событиях 13-14 веков. Но автор остроумно и ядовито осмеивает современное ему общество, изображая животрепещущую современность под видом старой истории о раздорах республик Модены и Болоньи из-за украденного ведра.

Еще одно интересное издание, из частного книжного собрания, волей судьбы оказавшееся в наших фондах, называется «Сравнительная история философских систем» (1804) Жозефа-Мари Дежирондо (1772–1842), известного французского лингвиста, педагога, философа.

Привлекло оно моё внимание, прежде всего, своим экслибрисом. Это штамп овальной формы с надписью: «Закупской библиотеки», размером 18x34. На книге нет больше никаких номеров, инвентарных или расстановочных помет, характерных для регулярных книжных собраний. Любопытно, что штамп поставлен не на титульном листе или форзаце, как это принято, а на первой странице текста. В книге никаких записей ни чернилами, ни карандашом. Суперэкслибрисы, инициальные тиснения на корешке отсутствуют.

В процессе поисков сведений о книге выяснилось, что в библиотеке Санкт-Петербургского Государственного университета в спец. шкафу с указанием имени дарителя «Библиотека баронессы Искунь», хранятся 79 томов с такими же книговедческими признаками, а также выяс-

нилось, что первоначально Закупская библиотека принадлежала семейству Глинок-Кюхельбекеров. Имение Закуп Духовщинского уезда Смоленской губернии было родовым имением Григория Андреевича Глинки (1776–1818), литератора и учёного, профессора Дерптского университета по специальности русский язык и русская словесность. Он был первым дворянином-профессором, «...феноменом в своём роде», как о нем говорил Н. М. Карамзин. Но преподавание не принесло Глинке удовлетворения. Летом 1810 года он уволился и переехал в свое смоленское имение.

Будучи женат на Юстине Карловне, старшей сестре поэта-декабриста Вильгельма Карловича Кюхельбекера, Глинка принимал участие в его воспитании.

В имении была большая библиотека и есть сведения, что ею пользовался В. К. Кюхельбекер. Глинка снабжали его книгами в лицее, которые впоследствии неизбежно возвращались в Закуп. Да и во время посещения имения (а однажды он гостил у сестры целый год (1822–1823), Кюхельбекер много писал, много думал, и, наверное, читал. Чтение помогало ему коротать долгие зимние вечера и, возможно, эта одна из тех книг, которую поэт держал в своих руках.

Никаких сведений о книжном собрании в Закупе не сохранилось. Вполне возможно, часть библиотеки Глинка привёз из Дерпта, остальные источники пополнения были случайными. Вероятно, книжное собрание, составленное владельцем в 1811 году ещё не было библиотекой в полном смысле слова (о чем свидетельствует, в частности, отсутствие каких-либо расстановочных помет или записей), а только проектом. Оно могло бы состояться как библиотека писателя или учёного, но остановилась литературная и научная деятельность самого Григория Глинки. Книги жили какой-то своей жизнью. Неизвестно кто их брал, и кто добавлял. Неизвестно кто и когда назвал это собрание «Закупской библиотекой», заказал печать и поставил её на книги.

Основания для предположений дают документы Бестужевских курсов. Согласно отчётам и инвентарным записям книги из Закупской библиотеки поступили на Высшие женские курсы в 1895–1905 годах в составе пожертвования баронессы Варвары Ивановны Искюль-фон-Гильденбандт (1850–1928), общественной деятельницы, принимавшей самое активное участие в руководстве курсами. В ее салоне бывали лучшие литераторы, художники, композиторы и министры. В первом браке она была замужем за Дмитрием Глинкой, первенцем Григория Андреевича и Юстины Карловны.

Можно предположить, что уже после смерти владельцев она вывезла из Закупа хранившиеся там книги и поставила на них штамп. О судьбе остальной части библиотеки ничего не известно.

Жан-Батист Жозеф Фурье

В нашем фонде очень много книг, знакомство с которыми не перестаёт нас удивлять. На одной из книг был обнаружен интереснейший автограф, вернее, даже не автограф, а дарственная надпись: «Господину де Грони от автора». А автором этой книги является Жан-Батист Фурье, чьё имя было внесено в список из 72 имён наиболее выдающихся французских учёных и инженеров XVIII–XIX вв., помещённых на 1-ом этаже Эйфелевой башни.

Жан-Батист Фурье, великий французский математик и физик, иностранный почётный член Петербургской АН. Его труды и исследования обеспечили ему миро-

вую известность. Применяемые им методы были совершенно оригинальными. Он значительно усовершенствовал теорию уравнений. Ряды, названные его именем (ряды Фурье), сыграли большую роль в математике и применяются часто и теперь.

Фурье работал над теорией теплоты и занимался математическим анализом. Ещё в 1807 г. он представил Парижской Академии наук свои первые открытия, а в 1822 году издал в Париже труд под названием «Аналитическая теория тепла». Этот труд стал исходной точкой для создания теории тригонометрических рядов и разработки некоторых проблем математического анализа. Отзыв на «Аналитическую теорию тепла», ещё до того как он был издан, давали видные учёные того времени – Лаплас, Лагранж, Лежандр и др. Они отметили его важность и новизну, но критики было больше. Фурье воспринял её спокойно – он ощущал силу изложенных идей. И – продолжал работать. Время шло. Трактат Фурье по теплопроводности увидел свет в 1822 году, причём упрямый учёный не изменил ни слова из раскритикованного труда, который позднее лорд Кельвин, известный английский физик назвал «Великой математической поэмой».

Кто такой господин Грони установить не удалось, предположительно, он из научного окружения Фурье.

Но у этой знаменитой книги был еще один владелец, о чем свидетельствует надпись на форзаце: «Из книг И. А. Вышнеградского».

Иван Алексеевич Вышнеградский (1831–1895), выдающийся учёный и изобретатель, государственный деятель, основоположник автоматического регулирования, почётный член Петербургской АН (1888). Жизнь его была удивительной: родившись в Вышнем Волочке в семье с огра-

ниченным достатком, в конце жизни он стал богатейшим железнодорожным акционером и министром финансов, успев параллельно с этим увековечить своё имя в науке. Причём, редко когда человек из науки умудрялся достичь успехов на государственном поприще. В истории России И. А. Вышнеградский – приятное исключение из этого правила.

И. А. Вышнеградский окончил с серебряной медалью физико-математический факультет Главного педагогического института в Петербурге. Будучи учеником М. В. Остроградского, он первоначально был чистым математиком и защитил в 1854 г. диссертацию на степень магистра математических наук. Но, преподавая в Михайловском артиллерийском училище, приобщился к прикладной механике, технике артиллерийского дела и металлургии. В 1862 г. Вышнеградский стал профессором механики С.-Петербургского Технологического института, а позднее его директором. В этой должности он занимался административными преобразованиями, улучшением образовательной части, принимал участие в выработке университетского устава, читал лекции. Его лекции имели огромный успех и представляли собой блестящий образец по ясности изложения. Некоторые из них не утратили своего интереса до сих пор.

На торжественном акте, посвящённом 50-летию Технологического института (1878 г.), И. А. Вышнеградский за свою деятельность на посту директора был награждён табакеркой, усыпанной бриллиантами, с вензелем Александра II на крышке.

Иван Алексеевич – выдающийся учёный и инженер-конструктор. Он обладал замечательным конструкторским талантом, т. е. способностью творчества в области машиностроения, талантом создавать новое, как в общем устройстве машин, так и в их деталях. Составленные Вышнеградским многочисленные проекты машин ставят его в ряд с самыми талантливыми конструкторами. Он создал русскую научную школу инженеров-машиностроителей. А его знаменитая работа «О регуляторах прямого действия» (1877 г.), появившаяся одновременно на русском, немецком и французском языках оказала огромное влияние на все дальнейшее развитие теории регулирования.

На посту министра финансов он пробыл 5 лет, но за это время сумел добиться выдающихся успехов в экономической политике России. 80-е годы – время капиталистического ажиотажа в стране, и Вышнеградский был типичным выразителем новых требований укрепившегося в России капиталистического хозяйства. Он разделял точку зрения тех кругов, которые считали, что Россия может быть действительно самостоятельным и сильным государством лишь в том случае, если она будет не только земледельческой страной, но и промышленной. Для решения этой задачи был проведён целый ряд мер, направленных на ускорение развития отечественной промышленности, а именно: увеличение таможенных пошлин, привлечение ино-

странный капитала, ограничение импорта. При нем увеличился золотой запас страны, сократился дефицит бюджета, укрепился курс рубля.

Политика Вышнеградского, а затем его преемника Витте, сделали Россию одним из сильнейших государств, и не только в военном отношении. Но уже скоро эти достижения были нивелированы другими историческими процессами.

А о его человеческих качествах упоминает вдова Ф. Достоевского в своих мемуарах: «Имея влиятельных друзей (К. П. Победоносцева, И. А. Вышнеградского), муж пользовался их влиянием, чтобы помочь чужой беде. Сколько стариков и старух поместил он в богадельни, сколько детей устроил в приюты, сколько неудачников определил на места».

В 1895 г. после смерти И. А. Вышнеградского его вдова Варвара Федоровна пожертвовала Технологическому институту библиотеку мужа, составлявшую до 1600 томов технических сочинений. Ныне выявлено 47 книг из этой коллекции на русском, французском, немецком и английском языках. На форзацах сохранившихся книг, в том числе и на нашей, имеются пометки библиотекаря «Изъ кн. И. А. Вышнеградскаго». О том, что книга стала принадлежать Технологическому институту, свидетельствует и вензелевый экслибрис на обложке книги.

Эти книги составляют гордость любой библиотеки, но вместе с тем они напоминают о невосполнимо утраченном, призывая к созидательному творческому процессу — процессу восстановления исторической памяти и возрождения национальной духовной культуры.

Список литературы

1. Бородин А. И. Биографический словарь деятелей в области математики / А Бородин, А. Бугай. – Киев, 1979. – 503 с.
2. Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина / С. Р. Долгова. – Ленинград, 1984. – 152 с.
3. Долгова С. Р. Судьба библиотеки Ф. Каржавина / С. Р. Долгова. // Альманах библиофила. – Москва, 1975. – Вып. 2. – С. 166–168.
4. Долгова С. Р. Редкие книги и рукописи из библиотеки Ф. В. Каржавина / С. Р. Долгова // Книга в России до сер. XIX века. – Ленинград, 1978. – С. 274–285.
5. Кирпичев В. Л. Иван Алексеевич Вышнеградский, как профессор и ученый / В. Л. Кирпичев. – С.-Петербург, 1895. – 22 с.
6. Дуров Н. П. Федор Васильевич Каржавин: его жизнь и похождения в старом и новом свете(1746–1812) / Н. П. Дуров // Русская старина. – 1875. – Т. 12, № 2. – С. 274–277.
7. Храмов Ю. А. Физики. Биографический справочник / Ю. А. Храмов. – Москва, 1983. – 400 с.

BOOKS OF FAMOUS OWNERS IN COLLECTION OF
RARE BOOK DEPARTMENT OF SL CFU

Yurkevich Nina Valentinovna

*Head of the Rare books and manuscripts department
Scientific library of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia).
Тел.: +7 978 856 99 25.*

Annotation. *In the article french books from personal libraries of famous owners which are kept in the funds of scientific library of CFU are examined. Their belonging to the owners was specified during the bibliographical identification (studying autographs, ex-librises, book marks).*

Keywords: *rare fund, private libraries, owners, bibliographical identification, book marks, autographs, XVIII century, F. V. Karzhavin, G. A. Glinka, J.-B. Fourier, I. A. Vyshnegradsky.*

References

1. Borodin A. I. Biograficheskij Slovar' Dejatelej v Oblasti Matematiki [Biographical lexicon of personalities in the field of mathematics] / A. Borodin, A. Bygai. - Kiev, 1979. - 503 p.
2. Dolgova S. R. Tvorcheskij Put' F. V. Karzhavina [Creative path of F. V. Karzhavin] / S. R. Dolgova. - Leningrad, 1984. - 152 p.
3. Dolgova S. R. Sud'ba Biblioteki F. Karzhavina [Destiny of F. V. Karjavin's library] / S. R. Dolgova. // Almanach bibliofila [Miscellanea of a bibliophile]. - Moscow, 1975. - Iss. 2. - P. 166-168.
4. Dolgova S. R. Redkije Knigi i Rukopisi iz Biblioteki F. V. Karzhavina [Rare books and manuscripts in F. V. Karzhavin's library] / S. R. Dolgova // Kniga v Rossii do ser. XIX veka [Book in Russia up to the half of the XIX century]. - Leningrad, 1978. - P. 274-285.
5. Kirpichev V. L. Ivan Alexejevich Vyshnegradsky, kak Professor i Uchenyj [Ivan Alexejevich Vyshnegradsky as a professor and a scientist] / V. L. Kirpichev. - Saint-Petersburg, 1895. - 22 p.
6. Durov N. P. Fedor Vasilevich Karzhavin: Jego Zhizn' i Pochozhdenija v Starom i Novom Svete (1746-1812) [Fedor Vasilevich Karzhavin: his life and adventures in the Old and New World (1746-1812)] / N. P. Durov // Russkaja starina [Russian antiquity]. - 1875. - Vol. 12. № 2. - P. 274-277.
7. Khramov Yu. A. Fiziki. Biograficheskij Spravochnik [Physicists. Biographical handbook] / Yu. A. Khramov. - Moscow, 1983. 400 p.

ИСТОРИЯ КРЫМА

УДК: 821.161.1:908

РОДОСЛОВНАЯ ЮРИЯ ТЕРАПИАНО:
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Шестакова Нина Дмитриевна,

*Заведующая научной библиотекой
ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный заповедник
(РФ, г. Керчь) e-mail: fialta53@yandex.ru*

Аннотация: *исследование родословной известного поэта русского зарубежья Юрия Терапиано. В контексте темы представлена отчасти история Керчи 2 й половины 19 века, нравы и обычаи города.*

Ключевые слова: *Юрий Николаевич Торопыно, Симферополь, Василий Юрьевич Торопыно, Феодосийский уезд, Андрей Павлович Савицкий, Керчь-Еникальское градоначальство, Константин Васильевич Торопыно, наследники купца Дубенского, Керченская городская управа, Лисовские.*

Один из первых представителей рода Торопыно [Тарапыно] в Крыму Юрий Николаевич Торопыно обозначен в архивных данных переводчиком с греческого языка с 1815 года. Происхождение: из иностранных греков, не имеющий в ту пору владений и крепостных. Из его формулярного списка следует, что в 1816 году за усердную службу

был он награждён губернским правительством чином коллежского регистратора, затем, последовательно – губернского секретаря в 1823 году, коллежского секретаря в 1826 году.¹ В обязательной графе подобного документа об «участии в походах против неприятеля» и о наличии судимости отмечено: «не был». Представлено его семейное положение: женат, имеет троих сыновей: Николай 13-ти лет; Василий 9-ти лет; Константин 4-х лет. Отметим – эти мужские имена были наиболее предпочтительны в семьях керченских Торопьяно. Награждение чинами сопровождалось взиманием пошлины, о чём Симферопольское уездное казначейство уведомляет Таврическое Дворянское Депутатское Собрание: «...от 14 ноября 1827 г. №340 с переводчика оного Собрания, губернского секретаря Юрия, сына Николаева, Торопьяно вычтены деньги за награждение сим чином, по всемилостивейшему манифесту 22 августа 1826 года из недоимки исключены и взысканию не подлежат» [1, л.6]. В 1836 году Юрий Николаевич получил за 15 лет беспорочной службы знак отличия и статус титулярного советника². Спустя 2 года он умер [2, л.1]. В рапорте от 27 июня 1838 года его сын Василий, губернский регистратор, просил знак отличия отца вместе с прочим имуществом представить в Симферопольскую полицию, а справку по получении этого направить из канцелярии полиции в Таврическое Губернское правительство. Справка, вероятно, необходима была его наследникам для укрепления их наследственного социального положения в Крыму.

Василий Юрьевич Торопьяно шёл той же канцелярской стезёй. В его формулярном списке есть любопытные подробности о занятости его в раз личных «присутственных местах» государственной службы. Он числился в штате канцелярии Феодосийского Градоначальства. Имел имущество: в Симферополе – пекарню с харчевнею, две лавки, два магазина и два маленьких жилых дома. С 1832 года по 1835 год служил правителем дел Симферопольской временной уездной продовольственной комиссии, учреждённой в это время, по «Высочайшему повелению, для продовольствия поселян» [3, л. 2-3]. Проявив на этом поприще известное усердие, получил, в числе прочих исполнителей, выписку об «удовольствии» по поводу этой службы «Высочайшего Императорского величия». К этому времени он уже был женат, имел дочь трёх лет. В 1838 году был командирован, по поручению Таврического губернатора, в Симферопольскую межевую контору для составления сведений отмежёванных земель по Крымскому полуострову. В 1840 году был определён, будучи уже в звании губернского регистратора, на вакансию помощника столоначальника Дворянского собрания с формулировкой «на продолжение службы способен и повышения чина достоин». В 1842 году за выслугу «узаконенных» 12-ти лет

в канцелярском звании был награждён первым классным, офицерским, чином³. В 1845 году В.Ю. Торопьяно был уволен, по собственному его прошению, от службы в Губернском Правлении, получив подлинный аттестат за №726, то есть право на пенсию и социальный статус [4, л.1]. Опираясь на вышеизложенные архивные сведения, можно предположить, что именно из этого крымского древа вышел известный в Керчи клан Торопьяно. Не исключено, что назвав сына именем Юрий, Константин Васильевич Торопьяно почтил память своего деда (прадеда?) Юрия Николаевича.

Со стороны матери Юрия Константиновича - Софьи Андреевны Торопьяно, в девичестве Савицкой, представлен малороссийский дворянский род. Отец её, Андрей Павлович Савицкий, действительный статский советник⁴, был в Керчи известной личностью. Подробные воспоминания о нём оставил в своей книге [5, с.33, 42, 50, 55, 59, 90, 119, 120, 121, С. 151 – 157, 173-175] племянник его жены, Лев Тихомиров, известный политический деятель, религиозный философ и публицист. Родом Андрей Павлович был из Нежина, из зажиточной полугреческой – полумалороссийской семьи. Окончив медицинский курс Петербургского университета, оказался в Керчи. Женится на выпускнице Кушниковского института Варваре Николаевне Каратыгиной. Это был человек властный, благородный, во всём его облике чувствовалась печать барского аристократизма, и «тонкой культурности». Греческий тип на его красивом благородном лице выразился очень ярко, передавшись даже его дочерям. Барин своего века, англоман Воронцовского типа, он был всегда изысканно одет, всегда выдержан; безукоризненно приличная речь выделяла его из общей массы людей. Было несколько странно, что с такими выдающимися данными на карьеру он оказался в Керчи. Вероятно, он решил начать свою службу под руководством М.С. Воронцова, человека прогрессивного, воплощавшего в себе идею устроения русских окраин. Стараниями генерал-губернатора Воронцова приморские города, особенно градоначальства, были весьма благоустроены. Керчь была очень хорошо вымощена, на всех улицах были тротуары и фонари; и по своей красоте была, в воспоминаниях современников, европейским городом. Особенно восхищала гимназиста Льва Тихомирова Митридатская лестница, по которой люди могли разом пройти целой толпой. Военная служба врача Савицкого проходила в Керчи и, затем, в Геленджике. Он вышел в отставку по практическим соображениям, и увёз свою семью в Керчь буквально накануне Крымской войны. Чтобы не подвергать детей опасности, вывез свою семью и семью своего друга по военной службе Тихомирова в Нежин. Вернувшись в Керчь, он работал в должности старшего врача в Карантине.

Имел репутацию признанного врача, был изобретателем по части изготовления лекарственных порошков; особенно популярными в аптеках города были «желудочные капли Савицкого». Он купил за небольшие деньги у сестёр Корчевских дом с огромным участком. В первой четверти века этот участок принадлежал Павлу Алексеевичу (Полю) Дюбрюксу, керченскому археологу, и его наследникам, затем был продан. В нескольких верстах от Керчи он купил имение Темеш, около 1000 десятин земли. Человек практичный, реформатор и предприниматель, он стремительно богател: преобразовал свой дом на европейский манер, на участке развёл прекрасный фруктовый сад. Изрядно утрамбованная овечьими отарами земля в Темеше была возделана рачительным хозяином и впоследствии давала более десяти тысяч дохода в год его многочисленному семейству. Атмосфера в их доме отражала лучшие культурно-идеалистические свойства передового российского дворянства: высокую образованность, преданность профессиональной службе, уважение к личности. Андрей Павлович живо интересовался политикой, реформами 60-х годов, участвовал в городском и земском самоуправлении, избирался неоднократно присяжным заседателем, был горячим патриотом всероссийского единства. В доме была прекрасная библиотека. Он увлекался искусством и археологией. Славное имя врача Савицкого отмечено в Памятных книжках Керчь-Еникальского градоначальства; его персоне уделено место в Исторической записке о Керченском Кушниковском девичьем институте, изданной к его 50-летию в Керчи в 1886 году [6, с.46]. Врач при лазарете института А.П. Савицкий своей любовью и усердием к делу заслужил благодарность и начальства, и воспитанниц. Официально оставив службу в институте в 1859 году, он всегда был готов подать своевременную медицинскую помощь заболевшим воспитанницам и служебному персоналу института. Когда по штату в 1866 году открылась в институте вакансия врача-консультанта, на эту должность пригласили Андрея Павловича. В уважение к его заслугам Главный Совет Кушниковского института, по ходатайству местного начальства, разрешил принять одну из его дочерей Елену в качестве экстерны. Успешно его окончив, Елена Андреевна Савицкая, преподавала там несколько дисциплин. В списке служащих института она обозначена как классная дама с 23 августа 1874 года, как преподаватель географии - с 1874 по 1882; как преподаватель арифметики - с 1880 года [6, с.71, 72]. Вместе с сёстрами Лидией и Софьей она активно занималась благотворительной деятельностью. Сёстры: Мария, Лидия и Софья также окончили Кушниковский институт благородных девиц. Красавица Мария вышла замуж и проживала постоянно в Одессе. Самая младшая дочь Софья вышла замуж за коллегу отца,

молодого врача карантина Константина Васильевича Торопьяно. Младший сын Николай, к большому несчастью отца, оказался болезненным и неспособным к учению, чем сильно уязвлял честолюбивое его сердце. Но, будучи воспитанным в культурной среде, он проявлял любопытство к популярным светским занятиям: подражая отцу, Николай интересовался археологией, собирал коллекцию предметов античного искусства. Был убит в период волнений первой русской революции. Преступление так и осталось нераскрытым. Эта смерть оказалась первой в цепи многих потерь и страданий семьи.

В Крымском архиве автором обнаружено несколько дел, связанных с семьёй Савицких –Торопьяно. В списке недвижимых имуществ, состоящих в г. Керчи и принадлежащих потомственным и личным дворянам от 1893 года, со стороны действительного статского советника А.П. Савицкого представлены уже только его наследники [7, л.1]: видимо, к этому времени он уже ушёл из жизни. Члены большой и дружной семьи распоряжались наследством по духовному завещанию отца, сообразуясь со здравым разумением и нравственным долгом. В актовой книге керченского нотариуса Фельдштейна засвидетельствовано 2 духовных завещания Лидии Андреевны Савицкой, составленные ею в 1907 году, в которых она, не имея по прямой линии нисходящих наследников, завещала в полную собственность своей сестре Софье Андреевне Торопьяно (урождённой Савицкой) и её дочери Елизавете Константиновне Лупаковой, (урождённой Торопьяно), принадлежащее ей родовое имущество и право «в общее владение с другими сонаследниками» на часть недвижимого имения в Таврической губернии Феодосийского уезда, Сарайминской волости при деревне Темеш. Юрий Константинович получил ранее, ещё будучи гимназистом, в наследство долю своего погибшего дяди Николая. Эти её завещания были рассмотрены в 1919 году в Симферопольском Окружном суде, по первому гражданскому отделению, вместе с прошением вдовы Константина Васильевича Торопьяно, Софьи Андреевны Торопьяно, и его детей, Юрия и Елизаветы, - на право наследования имущества умершего [8, л.1-17]. Потомственные дворяне, заслуженные граждане Керчи: бывший старший врач окружного карантина, статский советник⁵

Константин Васильевич Торопьяно и известная всему городу благотворительными делами Лидия Андреевна Савицкая, - были убиты бандитами в родовом имении Савицких в деревне Темеш 22 августа 1918 года. Приложенные к делу выписи из метрической книги Керченского Свято-Троицкого собора, части третьей - об умерших за 1918 год, свидетельствуют: о дне смерти (22августа), и дне погребения (27 августа) родственников. Одно и то же заключение в графе «от чего умер» - огнестрельное ранение. С прошением о наследовании имуще-

ства вдова с детьми обратились через год, 2 августа 1919 г. Дело о наследстве рассматривалось 20 дней; после изучения документов, удостоверяющих родственные связи: метрических выписей о бракосочетании, рождении детей Юрия и Елизаветы, о смерти наследодателя, заверенных нотариально, - было вынесено решение Почётного мирового судьи Феодосийского уезда Дмитрия Дмитриевича Посполитаки о прямых наследниках К.В. Торопьяно – жене и детях. Определением, вынесенным Симферопольским Окружным Судом, просители были утверждены в правах наследства, - на основании статей 1127, 1128, 1148 тома X, части 1 Свода законов, - после умершего К.В. Торопьяно как доказавшие своё родство с ним. Одновременно было решено дело об утверждении к исполнению двух нотариальных духовных завещаний Лидии Андреевны Савицкой. Все судебные перипетии о наследстве были благополучно документально разрешены, но наследникам так и не удалось воспользоваться своим законным правом на имущество: в 1920 году Юрий Терапиано вместе с сестрой и племянником покинули Россию, спасаясь от гибели. Софья Андреевна Торопьяно оставалась в Керчи вместе с сестрой. [9, с.125.]. Когда и как они покинули этот мир, неизвестно.

В архивной летописи Керчи найдены также сведения о родственниках поэта побочной линии – со стороны родного брата К.В. Торопьяно, Ивана Васильевича Торопьяно. Упомянутая автором биографической повести о поэте В. Миляновским родоначальница семьи Ивана Васильевича Торопьяно по женской линии - Зефира Дмитриевна Карпиниоти [Людмила–Земфира (1840 – 1920) Киприоти в устных преданиях семьи Миляновских - Торопьяно] [10, с.5.] - «обнаружилась» в крымском архиве как вдова Темрюкского купца 1-й гильдии Фёдора Дубенского, претендующая вместе со своими пятью детьми на права наследия к имуществу покойного мужа. В метрической книге Керченского Свято-Троицкого собора за 1870 год под № 102 зарегистрирован акт о смерти «от кровавого поноса» 8 июля 1870 года купца Фёдора Захарьевича Дубенского, 50-ти лет, и его погребении 10 июля [11, л.5.]. В прошении купеческой вдовы к метрической выписи о смерти мужа за №88 от 1871 была приложена выпись из метрической книги Собора под № 55 от 1861 года, свидетельствующая о том, что 13 марта этого года родилась, а 21 окрещена Лидия [будущая жена Ивана Торопьяно], «коей родители: Темрюкский 1-й гильдии купец Фёдор Захарьевич Дубенский и законная жена его Зефира Дмитриевна, оба православного исповедания. Также были приложены метрические свидетельства остальных четырёх детей: Надежды (1864г.); близнецов Анны и Петра (1867г.) и Варвары (20 ноября 1868 г.). Резолюцией Керчь-Еникальской Городской управы от 22 марта 1877 года - были утверждены, по прошению опекунов: вдовы Зефиры

Дубенской и севастопольского купца Фёдора Мухина, в правах наследства к имуществу вдова и малолетние дети купца Дубенского[11, л.8.]. В 1883 году подросшие дети Потомственного Почётного гражданина Керчи, купца Дубенского: Лидия Торопьяно (урождённая Дубенская), Надежда, Анна и Варвара, - обратились с прошением в Городскую управу, в котором выразили свои законные права на разведение фруктового сада на участке без взимания процентов, поскольку участок под сад был приобретён и благоустроен их отцом ещё в 1864 году [12, л.1-32.]. Молодой и энергичный купец насадил на закупленном участке, состоящем на городской земле, 400 деревьев, 1000 кустов и вырыл за большие деньги колодец. За 20 лет после его смерти сад пришёл в запустение, поскольку малолетние дети не могли им заниматься. Но управа отказала просителям: в справке, выданной по их прошению, было объяснено, что первый владелец участка должен внести в кассу Управы причитающуюся подесятинную (30р. за десятину) плату, без чего участок этот предоставлен им не может, так как прошло слишком много времени – оброшенный сад превратился в пустырь и подлежит передаче с торгов «желающим под разведение сада». В ответ наследники обратились с повторным прошением, где указали на тот факт, что их отец приобрёл сад по купчей крепости, заключённой в Керченском коммерческом суде – в вечное и потомственное владение; следовательно, они, наследники, владеют участком на правах полной собственности, а не временного пользования по «условиям подчинения изданным Думою правилам». К прошению они приложили копию купчей крепости из крепостной книги №14 за 1864 год, в которой было чётко обозначено, что продавец участка, жена коллежского асессора Екатерина, Фёдорова дочь, Волчанецкая продала «в вечнопотомственное и безповоротное владение» Темрюкскому 1-й гильдии купцу Фёдору, Захарьеву сыну, Дубенскому 24 марта 1864 года принадлежащий ей под фруктовый и виноградный сад участок №1132 - 5 десятин, 875 кв. сажень⁶ за 250 рублей серебром. Тяжба с городской управой затянулась на год. По указанию Городского головы был произведён осмотр бывшего сада купца Дубенского; и члены управы Ф.Ф. Белый и К.И. Надолец с гласным Думы Деспотули засвидетельствовали, что на месте садового участка имеется в разных его частях «25 диких дерев, более же никакого садового насаждения нет, . . . равно нет материала и построек». Наследникам отказали в прошении на основании правил от 2 ноября 1842 года Полного свода законов, ст. 153, по условиям которых участок с уничтожением сада должен или вновь выкупаться, или, при отказе от выкупа, поступить в собственность города. Выкупить наследники его не смогли и участок их был продан с торгов.

Но жизнь продолжалась: дочери Потомственного почётного гражданина Керчи, 1-й гильдии купца Дубенского, выходили замуж, умно-

жали потомство. Младшая сестра Лидии Торопьяно, в девичестве Дубенской, Варвара вышла замуж за штабс-капитана⁷ Ивана Лисовского, который также отмечен «архивной историей Керчи» как податель прошения на утверждение права наследования к имуществу своего отца, коллежского асессора⁸ Петра Осиповича Лисовского. [13, л.2-3.].

К сожалению, не найдены пока сведения в Крымском архиве о такой крупной для Керчи личности, как Иван Васильевич Торопьяно, судовладелец и капитан, родной дядя Юрия Терапиано. Его биография, история его семьи - предмет будущих архивных исследований. Круг родственных связей Терапиано-Савицких-Дубенских-Миляновских-Лисовских широк. Эти и выше приведённые архивные подробности, исторические свидетельства ушедшего времени, дают живое представление о том, как жили керчане полтора века назад, какими категориями мыслили, как растили детей. Многие из названных здесь имён славны добрыми делами и своей преданностью родному городу.

Примечания

¹ Коллежский регистратор – низший (14 класс) Табели о рангах (закона в России 18 – первой пол. 19 вв., определявшего порядок прохождения службы чиновниками. Первоначально 14 класс давал право личного дворянства, а 8 класс (для военных - 12-й) - потомственного дворянства. Закон 9 дек. 1856 г. установил получение личного дворянства – с 9 –го класса, потомственного – с 4 класса для гражданских чинов, и с 6 класса (для военных). Табель о рангах давал путь вверх выходцам из непривилегированных слоёв общества, стимулируя службу чиновников.

² Титулярный советник — гражданский чин IX класса. Утвержден Тамбелю о рангах 24 января (4 февраля) 1722 императором Петром I; просуществовал с многочисленными изменениями вплоть до отмены по декрету ВЦИК совнаркомат 11 ноября 1917 года.. С 1845 г. давал личное дворянство.

³ Первый классный офицерский чин - могли производиться в первый классный чин только по выслуге довольно продолжительных сроков, в зависимости от происхождения: дворяне должны были служить 4 года, а лица более низкого происхождения - до 12 и даже 16 лет.

⁴ Действительный стамтский советник – гражданский чин 4 класса, давал потомственное дворянство. С середины XIX века чин действительного статского советника входил в 1-ю из четырёх групп чиновничества. Данная группа (с 1-го по 5-й класс) объединяла представителей чиновничества, которые определяли курс политики государства. Представители данного чина имели высокие должностные оклады. Для производства в чин действительного статского советника был установлен срок службы в 10 лет со времени получения предыдущего чина.

⁵ Стамтский советник - гражданский (статский) чин V класса в российской Табели о рангах до 1917 г. Статский советник в России соответствовал должности

вице-директора департамента, вице-губернатора, председателя казённой палаты и чином бригадира армии и капитан-командора флота.

⁶ Сажень - старая русская мера длины, применявшаяся с конца 18 в. до введения метрической системы мер. 1 сажень = 2,13360 м. Верста –1 верста = 500 сажням = 1,0668 км. Десятина = 2400 кв. сажней = 1,09254 га

⁷ Штабс-капитан – воинский чин 9 класса в 1884 – 1917 гг. Второй офицерский чин в пехоте и артиллерии (с 1797 – 1884 - 10 класса)

⁸ Коллежский асемсор - с 1717 по 1917 год гражданский чин, занявший с 1722 года место VIII класса в Табеле о рангах. До 1884 года соответствовал чину майора, а после отмены майорского чина в армии соответствовал чину капитана.

Список литературы

1. Дело Таврического Дворянского Депутатского собрания «О представлении к награждению следующими чинами служащих в сём собрании... коллежского регистратора Тарапьяно» // Гос. архив РК, фонд 49, оп. 1, д. 737. 6 л.

2. Дело Таврического Дворянского Депутатского Собрания о смерти переводчика сего собрания Титулярного Советника Юрия Торопьяно // Гос. архив РК, фонд 49, оп. 1, д. 1358. 6 л.

3. Формулярный список Губернского Регистратора Василия, Юрьева сына Торопьяно, , вероисповедания православного// Гос. архив РК, фонд 49, оп. 1, д. 1616. Л.2-3.

4. Прощение В. Ю. Торопьяно об увольнении // Гос. архив РК, фонд 49, оп. 1, д. 1972, л.1.

5. Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М.: Издательство журнала «Москва», 2004. 720с.

6. Историческая записка о Керченском Кушниковском девичьем институте с основания его в 1835 году до 1885 г./ Составил Законоучитель Института, Священник Дмитрий Говоров. Керчь: Скоропечатная типография А.Б. Холева, собст. Дом, 1886. 105с.

7. Дело Керчь-Еникальской Городской Управы по распорядительному столу о недвижимых имениях в Керчи, принадлежащих дворянам // Гос. архив РК, фонд 455, оп. 1, д. 3716. 1л.

8. Об утверждении в правах наследства к имуществу умершего Константина Васильевича Торопьяно // Гос. архив РК, фонд 376, оп. 5, д. 14277. 17 л.

9. Шестакова Н.Д. Юрий Терапиано. Начало Керчь: документы, семейные предания // Крымский архив, 2015, № 3(18). С.119-132.

10. Миляновский Владислав. «Быть на земле поэтом – горький дар». Биографическая повесть. Керчь: 2001. 32 л.

11. Свидетельство о смерти Темрюкского купца 1-й гильдии Фёдора Захаревича Дубенского // Гос. архив РК, фонд 376, оп. 5, д. 2780. 1 л.

12. Прошение детей купца Ф. Дубенского от 28 ноября 1883г.// Гос. архив РК, фонд 455, оп.1, д. 1371. 32л.
 13. Дело штабс-капитана Ивана Лисовского // Гос. архив РК, фонд 376, оп.5, д. 231. л.2-3.

GENEALOGY OF YURI TERAPIANO:
 (ON MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE
 REPUBLIC OF CRIMEA)

Shestakova NinaDmitrievna,

Head of de Scientific Library

*State budget organization "East-Crimean Historical and cultural Reserve"
 (Russia, Republic of Crimea, Kerch)*

Annotation : *The article is a study of the genealogy of Yuri Terapiano, a well-known poet of the Russian Diaspora. In the context of the topic, the history of Kerch 2nd half of the 19th century presents in part, and also the manners and customs of the city.*

Keywords: *Yury N.Terapiano, Simferopol, Vasily Y. Toropiano, Theodosia County, Andrey P. Savitsky, The mayor of Kerch-Yenikal, Constantine V.Terapiano, Heirs of the merchant Dubensky, Lisovsky.*

References

1. Delo Tavricheskogo Dvoryanskogo Deputatskogo Sobraniya «O Predstavlenii k Nagrazhdeniyu Sleduyushchimi Chinami Sluzhashchikh v Som Sobranii... Kollezhskogo Registratora Tarap' yano» // Gos. arkhiv RK, fond 49, op. 1, d. 737. 6 l.
2. Delo Tavricheskogo Dvoryanskogo Deputatskogo Sobraniya o Smerti Perevodchika Sego Sobraniya Titulyarnogo Sovetnika Yuriya Torop' yano / // Gos. arkhiv RK, fond 49, op. 1, d. 1358. 6 l.
3. Formulyarnyy Spisok Gubernskogo Registratora Vasiliya, Yur'yeva Syna Torop' yano, , Verospovedaniya Pravoslavnogo// Gos. arkhiv RK, fond 49, op. 1, d. 1616. L.2-3.
4. Prosheniye V. YU. Torop' yano ob Uvol' neni // Gos. arkhiv RK, fond 49, op. 1, d. 1972, l.1.
5. Tikhomirov L. A. Teni Proshlogo. M.: Izdatel' stvo zhurnala «Moskva», 2004. 720s.
6. Istoricheskaya Zapiska o Kerchenskom Kushnikovskom Devich' yem Institute s Osnovaniya yego v 1835 Godu do 1885 g./ Sostavil Zakonouchitel' Instituta, Svyashchennik Dmitriy Govorov. Kerch': Skoropecthnaya tipografiya A.B. Kholeva, sobst. Dom, 1886. 105s.
7. Delo Kerch' -Yenikal' skoy Gorodskoy Upravy po Rasporyaditel' nomu Stolu o Nedvizhimykh Imeniyakh v Kerchi, Prinadlezhashchikh Dvoryanam // Gos. arkhiv RK, fond 455, op. 1, d. 3716. 1l.

8. Ob Utverzhenii v Pravakh Nasledstva k Imushchestvu Umershogo Konstantina Vasil'yevicha Torop' yano // Gos. arkhiv RK, fond 376, op. 5, d. 14277. 17 l.
9. Shestakova N.D. Yuriy Terapiano. Nachalo Kerch': Dokumenty, Semeynyye Predaniya // Krymskiy arkhiv, 2015, № 3(18). S.119-132.
10. Milyanovskiy Vladislav. «Byt' na Zemle Poetom – Gor'kiy Dar». Biograficheskaya povest'. Kerch': 2001. 32 l.
11. Svidetel' stvo o Smerti Temryukskogo Kuptsa 1-y Gil' dii Fodora Zakhariyevicha Dubenskogo // Gos. arkhiv RK, fond 376, op. 5, d. 2780. 1 l.
12. Prosheniye Detey Kuptsa F. Dubenskogo ot 28 Noyabrya 1883g.// Gos. arkhiv RK, fond 455, op.1, d. 1371. 32l.
13. Delo Shtabs-kapitana Ivana Lisovskogo // Gos. arkhiv RK, fond 376, op.5, d. 231. l.2-3.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4.
Телефон: +7 (3652) 60-84-98. E-mail: io_cfu@mail.ru